ANNALES

DE L'INSTITUT KONDAKOV

(SEMINARIUM KONDAKOVIANUM)

IX

INSTITUT KONDAKOV

PRAHA 1937

АННАЛЫ

ИНСТИТУТА

ИМЕНИ Н. П. КОНДАКОВА

IX

2J E 134 m.

ИНСТИТУТЪ ИМЕНИ Н. П. КОНДАКОВА

ПРАГА 1937

Copyright by „Kondakov Institute“

Типографія „Политика“

Прага

Universität München
Bibliothek des
Historicums

Тиражъ 430 экз.

A RECENTLY DISCOVERED COMPOUND BOW

The object to be discussed in the following pages formed part of the furniture of a burial in that portion of the necropolis of Baghouz known from the name of the tower tomb which dominates it as Yrzi.[1] The graves of this portion of the necropolis appear to pertain exclusively to the period from the late second century B. c. to the third after Christ when the Baghouz region lay under Parthian dominion. The burial, consisted of a wooden coffin with bronze corner-fittings containing beside the skeleton scraps of cloth, fragments of two or three glass vessels and the major part of a bow. The coffin of thin planks differed in no respect from similar coffins elsewhere in the necropolis and at Dura which are dated by coins, ceramics and jewellry from the first century B. C. to the third century after Christ. The glass vessels belonged to the same general period, and, the burial and with it the bow must be assigned to this epoch.

The bow is generally exceptional as an item of tomb furniture, probably because it was exceptionally valuable and difficult to replace.[2] No other grave either at Baghouz or Dura has been found to contain one. Elsewhere ancient bows have been found in their entirety only in the tombs of Egypt. The presence of a bow here probably denotes its owner as a soldier or huntsman by profession, though it may merely argue his pre-eminence in archery in a land where the bow was the arm of every free man. In any case the weapon which had served well in life was especially chosen as a talisman in the spirit world.[3]

The Yrzi bow, of which the grip and one entire arm are intact, is of the compound reflex type. (Pls. I and II.) Unstrung, it originally measured 1.47 *m.* along the curve or 1.275 *m* from tip to tip. It was built of wood, horn, tendon sinew, and bone. The wood with the exception of the missing armpiece is in good condition. Of the horn only a section some 0.102 *m.* long on the grip and another some 0.091 *m.* long on the arm have resisted the ravages of worms. (Pl. III, d and e) Considerable portions of the tendon sinew backing and whipping remain along the sides of the grip and on

[1]) The vast necropolis of Baghouz lies along the left bank of the Euphrates about forty kilometers southeast of Dura-Europos opposite the modern Abou Kemal. It has attracted the attention of many travellers (v. especially: A. Bell, *Amurath to Amurath,* pp. 82 ff; A. Musil, *TheMiddle Euphrates,* pp. 12, 172, 221 f.), and has been plundered from time to time by the local tribes. It has been scientifically explored during the seasons 1933—34, 1934—35, 1935—36 by members of the Yale Expedition at Dura. Cf. Du Mesnil du Buisson.

[2]) Cf. the remarks of P. Rykow *Ssusslow Tumulus Cemetery,* Ethnographical Society of the Lower Volga, University of Ssaratov, IV, 1925, p. 54, on this subject.

[3]) For primitive bow-burial see: B. Adler, *Internationales Archiv für Ethnographie,* XV, 1902, pp. 4 ff.

the lower half of the preserved arm. (Pls. I, III, a, b, c, e.) The extent of the horn on this arm is indicated by the thick coat of glue which held it, and by scraps of the sinew whipping which covered it. Of the four bone ear-pieces one is missing, two are almost complete, and one is preserved to about half its original length. (Pl. III, a, f.)

The wooden core of the bow was made up of four pieces ingeniously scarfed together at the grip in such a way as to resist the strains of stringing and drawing. (Pls. II, III, b, d.) The two short paddle-shaped grip-pieces of which flexibility was not required were respectively of oak and elm. The wood of the thin pliant arm-pieces has proven unidentifiable. Toward the grip these taper to a point and are scarfed on to the grip-pieces on the backside of the bow, without, however, quite touching. An interval of ca. 0.015 *m.* is left between their points. Toward the tips they taper again and are thickened to form rigid ears. The snug joints of the grip were sand-papered smooth and carefully glued.

The grip and arm pieces are convex on the back of the bow. On the belly, to which the horn stripping was applied, they are almost flat. The horn, which proves to be of the gazelle, was applied in three segments: one long piece for each of the arms, and a short center piece for the swelling of the grip. One of the preserved fragments of horn shows the scarf joint between one of the arm and the grip segments. (Pl. III, d.) The horn is here 0.0025—0.003 *m.* thick, and is affixed with a thick coat of glue to give purchase to which the joint surfaces of both horn and wood are deeply scored.

Over the back and sides of arms and grip was moulded a layer of tendon sinew with its fibres laid longitudinally the length of the bow. Presumably as in later bows this sinew was taken from the great neck-tendon of an ox, stag, or antelope. It was shaped on in a semi-viscous state, and now forms a homogenous, hyaline mass, hard and elastic. Where preserved on the lower part of the arm, it is about 0.004 *m.* thick. The surface of the wooden core was scored to hold it firm. Both horn and sinew reached almost to the nocks as indicated by the fact that the bone ear-pieces slightly overlap the wooden core on either side.

The ears of the bow were stiffened and reinforced by pairs of long bone strips. They are shaped to the curve of the unstrung bow and have rounded tips. They diminish from 0.013—0.015 *m*. in width and 0.0035 *m.* in thickness at the tip, to about 0.0065 *m.* in width and 0.0017 *m.* in thickness at the lower end. The side which was glued to the bow is flat and deeply scored; the exterior surface is slightly convex. The tips project 0.028—0.03 m. beyond the end of the wood of the bow. In the projecting portion, 0.015 *m.* from the tip, the nocks are cut. The pairs of ear-pieces were of unequal length, those at one end 0.225 *m.* long, those at the other 0.167—0.17 *m.* long. The nock of the shorter pieces is worn and rounded and the area about it is smooth from the rubbing of the string. The nock of the longer pieces was more nearly square and showed scant evidence of rubbing. It is clear that to the end of the bow which was stiffened for the greatest length the bowstring was permanently made fast. It was looped into the nock of the more flexible end only when the bow was strung.

The entire bow, back and belly, arms and grip was covered up to the nocks with a fine overall spiral whipping of tendon fibre, which both concealed and protected its structure and rendered it stronger and more cohesive. Scraps of it remain on grip

and arm, and the surfaces of the bone ear-pieces are scored to afford it purchase. It is highly probable that originally there was a decorated exterior covering, which has completely disappeared.

The bow, when unstrung, assumes a pronounced and uniform reverse curve of about 100° of a circle. The arms at the broadest measured 0.037 *m.* across, the grip at the center 0.026 *m.* across and 0.044 *m.* in thickness.

The compound bow, whatever the ultimate circumstances of its origin, spread at a very early period to all the peoples of Asia who had emerged from isolation and savagery. By them it was communicated to their near neighbors. Its evolution was gradual and it reached its highest development at the hands of the nomadic races of Central Asia in the late middle ages.[4] Its ubiquity in the ancient and mediaeval orient and its general formal development may to some extent be traced with the help of texts and representations. Material for a closer study is furnished by extant examples of the bows themselves. This material falls into two groups. On the one had are a series of compound bows from Egyptian tombs, whose dates range from the fifteenth to the sixth century B. C.[5] On the other is the host of late mediaeval and modern compound bows in museums and private collections only a few of which have been studied and published.[6] The intervening gap of some two thousand years is represented only by the bow under discussion.

Whether the compound bows unearthed in Egypt are Asiatic importations, the property of captives or mercenaries, or whether they are replicas of such bows of Egyptian manufacture is not of great moment. They provide in any event a clear picture of the compound bow in use among the peoples of the Near East during the millenium before the advent of the Persians. Though they differ

---

[4]) For the early history of the compound bow, see: M. Jähns, *Entwicklungsgeschichte der alten Trutzwaffen*, pp. 279—310; E. Bulanda, *Bogen und Pfeil bei den Völkern des Altertums*, Abhandlungen des Archaeologisch-Epigraphischen Seminars der Universität Wien, XV, N. F. II, 1913, passim; H. Bonnet, *Die Waffen der Völker des alten Orients*, pp. 135—146; F. von Luschan, *Festschrift für Otto Benndorf*, pp. 189—197. For an analysis of its intrinsic superiority over self or backed bows, see: P. Medinger, *Revue Archéologique*, 6th ser., II, 1933, pp. 227—232.

[5]) Five are known to me. (1) Catalogue général du Musée de Caire, Fouilles de la Vallée des Rois, no. 24, 120, pl. XIX; (2) Wrezinski, *Atlas zur altaegyptischen Kulturgeschichte*, pl. 80, 4 (Cairo, old no. 4725); (3) F. von Luschan, *Zeitschrift für Ethnologie*, XXV, 1893, pp. 266—271; cf. C. J. Longman, *Journal of the Anthropological Institute*, XXIV, 1894, pp. 49—57; (4) H. Balfour, *Journal of the Anthropological Institute*, XXVI, 1896, pp. 210—220; (5) *New York Historical Society*, Abbot Collection, no. 421, IA (inpublished). To these must be added the magnificant collection of compound bows found in the tomb of Tut-Ankh-Amen, which can as yet, unfortunately, not be analyzed. H. Carter, *The Tomb of Tut-Ankh-Amen*, III, pp. 138 ff.; cf. II, pl. LXXVI; I. pl. LXI.

[6]) D. N. Anuchin, *Trudy of the Fifth Archeological Congress at Tiflis*, 1887, pp. 337—376; Hammer-Purgstall, *Denkschrift der Philosophisch-Historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu Wien*, IV, 1852, pp. 3—36; H. Balfour, *Journal of the Anthropological Institute*, XIX, 1890, pp. 229—244; F. von Luschan, *Zeitschrift für Ethnologie*, XXXI, 1899, Verhandlungen, pp. 221—239; R. Payne-Gallwey, *Projectile Throwing Engines of the Ancients with a Treatise on Turkish and Other Oriental Bows*, part II, pp. 1—26; B. Adler, *Internationales Archiv für Ethnographie*, XV, 1902, pp. 1—26; G. C. Stone, *Glossary of the Construction, Decoration, and Use of Arms and Armor*, pp. 133 f.; S. Pope, *A Study of Bows and Arrows*, University of California Publications in American Archaeology and Ethnology, XIII, no. 9, 1923, pp. 345 ff, 350 ff, pls. 50, 53.

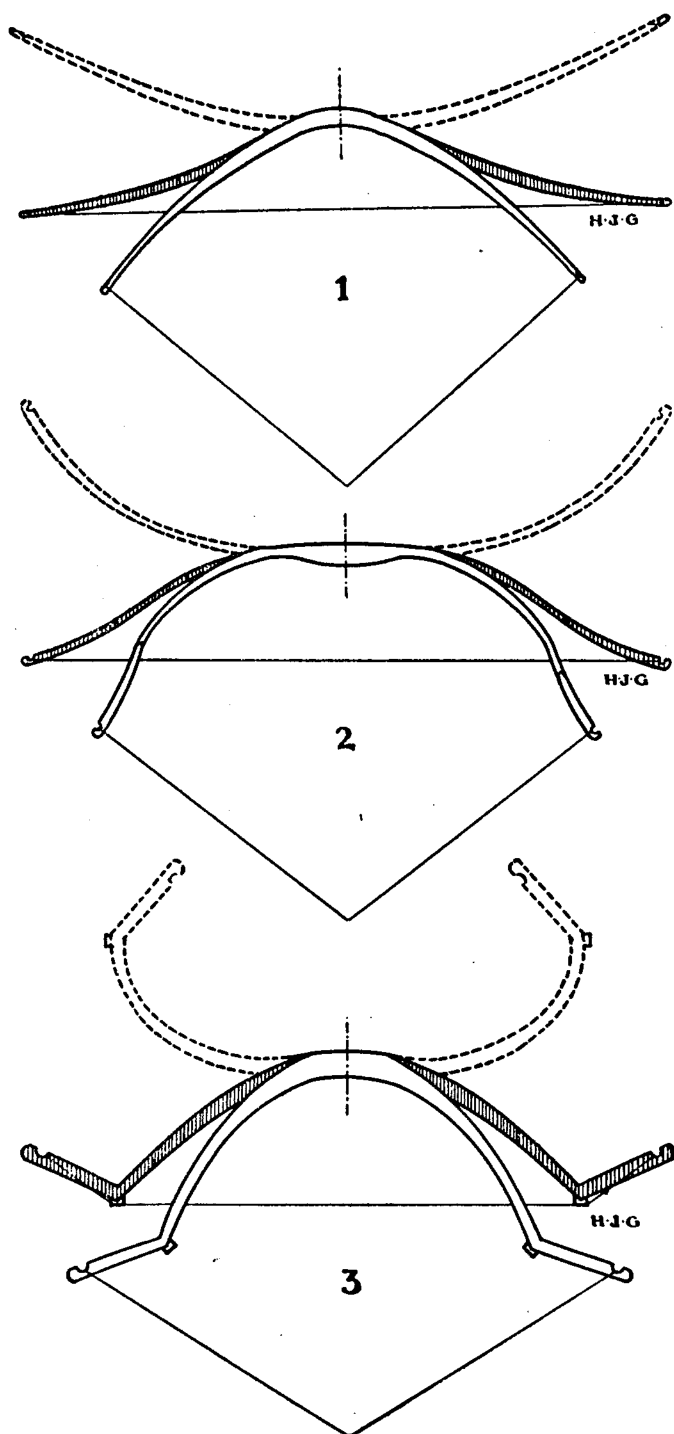
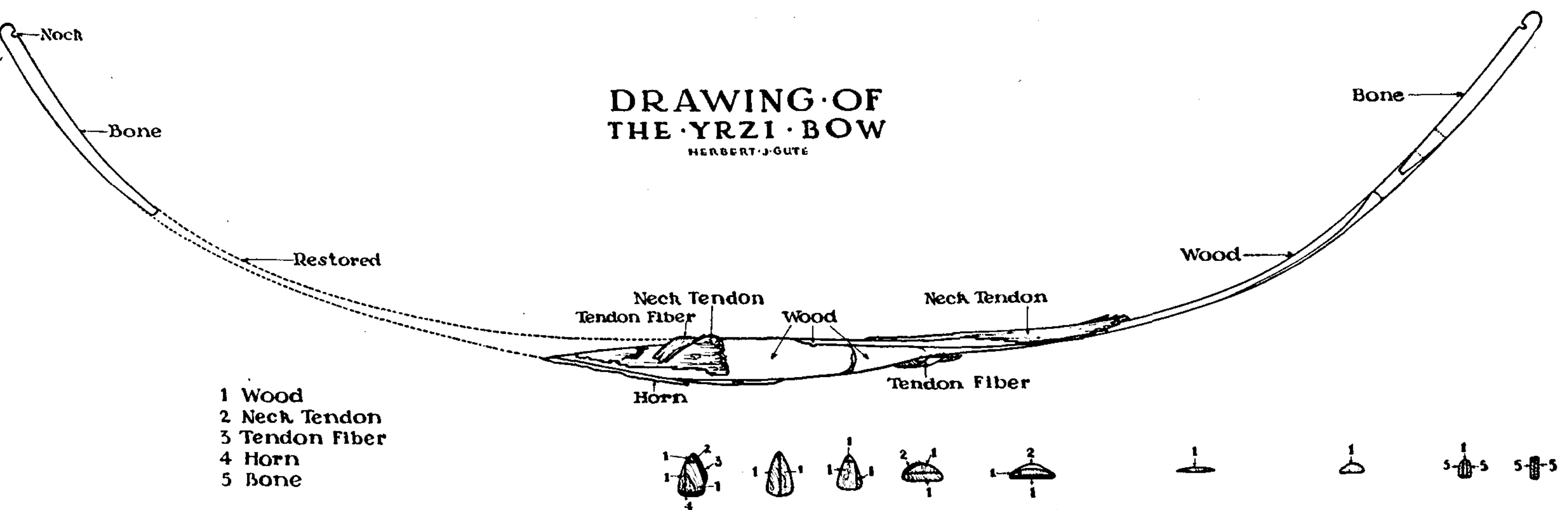
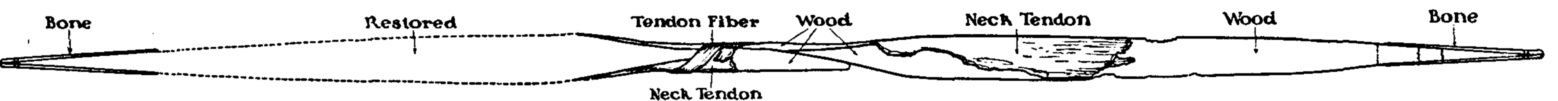

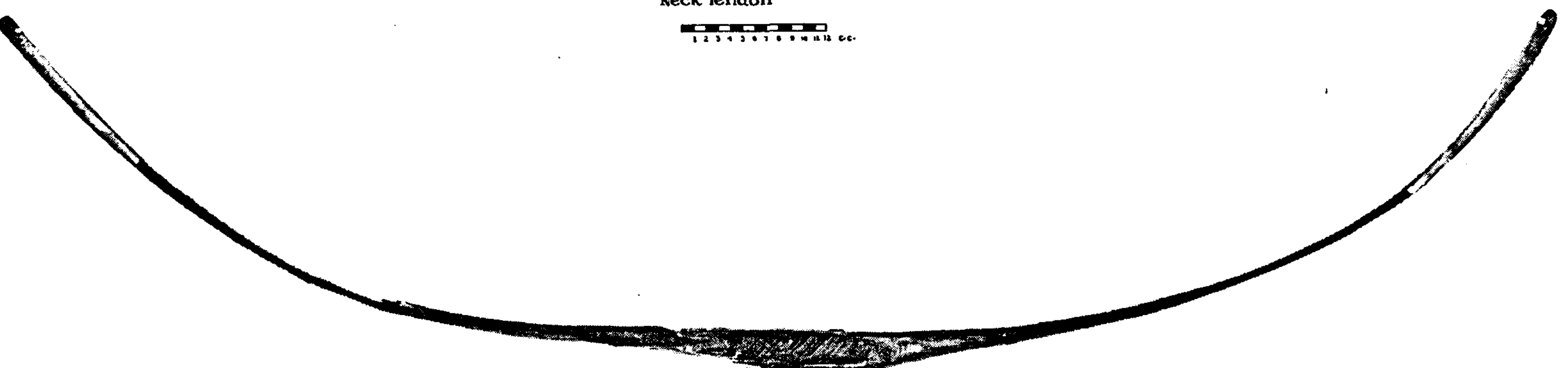
Fig. 1. Schematic drawings of compound bows untrung (dotted), strung (hatched), and drawn.
1. Typical "Assyrian" type. 2. Yrzi bow. 3. Late Mediaeval Turkestan bow.

widely in date and exhibit a certain development in form and structure, the same essential characteristics are common to all of them. When unstrung they are but slightly reflexed (fig. 1, 1). The stiffened grip, shaped to the sweep of the strung and drawn bow, had a convex curve. When the bow was strung the arms, which had no rigid ears, fell back almost straight, and the curvature of the grip gave the whole the angular look familiar from the Assyrian and Hittite reliefs. When drawn, the bow's tapering arms flexed back in an almost semi-circular curve continuous through the pre-shaped grip. The section at the grip was almost a circle (fig. 2, 1).[7] Along the gradually tapering arms it was uniformly a thick ellipsoid. The relative position of horn, wood and tendon in the bow was fixed, but their exact arrangement was still subject to experiment. In a bow of the reign of Ramses II the horn is mortissed into a deep groove running the length of

[7]) The sections are those of bow no. 5, note 5, p. 3, above. I am indebted to the courtesy of the New York Historical Society for permission to examine this bow, which was found in a tomb at Sakhara. It dates probably from the Assyrian or Saite period and is closely similar to bow no. 4 of the twentysixth dynasty. The wood and horn are for the most part in excellent preservation; the tendon sinew has disappeared save for a small portion on the grip.

DRAWING·OF
THE·YRZI·BOW
HERBERT·J·GUTE
Nock
Bone
Restored
Neck Tendon
Tendon Fiber
Horn
Wood
Neck Tendon
Tendon Fiber
Wood
Bone
1 Wood
2 Neck Tendon
3 Tendon Fiber
4 Horn
5 Bone

Bone
Restored
Tendon Fiber
Wood
Neck Tendon
Neck Tendon
Wood
Bone

a

b

1.

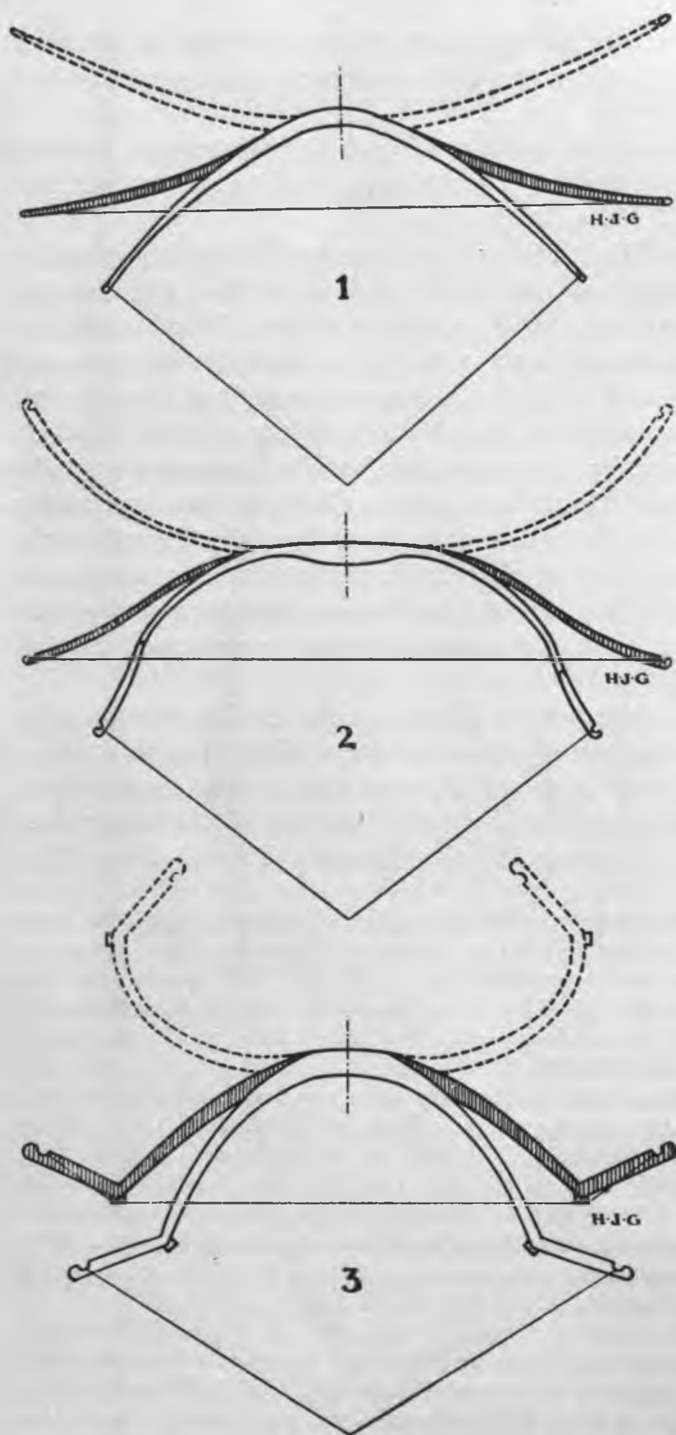

Fig. 1. Schematic drawings of compound bows untrung (dotted), strung (hatched), and drawn.
1. Typical "Assyrian" type. 2. Yrzi bow. 3. Late Mediaeval Turkestan bow.

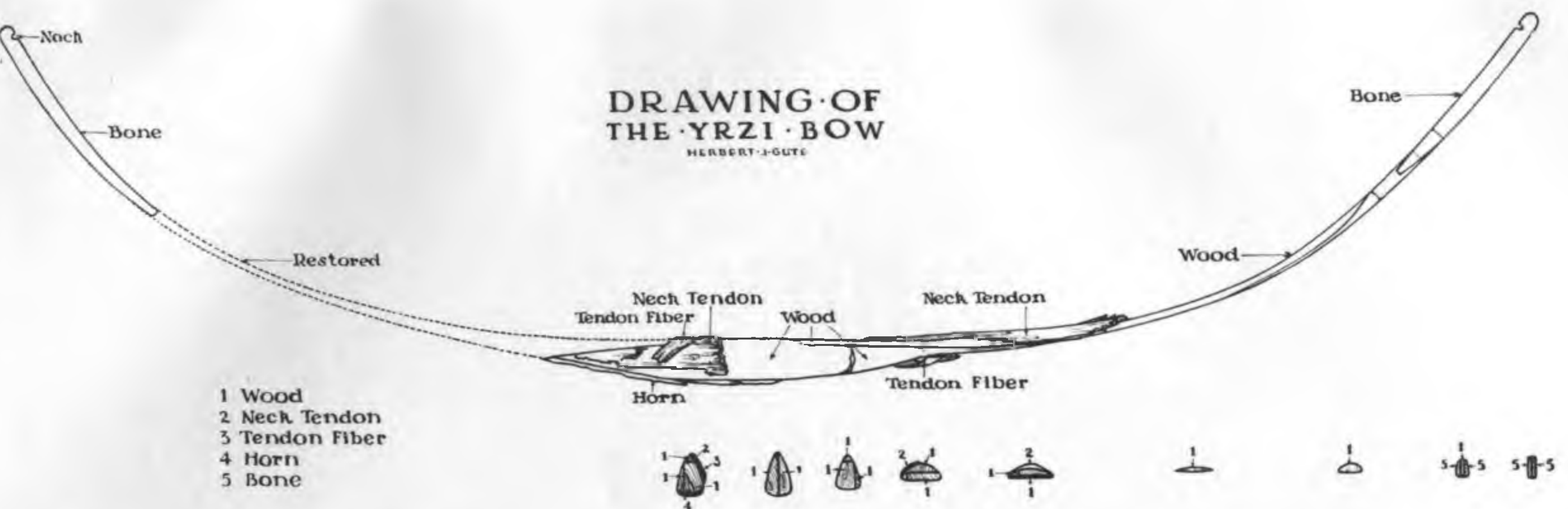
widely in date and exhibit a certain development in form and structure, the same essential characteristics are common to all of them. When unstrung they are but slightly reflexed (fig. 1, 1). The stiffened grip, shaped to the sweep of the strung and drawn bow, had a convex curve. When the bow was strung the arms, which had no rigid ears, fell back almost straight, and the curvature of the grip gave the whole the angular look familiar from the Assyrian and Hittite reliefs. When drawn, the bow's tapering arms flexed back in an almost semi-circular curve continuous through the pre-shaped grip. The section at the grip was almost a circle (fig. 2, 1).[7] Along the gradually tapering arms it was uniformly a thick ellipsoid. The relative position of horn, wood and tendon in the bow was fixed, but their exact arrangement was still subject to experiment. In a bow of the reign of Ramses II the horn is mortissed into a deep groove running the length of

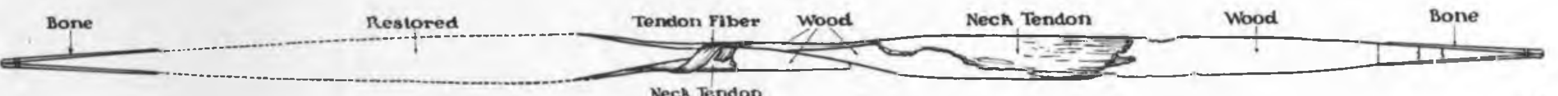
---

[7]) The sections are those of bow no. 5, note 5, p. 3, above. I am indebted to the courtesy of the New York Historical Society for permission to examine this bow, which was found in a tomb at Sakhara. It dates probably from the Assyrian or Saite period and is closely similar to bow no. 4 of the twentysixth dynasty. The wood and horn are for the most part in excellent preservation; the tendon sinew has disappeared save for a small portion on the grip.

DRAWING·OF THE·YRZI·BOW

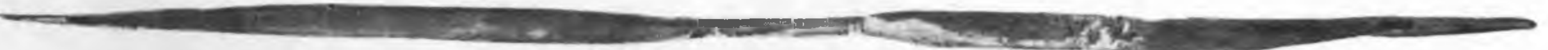
HERBERT·J·GUTE

a

b

I.

the bow. In another, of the XXVI Dynasty, the horn is in three separate layers of which one lies along the back.[8]

The Yrzi bow shows a notable advance in the functional differentiation of the forms of its parts. It is well along toward the stage reached by the bows of the late middle ages of which the "Turkestan" type will serve as an example. (Figs., 1, 3; 2, 3.) This before stringing is so strongly reflexed that in some cases the tips almost meet. The wooden core is in three pieces glued together in fish-tail joints: a single piece for grip and lower arms, two ear and upper arm pieces. The rigid ears are bent at a sharp angle to the arms and reinforced at the nocks by bone tenons. On either side of the stiff grip the arms broaden and flatten. Toward the ears they taper and gradually assume a triangular section showing the characteristic "ridge" along the back, which shades into the ellipsoid section of the ears. The horn is in two strips not quite meeting at the center of the grip. Much of the shape of the arms is secured by the molding of the thick tendon layers. The structure thus answers almost perfectly to the functioning of the bow. The straight rigid grip insures a firm hold. The inflexible ears reinforce the original reflex power of the strung bow. The drawing power of the limber arms is distributed along their entire length by their shaping, which precludes any tendency to buckle close to the ears.[9]

The Yrzi bow is more highly reflexed than the earlier examples, but much less than later bows. The grip is well-shaped and straight. The stiffened ears impart increased reflex resistance and, when the bow is strung, give it a flattened double S curve. (Fig. 1, 2.) The arms broaden and flatten on either side of the grip without losing their ellipsoid section. (Fig. 2, 2.) For their length they are rather narrower than the arms of later bows. The developed "ridge" and triangular section of the upper arm is absent. The arms merely gradually taper and thicken. Their flexibility near the grip is hindered by the overlapping joints with the grip pieces, so that the effective pull is limited to a relatively short aıea. The resultant form of the drawn bow is very open with a tendency to angularity. The application of strips of bone as a device for rendering the ears and nocks rigid is characteristic of almost all types of compound bow save the earliest and latest. In itself it implies nothing as to the structure of the rest of the bow. Bone strips similar to those of the Yrzi bow have been found distributed across central Europe from the Russian steppe to the British Isles in contexts which date from the second to the sixth century A. D.[10] They were typical of the bows of Oriental Roman auxiliaries as well as of the nomadic invaders of the empire. Further east they are found in representation from the Sassanian period to the sixteenth century.[11] They

[8]) Nos. 3 and 4, note 5, p. 3 above. Cf. the bow illustrated here in sections, which has, beside belly and back strips, a strip along either side.

[9]) The western Turkish bow of the late middle ages dispenses with the long offset ears and obtains their effect solely by the shaping of the arms. The three pieces of the wooden core comprise a grip piece and two long arm pieces, and are fish-tailed together close to the grip.

[10]) P. Rykow, op. cit., pp. 53 ff; J. Werner, *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, VII, 1932, pp. 33—58; E. Polaschek, *Wiener Praehistorische Zeitschrift*, XIX, 1932, pp. 239—266; A. Aföldi, *Archeologia Hungarica*, IX, 1932, pp. 18—24; K. Stade, *Germania*, XVII, 1933, pp. 110—114.

[11]) Smirnoff, *Argenterie Orientale*, Commission Imperiale Archeologique, St. Petersburgh, 1909, pls. XXIII, XXVIII—XXXIII, CXIV, 289, CXXXI, 305; B. Laufer, *Chinesse Clay Figurines*, part I,

may be curved or straight and apparently were usually of different lengths at either end of the bow, as in the Yrzi example. In the later representations the strips have become much shorter than earlier, and cease to extend the entire length of the ear. They appear to have become mere decorative survivals.

The place in the general evolution of the compound bow of the type represented by the example from Yrzi is clear. It must not, however, be supposed that this evolution was accomplished in the regions where bows have been found. The evidence rather

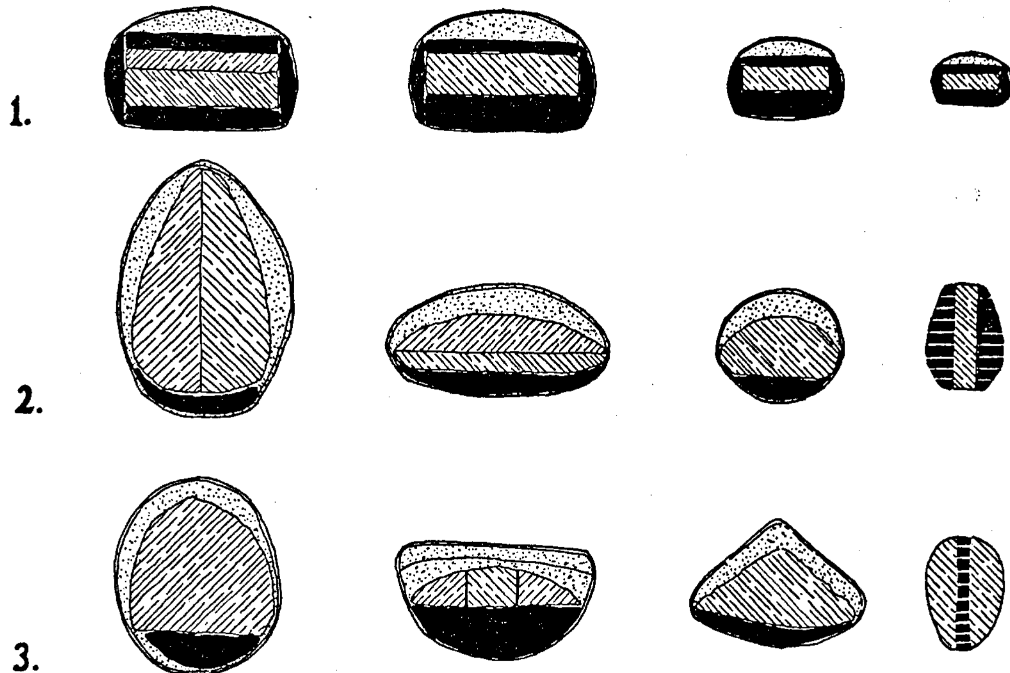
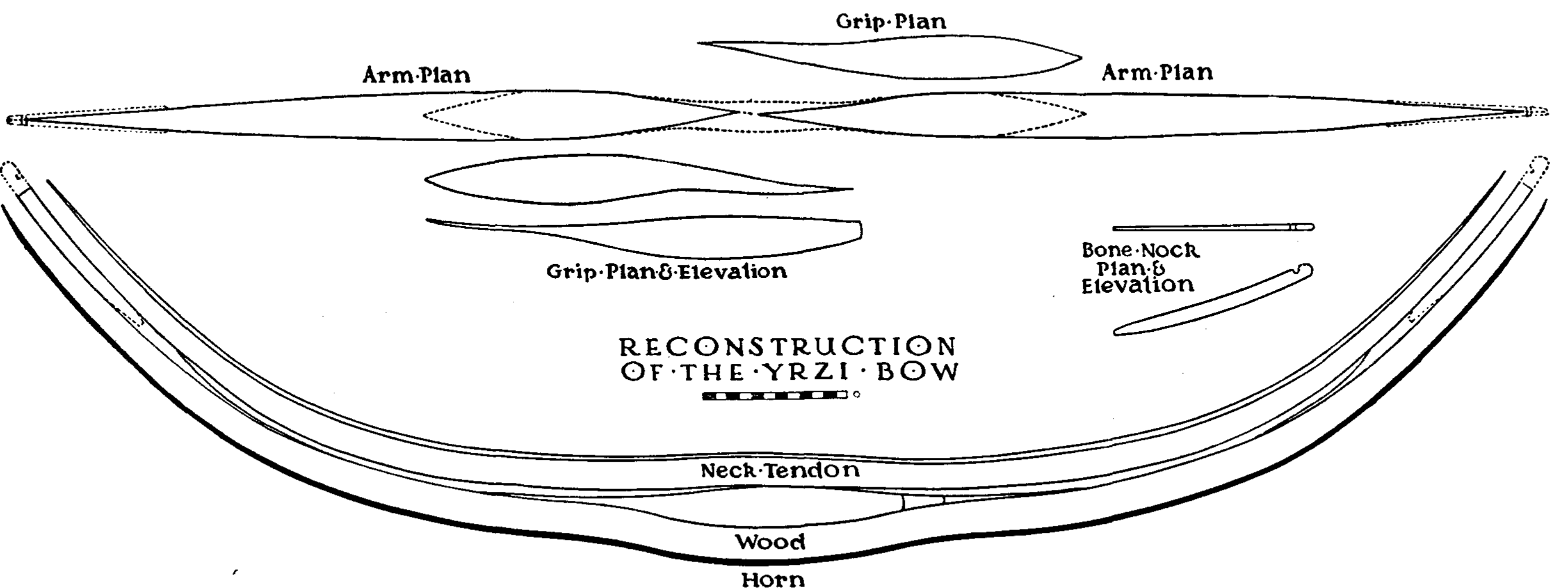

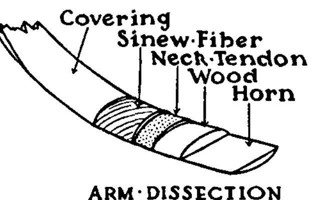
Fig. 2. Section of composite bows at grip, lower arm, upper arm, and ear. Black = horn. Stippled = = tendon. White hatching = bone. Black hatching = wood.
1. Bow of "Assyrian" type (restored). 2. Yrzi bow (restored). 3. Late Mediaeval Turkestan bow.

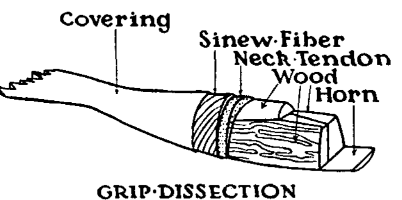
tends to show that the compound bow evolved among the settled peoples of western Asia as a result of successive waves of influence from the central steppes and deserts. Nothing is known of the antecedents of the type of bow found in Egypt. It remained in the Near East for centuries essentially unchanged. The Yrzi type first makes its appearance as the bow of the Iranian masters of the ancient world. In the processional reliefs of Persepolis and Susa it is the arm of the royal bodyguard. It is the bow of the "Graeco-Persian" intaglos of Asia Minor,[12] of the seal of Darius I and other Achaemenid

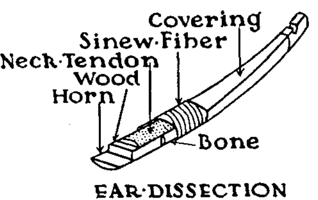
Field Museum of Natural History, Publication 177, Anthropological series, vol. XIII, no. 2, 1914, pl. XXII; cf. L. Binyon, *Painting in the Far East*, 2nd ed., pl. VIII; A. von le Coq, *Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens*, fig. 107; E. Blochet, *Musulman Painting*, pl. XLVI; E. Blochet, *Les Enluminures des Manuscript Orientaux*, pl. LXXX; E. Kühnel, *Miniaturmalerei im Islamischen Orient*, pls. 54, 64, 68.

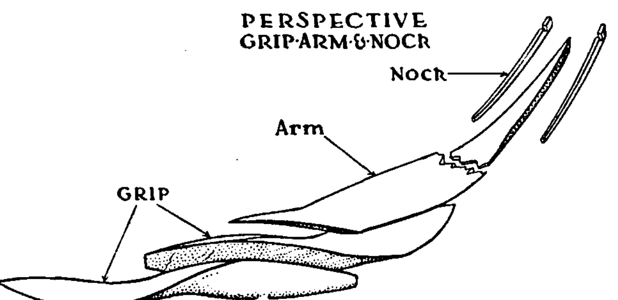
[12]) E. g., M. E. Maximova, *Jahrbuch*, XLIII, 1928, pp. 648 ff, figs. 4, 17, 24; G. S. F. Gow, J. H. S.

Grip·Plan
Arm·Plan
Arm·Plan
Grip·Plan&Elevation
Bone·Nock Plan & Elevation
RECONSTRUCTION OF·THE·YRZI·BOW
Neck·Tendon
Wood
Horn

Covering
Sinew·Fiber
Neck·Tendon
Wood
Horn
ARM·DISSECTION

Covering
Sinew·Fiber
Neck·Tendon
Wood
Horn
GRIP·DISSECTION

Covering
Sinew·Fiber
Neck·Tendon
Wood
Horn
Bone
EAR·DISSECTION

PERSPECTIVE
GRIP·ARM·&·NOCK
Nock
Arm
GRIP

11.

seals,[13] of the Achaemenid darics and sigloi and the Sidonian tetra-drachms of the Satrap Evagoros II, and of the gold-plating of a sword-sheath in the Oxus Treasure.[14]

The Medic and Persian tribes in their migration from the Oxus brought the Yrzi bow-type with them from the homeland where it had been developed. In the west it encountered a bow of the earlier and inferior type which it gradually supplanted. Once established it became the prevalent bow of the Near East, where it persisted for many centuries until it was itself superseded by new types from the steppe. Its currency in the Hellenistic and post-Hellenistic periods is testified by a famous terra-cotta in the Sarre collection,[15] by the graffiti of Dura,[16] and by the column of Trajan, where it is the arm of oriental auxiliaries in the Roman army.[17] An interesting survival of the type derived no doubt directly from its original homeland is found in Siberian gold plaques.[18]

When the Saka-Parthians first came into contact with western peoples they found them in possession of bows of the Yrzi type. The Parthians themselves were armed with bows of a different sort. Its form is given on the normal reverses of their coinage. It was a compound bow of the type which may be called the "Scythian". As depicted strung or drawn it has a more or less pronounced "cupid's bow" outline. It is familiar from representations of Scythic bowmen, e. g., on a vase and gold plaque from the Kul-Oba tumulus,[19] on a vase from the Solokha tumulus,[20] on the Coinage of Olbia, and on Greek vase paintings. Its outline was compared by the ancients with that of the north shore of the Black Sea.[21] It was a small bow, scarcely more than 0.75 *m.* from tip to tip when strung,[22] though it was normally very deep strung, ca. 0.30 *m.* from string to arm. It had curling ear-tips and often a curved grip.

No actual example of such a bow has come down to us. Although in certain cases allowance may be made for exaggeration on the part of the artist, the fact remains that no extant compound bow is capable of assuming such a form. A "cupid's bow"

XLVIII, 1928, pp. 133 ff, pl. IX, 3—5. On certain of these intaglios the unsymmetrical outline of the drawn bow due to the unequal lengths of the stiffened ears is clearly visible.

[13]) British Museum, *Guide to the Babylonian and Assyrian Antiquities*, 1922, fig. 42, p. 233; O. M. Dalton, *The Treasure of the Oxus*, pl. XXIII.

[14]) Dalton, op. cit., no. 22.

[15]) F. Sarre, *Die Kunst des alten Persien*, pl. 54

[16]) F. Cumont, *Fouilles de Doura*, pl. XLVIII, 2; *Dura Report II*, pl. XLI, 2.

[17]) Cichorius, *Die Traianssäule*, pl. L.

[18]) Kondakov, Tolstoi, Reinach, *Antiquités de la Russie Meridionale*, p. 396, fig. 359; E. H. Minns, *Scythians and Greeks*, p. 278, fig. 201; etc.

[19]) E. H. Minns, op. cit., pp. 197, 200 f., figs. 90, 93—95.

[20]) M. I. Rostovtzeff, *Iranians and Greeks in South Russia*, p. 102, pl. XX.

[21]) Strabo, II, 5, 22; *Ammianus Marcellinus*, XXII, 8, 37, whose statement that the arms of the Scythian bow were of horn may be dismissed as readily as the similar pronouncements of certain modern writers on archery who had not taken the trouble to dissect a compound bow and were deceived by the horn along the belly which was customarily polished and left bare; Dionysius Periegeta, 11.156—162, with the commentary of Eustathius on 11.157 ff.; Pliny, Natural History, IV, 24.

[22]) A. S. Lappo-Danilevskij, *Scythian Antiquities, Transactions of the Imperial Russian Archeological Society, Slavic and Russian section*, IV, 1887, pp. 433 ff., who briefly discusses the fragmentary wooden core of a Scythian bow found in the Kurgan of Nymphaeum near Kertch. Unfortunately the shape of the bow is not reported.

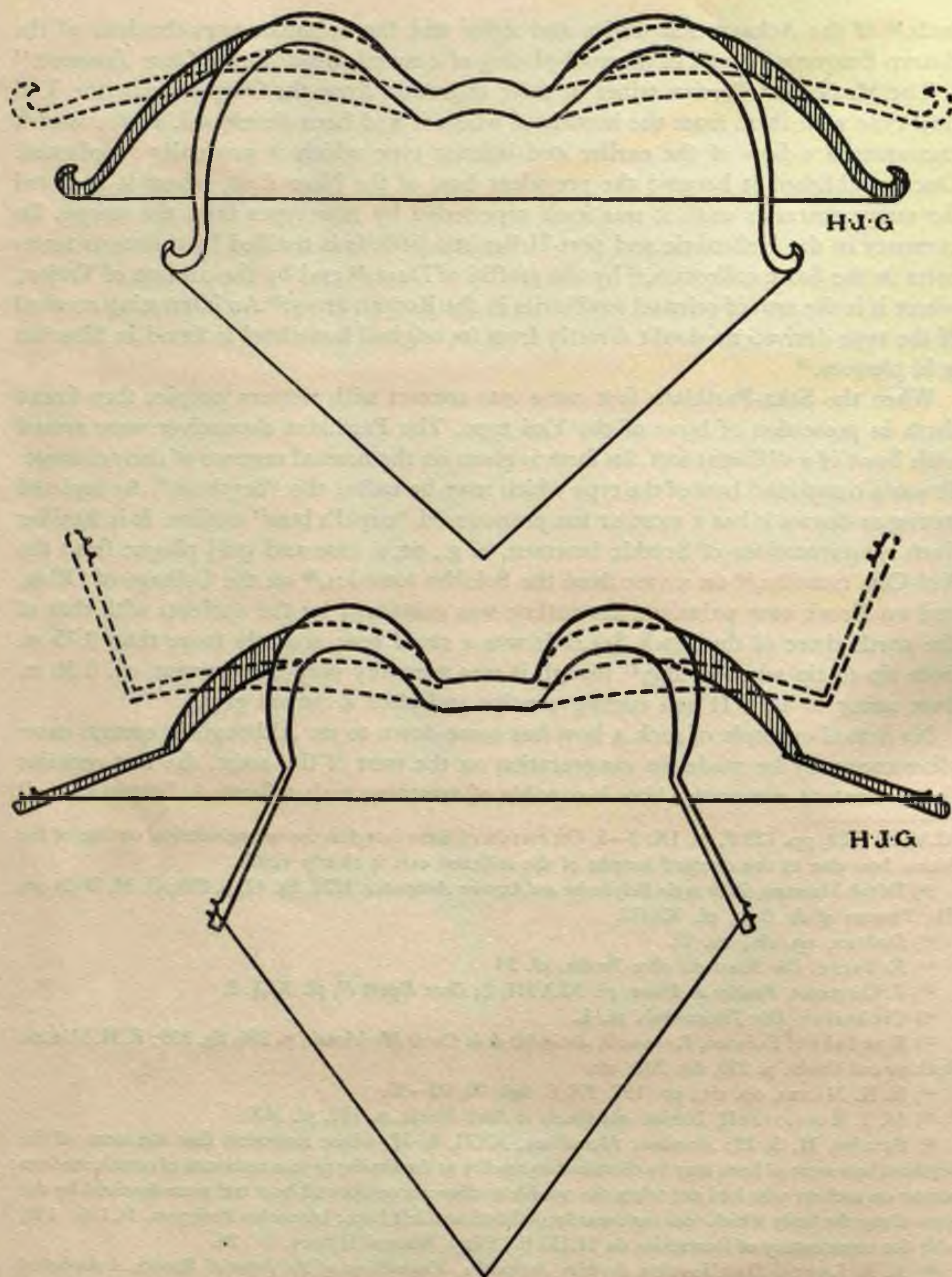

Fig. 3. Schematic reconstructions of compound bows unstrung (dotted), strung (hatched), and drawn. *a)* "Scythian" type. *b)* "Sassanian" type.

a

b

c

d

e

f

so pronounced must have its cause in a highly particularized type of bow structure which is no longer prevalent. The ears and grip, whether straight or curved, must have been absolutely rigid, the arms exceedingly pliant. The sharp distinction of these members must have been made possible by the inner construction of the bow. The curve of the arms must have been already apparent before stringing. They cannot have been highly reflexed. The only analogy among existing examples is to be found in certain bows of "Tartar" shape which do, in fact, when strung develop the cupid's bow shape to a slight degree. Before stringing they are exceedingly angular in shape. The arms are already somewhat shaped to the desired curve. The grip is stiffened by a thick plug of wood and the long ears are separate rigid members. A similar type undoubtedly forms the basis of the "Scythian" shape. Figure 8a shows a reconstruction of its probable form.

During the Parthian epoch the type was further developed. It was built larger and heavier. The ears were made long and either straight or slightly curved. (Fig. 3b.) Variations of the type were current from one end of Central Asia to the other. It is represented on a "Graeco-Sakian" bowl of Bactrian origin,[23] on Chinese vases, tiles and frescoes of the Han period,[24] on the graffiti and paintings of Dura,[25] and as the arm of the Sarmatians on Trajan's column.[26] In the Near East the older bow of the Yrzi type was slow to die out. During a long period the two types existed side by side. Both are represented in the Dura graffiti and on the Column of Trajan. Finally in Sassanian times the "Scythian" type in its later form alone held the field.[27]

F. E. Brown.

New Haven, USA.

[23]) Smirnoff, op. cit., pl. XXXIX; M. I. Rostovtzeff, *Seminarium Kondakovianum*, VI, 1933, pp. 182 ff., pl. XIV, 3—4.

[24]) B. Laufer, *Chinese Pottery of the Han Dynasty*, pls. XLVII-L; R. L. Hobson, *The George Eumorphopoulus Collection*, Catalogue of Chinese, Corean, and Persian Pottery and Porcelain, I, pls. II, 9, III, 10, IV, 8, XVI, 9; M. I. Rostovtzeff, *Inlaid Bronzes of the Han Dynasty*, pp. 26 f., pls. XIV, XV; ibid., *Revues des Arts Asiatiques*, 1933, pls. LXVI, LXVII; cf. O. Fischer, *Die chinesische Malerei der Han-Dynastie*, pls. 4, 6.

[25]) Cumont, *Fouilles de Doura*, pls. LIX, XCVIII, 1; *Dura Report IV*, pl. XXI, 1—3; *Dura Report V*, pl. XXXV, 4; *Dura Report VI*, pp. 306 f., figs. 22, 23; M. I. Rostovtzeff, *Yale Classical Studies*, V, figs. 71, 79.

[26]) Cichorius, op. cit., pls. XIX, XXIV, XXVIII, LXXXIV.

[27]) In the Muslim period the later form of "Scythian" type was itself superseded by superior developments from Central Asia, and survived only among certain tribes as the "Tartar" bow.

PLATE NOS. AND CAPTIONS

Pl. I. Yrzi bow, actual state. Side view and back view.
Yrzi bow, photograph.
a) Side view. Taken from the opposite side to that shown above, and showing the remains of the tendon-fibre wrapping about the grip.
b) Back view.

Pl. II. Reconstructed drawings.

Pl. III. *a)* Preserved arm and one grip piece showing joint surface with square section of wood removed for miscroscopic examination. The lower half of the visible bone ear reinforcement is a restoration.
b) Side view of lower arm and grip sections of a, showing overlapping joint of arm piece and the traces of glue in the grip joint.
c) Back view of b showing the remains of the tendon backing on the lower arm.
d) Belly view of grip showing remains of horn backing with scarf-joint between arm and grip segments.
e) Belly view of arm showing remains of horn backing (along upper edge) and tendon-fibre wrapping.
f) Side view of bone ear reinforcement.

THE NECROPOLIS OF HALEBIE — ZENOBIA

(Preliminary Exploration)

In 1936 being a member of the Yale University Expedition at Dura-Europos, I undertook, with the kind permission of Mr. H. Seyrig, Director of the Service des Antiquités, a small exploration in the necropolis of Halebie, which lies near the ruins of the town, 65 *kms.* N. W. of Deir-ez-Zor. My task in general was to collect materials for comparison which might be of use in investigating the necropolis of Dura-Europos and Erzi, and, in particular, to explore the Tower-Tombs which are so numerous in the Halebie-necropolis.

Present-day Halebie, according to G. Hoffmann, E. Herzfeld and A. Poidebard, who rely mainly upon the evidence of Procopius[1], should correspond to the ancient Zenobia — a town called after Septimia Zenobia, queen of Palmyra, and built about 266—270 A. D.[2]

The necropolis of Halebie-Zenobia[3] consists of two parts, one of them situated to the South, the other to the North of the town. Both parts occupy a comparatively narrow strip of land between the hills and the Euphrates. The South necropolis begins at the Southern Tower,[4] which lies 1.5 *kms.* from the town. The portion nearest to the town-walls is covered with ruins of a medieval Arab village or suburb. The northern part of the necropolis in which monuments are most abundant is situated in a triangle formed by the hills, the northern town-wall, the Euphrates. On the North it is terminated by the Northern Tower, the best preserved of all, which lies on the slope of a hill at the point where it comes down to the river.[5]

1) De aedificiis II, 8.

2) F. Sarre und E. Herzfeld: *Archäologische Reise im Euphrat- und Tigris-Gebiet.* v. I., p. 167; v. II., p. 365.

3) The first records of the ruins of Halebie date from the middle of the last century. F. Jones: *Selections from the Records of the Bombay Gouvernment,* No. XLIII. Bombay 1857, p. 174. Chesney: *The expedition for the survey of the rivers Euphrates and Tigris,* London 1850, I., p. 418. H. B. Lynch: *The Transactions of the Bombay Geographical Society from September 1841 to May 1844,* Bombay 1844, p. 177. These three works were inaccessible to me and I refer to them from the bibliography given by G. Hoffmann: G. Hoffmann: *Miscellen. Über eine am Euphrat gefundene Mumie mit goldener Gesichtsmaske.* Archäologische Zeitung, Jahrgang XXXVI., 1878, Berlin, p. 25. For a short description of the town and of the necropolis with several plans of tombs see F. Sarre und E. Herzfeld: *Archäologische Reise im Euphrat- und Tigris-Gebiet,* v. I., p. 166—168; v. II., p. 365—373; v. III., pl. LXXI—LXXV.

4) For a schematic drawing and a plan of it see F. Sarre und E. Herzfeld: *Archäologische Reise im Euphrat- und Tigris-Gebiet,* v. III., pl. LXXV.

5) See A. Poidebard: *La trace de Rome dans le désert de Syrie,* pl. LXXXII, LXXXIV.

On a comparatively small space all covered with foundations of tomb-structures, catacombs and separate tombs, we can count the ruins of 12 Tomb-Towers, three of which are fairly well preserved. Besides these there were about 20 towers of which only the foundations and remains of walls are to be seen. The necropolis continues up the slopes of the hills, in which catacombs are cut, and above, close under the stony plateau, is a number of caves. They are partly filled up with earth, but still preserve their ceilings covered with paintings which, it is true, have been badly damaged and scratched by Arab shepherds. Several tomb-caves are to be seen on the slopes. They are usually in the form of a square-room with three ledges along its walls.[6]

North Tower-Tomb.

The North and best preserved Tower, is the most typical monument of the necropolis in Halebie.

It is built of random rubble laid in gypsum-mortar; the walls are covered on both sides with a layer of good gypsum-plaster; the outer plaster has horizontal grooves at intervals of 60—70 *cm.*, to imitate coursed stone (Pl. IV, VI).

The outer walls have partly collapsed. As usual, the northern façade is best preserved. It has retained its architectural ornaments which consist of two pairs of half-columns and corner-pilasters, with three false windows between them.

A slightly projecting cornice marks off the first floor of the tower; the other façades probably had the same architectural treatment. The eastern façade differs from the rest only by the presence of a door in the middle.

The general form of the building is that of a square-tower, divided into storeys, each somewhat smaller than the one beneath it. The base has the usual stair-like appearance. The northern and the southern sides of the base each have two loculi made in them. The western side also has two external loculi, but they are made above the stair-like base in the wall itself.

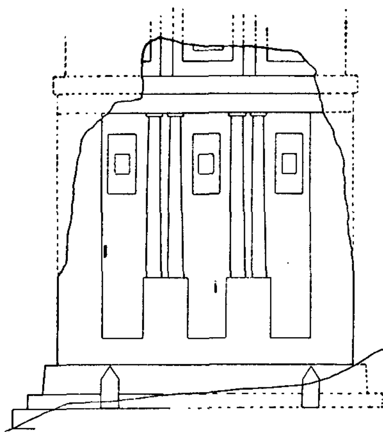
Inside, the lower part of the tower presents a square room (3·30 × 3·40 *m.*) with three deep vaulted niches placed 1·20 *m.* above the floor. Under the niches are loculi with triangular corbelled vaults — three in the southern and in the northern walls respectively, and two in the western wall. Above the entrance-door is a niche only 0·80 *m.* deep. A shallow grave, 0·70 *m.* deep, in the floor in front of the western ledge is covered with stone-slabs.

In the side-walls of the southern and of the northern niches are small loculi. That of the northern niche is connected with a loculus in the side-wall of the eastern niche.

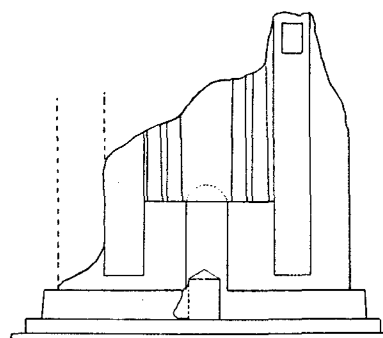
Every niche has a splayed window in it. The room is covered with a stepped corbelled dome carried on four triangular corbelled arches. There are badly damaged sculptural ornaments modelled in plaster in the lunettes of the triangular arches. They consist of two human busts of a Palmyrian type with large Parthian coiffures with between them an eagle. In the spandrels of the west arch are fragmentary victories. The heads are so broken that it is impossible to judge of the details.

[6]) F. Sarre und E. Herzfeld: *Archäologische Reise im Euphrat- und Tigris-Gebiet*, v. III., pl. LXXV a.

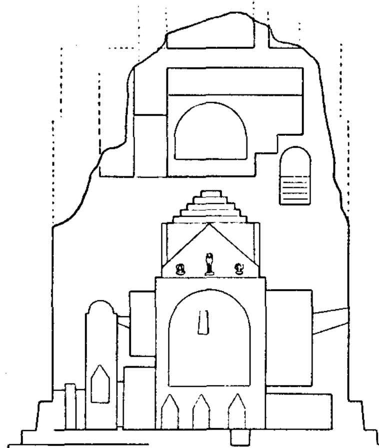
HALEBIE NORTH TOWER I

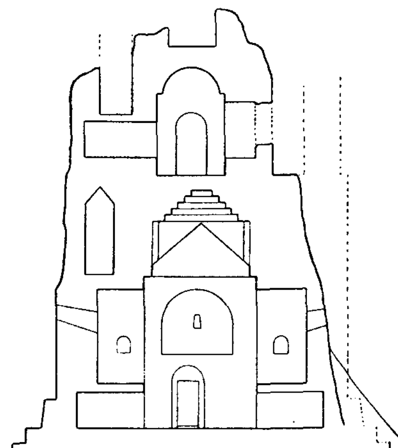
N. WALL.

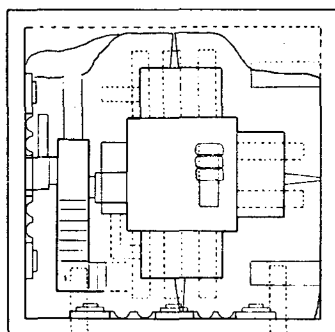
E. WALL.

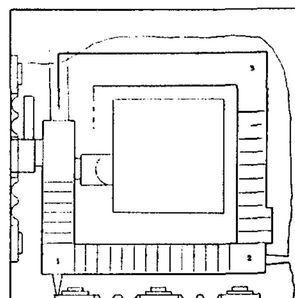
E.W. SECTION.

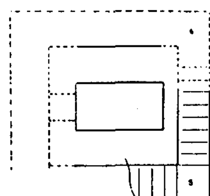
N-S. SECTION.

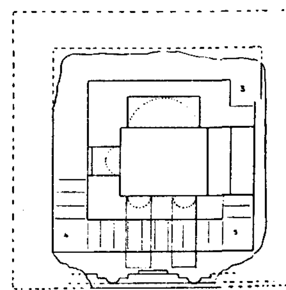
I. FLOOR

STAIR-CASE PLAN.

III. FLOOR.

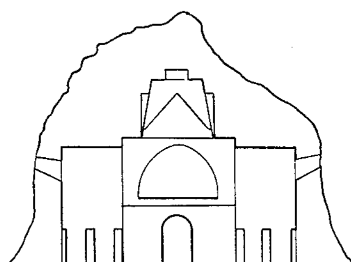

II. FLOOR.

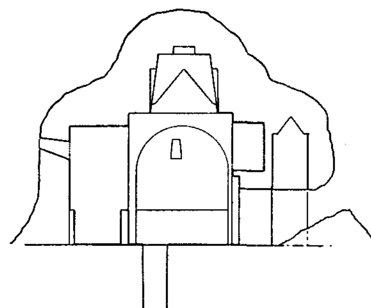
[illegible]

HALEBIE TOWER. II.

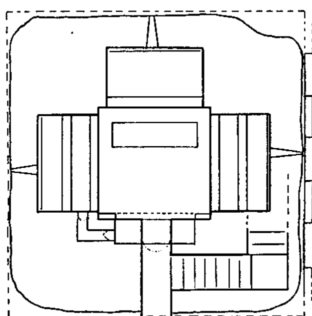

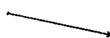

N-S SECTION.

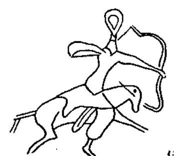

W-E SECTION.

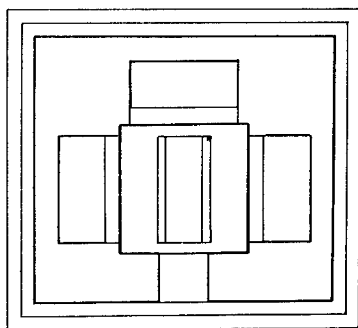
1:10

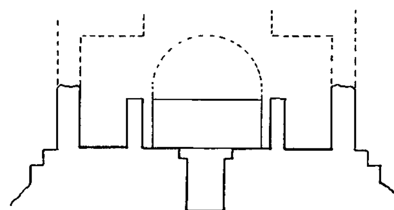

1:4

TOWER III

A lofty narrow corridor with a barrel vault lies between the outer door and the door leading into the central room. From the north end of this corridor the stairs ascend.

On the South the corridor ends in a wall in which there is another loculus. A narrow cleft (0·30 *m.*) is made in the southern wall of the small passage leading from the outer door to the corridor, so narrow that it could not have served as a burying place and was thus probably made to receive a second, sliding door.

The staircase, situated in the wall, leads, in three flights, to the second floor. From the third landing, a corridor extends on the south round the inner room of the second floor. This room is a funeral-chamber (2·10 ×3·95 *m.* in size) with a barrel-vault, and a door in its eastern wall. A vaulted niche to the left of the entrance contains a ledge for a sarcophagus. The two steps opposite the entrance probably also served as a place for sarcophagi. There are two large barrel-vaulted loculi in the right, northern wall.

A staircase situated in the same way as the one described before, leads from the second floor to the third. Only the lower parts of its walls have remained, but they allow us to establish its plan.

In the middle there was quite a small chamber (1·40 ×2·60 *m.*) with a door to the East. As in the floor below, it was surrounded with a corridor and staircase. The staircase was probably continued still further to the fourth floor.

The general scheme of the building is that of three or four rooms lying one above another, becoming smaller with every floor, and surrounded by a staircase. The horizontal divisions on the façades correspond to this arrangement inside.

The problem of the roof, connected with, or depending on the structure of the fourth floor, which unfortunately is not preserved, remains unsolved. E. Herzfeld supposes that the tower was surmounted by a pyramid.[7] This supposition can be supported by the fact that a certain kind of tomb-structure with a pyramid-roof is very widespread in Syria, eg. in Haas, Marata, El Ghadfeh, Serdjilla.[8]

Indeed, a pyramid roof, covering a vault is quite logical in a mausoleum which is in the form of a room, or which is terminated by a room.

In the towers of Halebie we observe a gradual diminution of space inside the upper storeys. It is hardly probable that the fourth floor, which is now absent, contradicted this general tendency of the tower and contained a large room. In the most ancient towers of Erzi (a necropolis stretching along the left bank of the Euphrates opposite Abu Kemal), which give us an idea of the consecutive development of tomb-towers, we have no inner rooms, but only a staircase leading to the third storey (eg. Tower Tomb Abu Ğelal).[9]

The same principle of the fundamental scheme is preserved in the South tower of Halebie.

Thus the staircase is the only raison d'être of the building. It could not, of course, have been an aim in itself, and must have led somewhere. It is to be supposed that in the towers of Halebie, just as in those of Erzi, the staircase could have led only to an

7) F. Sarre und E. Herzfeld: *Archäologische Reise im Euphrat- und Tigris-Gebiet,* v. II., p. 367.

8) De Vogüe: *Syrie Centrale,* pl. LXX—LXXI; H. C. Butler: *Syria* — Publications of the Princeton University Archaeological Expedition to Syria in 1904—1905, v. II., fig. 103—107, 150.

9) G. Bell: *Amurath to Amurath,* fig. 48.

open platform or a terrace on the top of the tower. G. Watzinger has already expressed an opinion that the Palmyrian towers had a flat terrace-roof,[10] although the internal structure of most of the Palmyrian towers did not necessarily require a flat termination.

We have at our disposal no definite materials for dating the North Tower. E. Herzfeld[11] ascribes them to Palmyrian times, therefore to the end of the third century A. D., if we are to assume that Halebie was founded at the time of Zenobia. The Palmyrian character of the sculpture confirms this dating. It would be more cautious, however, to date the building of the tower as III—IV centuries A. D.

Tomb-Tower II.

The next tower with a well preserved central room, but with outer walls completely crumbled, presents the same general scheme as the North Tower (Plate V).

The central room has the same cruciform plan with three deep niches and a shallower one above the door. There is an essential difference only in the places for the sarcophagi. Instead of the loculi double cases separated by low partitions were made in the side-niches. There is a grave in the floor in front of the western niche, 0·60 ×2·20 *m.* in size and 1·40 *m.* deep, covered with stone-slabs. A narrow corridor leads from the outer door into the central room. A staircase of which only 12 steps are preserved begins to the right of it. Its general disposition is identical with that of the staircase in the North Tower. There are Greek inscriptions in red paint above the entrance door and under the window in the southern niche:

1) ΙΩΑΝΝΙϹ ΘΩΜΑϹ
2) + ΙΩΑ̣Ν̣Ν̣Ι̣Ϲ ΘΩΜΑ

These inscriptions are probably of a later date than the building itself,[12] and probably refer to Christian burials.

On the center partition of the southern niche is a graffito which represents a horseman shooting a bow. It is very like the similar drawings from Dura-Europos.

Tomb-Tower III.

A hillock, containing the lower part of the walls of Tower III (Pl. V), rises among the numerous foundations lying between Tower II and the river.

The general plan of the foundation repeats that of Tower II on a somewhat smaller scale and in a somewhat simplified manner.

---

10) *Palmyra*, Ergebnisse der Expedition von 1902 und 1917 A. I. D. R. 1932, p. 79.

11) F. Sarre und E. Herzfeld: *Archäologische Reise im Euphrat- und Tigris-Gebiet*, v. I., p. 166.

12) It is probably the inscription mentioned by Chesney as being in one of the towers of Halebie. See G. Hoffmann: *Miscellen. Über eine am Euphrat gefundene Mumie mit goldener Gesichtsmaske.* Archäologische Zeitung, Jahrgang XXXVI., Berlin 1878, p. 26.

The central room contained three niches separated from it by partitions 1 *m.* high and 0.30 *m.* thick. The niches probably had barrel-vaults. The door was in the east wall. The peculiarity of this tomb-structure is that it has no staircase, a circumstance which allows us to apply to the building the name of a tower only conventionally.

A grave was found in the floor in front of the door. Its size was 0·70 × 2·10 *m.*, its depth 1·20 *m.*

The tomb-towers of Halebie are a variety of the Syrian tomb-architecture. Together with the other towers on the middle Euphrates they form a distinct group. Remains of similar tomb-towers are to be found south of Halebie at Tabus[13].

In the necropolis of Dura-Europos[14] the foundations of five more towers are preserved. They have outside loculi. The series of five fairly well preserved towers in the necropolis of Erzi (Bahguz) is most important for tracing the history of the development of this kind of tomb-structure. These monuments on the middle Euphrates form a special variety related to the towers of Palmyra,[15] though quite independent of them.

The best preserved tomb-towers of Palmyra, differ, indeed, a good deal in their plan from the tomb-structures of Halebie. In Palmyra we find already in the First century a type of many-storied tower quite developed in its form. Its floors all repeat the same plan of a rectangular room with rows of shelves for placing the dead. The smooth external walls of cut stone resting on a degenerate stepped plinth have no architectural divisions or decorations save a cornice and arcaded window above the door. The inner rooms however are charged with rich architectural ornament. In comparing these towers of Palmyra with those on the middle Euphrates, we find that they have hardly anything in common. But among the two hundred odd tomb-structures of Palmyra, several towers (T 4, T 12, T 19)[16] are to be found the plans of which approache that of the towers of Erzi.

They differ from the rest in that their inner rooms are far less developed, while the staircase plays a more important part. The lower portion contains outside loculi. Unfortunately these towers bear no dated inscriptions and we thus do not know whether they were the predecessors of the best types of Palmyrian tomb-architecture of the I[st] and IInd centuries, or whether they represent a subsequent degeneration of these beautiful structures.[17]

Typologically the tower-tomb of Halebie is the latest in the Euphratian group. The towers of Dura-Europos date from the Second century. The towers of Erzi were built in the following typological order: Abu-Zimbel, Abu-Ğelal, Erzi, Sheik-el-Hamem. The same general principles of construction and architectural decoration of the outer walls remain throughout the evolution of this group of towers. The development is from a building with only the staircase and the outside loculi in the stepped foundation to

---

13) F. Sarre und E. Herzfeld: *Archäologische Reise im Euphrat- und Tigris-Gebiet*, v. I, fig. 76.

14) F. Cumont: *Fouilles de Doura-Europos*, p. 273 pl.

15) F. Sarre und E. Herzfeld: *Archäologische Reise im Euphrat- und Tigris-Gebiet*, v. II, p. 366—367.

16) C. Watzinger: *Zur Geschichte des Grabturms, Palmyra*, Ergebnisse der Expedition von 1902 und 1917 A. I. D. R., 1932, p.

17) C. Watzinger: *Zur Geschichte des Grabturms, Palmyra*, Ergebnisse der Expedition von 1902 und 1917 A. I. D. R., 1932, pp. 77—84.

a tower with central funeral-chambers surrounded with a staircase of the type of the North Tower in Halebie. The details of this evolution should be discussed in connection with a description of the towers of Erzi, Dura-Europos, and the other towers of the Halebie-necropolis. For the present we shall content ourselves with ascertaining the direct connection between the towers of Halebie and those of Erzi.

The characteristic plan of the central chamber of the ground-floor is peculiar to the towers of Halebie. As in some of the underground graves of Halebie, it consists of a square room with three resting places or niches. In the numerous tomb-structures of S. and N. Syria analogies can be found to this treatment of the inner space of the central chamber (Rimet-el-Luhf, Marata, Serdjilla).[18]

We may suppose that the more simple, fundamental type of the Middle-Euphratian tower, as we know it in Erzi, had undergone a change by the Third century and acquired this form of a central room under the influence of the North-Syrian tomb-architecture. The external appearance of the tower, however, and the architectural treatment and the divisions of the outer walls connect the Halebie-towers with the Parthian architecture of Mesopotamia.[19]

As for the plans of the tombs of Mesopotamia,[20] they differ sharply from the plan of a Middle-Euphratian tower. They show a one- or two-storied building[21] partitioned inside into several separate funeral chambers.

Minor Finds.

All the loculi of the explored towers were found to have been robbed.

In North Tower I the grave in the floor was also robbed, part of the stone-slabs covering it having been removed. Three skulls and several bones were found inside; in the dust that filled the grave a certain number of small pieces of a fine grey-violet silk textile (see below) was preserved.

The grave in the floor of Tower II was also robbed. The wooden sarcophagus, however, was found in place lacking only the lid (Fig. 1).

The other parts of the sarcophagus are fairly well preserved. It was a coffin of planed planks, 2.4—2.5 *cm.* thick, nailed together. Size: outside length — 1.89 *m.*, width — 50.5 *cm.*, height — 70 *cm.*; inside length — 1.80 *m.*, width — 37.5 *cm.* The outside of the sarcophagus is trimmed with wooden arcading, made up of: a plank, with arches cut in it, nailed to the upper edge of the coffin; a plank (9 *cm.* wide, and 2 *cm.* thick) nailed along the lower edge of the coffin; and between the upper and the lower planks

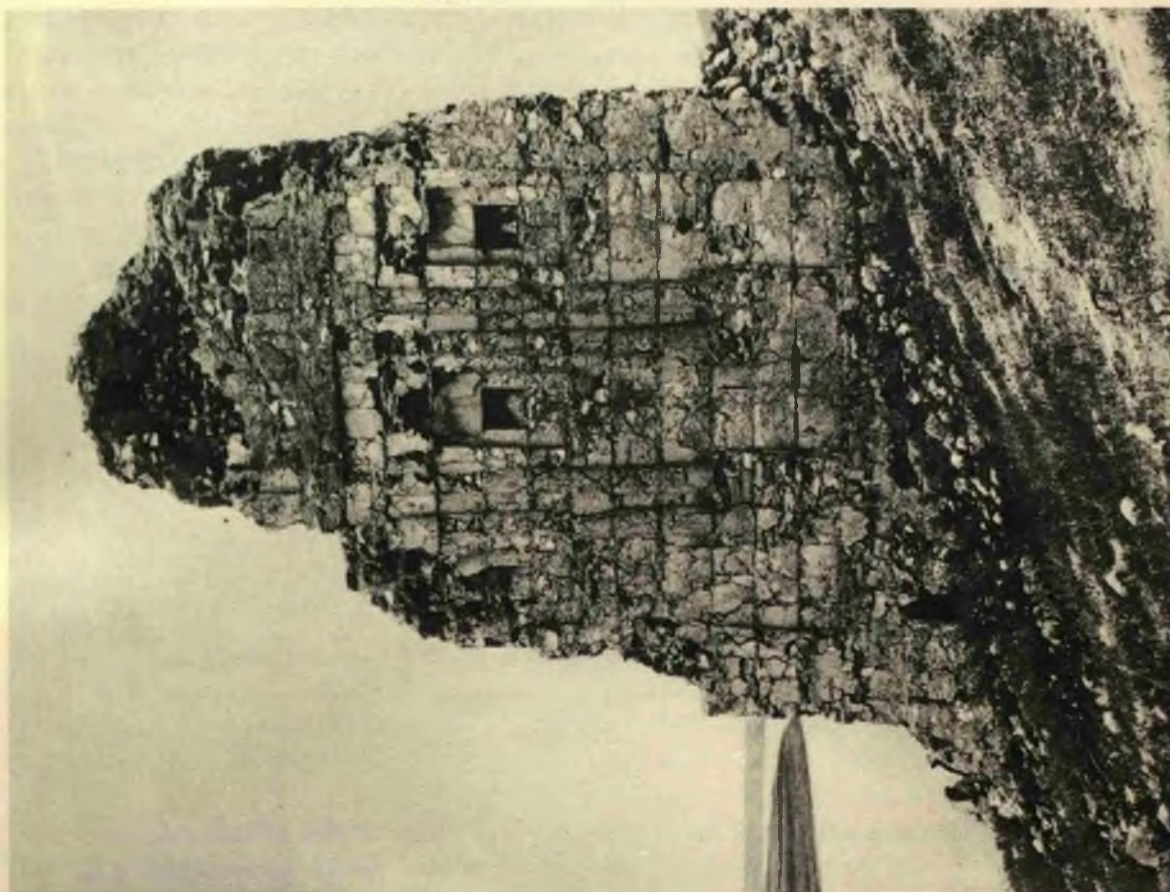
---

[18]) H. C. Butler: *Ancient Architecture in Syria.* Syria — Publications of the Princeton University Archaeological Expedition to Syria 1904—1905. Southern Syria, p. 412, 413. Northern Syria, p. 92, 132.

[19]) W. Andrae: *Hatra nach Aufnahmen von Mitgliedern der Assur-Expedition der Deutschen Orient-Gesellschaft,* v. II., Leipzig, 1912, fig. 125, 126.

[20]) W. Andrae: *Hatra.* — W. Andrae und H. Lenzen: *Die Partherstadt Assur.* 57. Wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft, Leipzig, 1933.

[21]) W. Andrae: *Hatra nach Aufnahmen von Mitgliedern der Assur-Expedition der Deutschen Orient-Gesellschaft,* v. II, p. 75. „Grabtürme wird man die Bauten nicht nennen können."

12

1

2

3

4

6

5

7

8

9

10

11

six badly planed semicircular outside wooden half-columns. The capitals and the bases of the columns are of separate pieces of wood turned on a lathe. The sides of the coffin are of three planks nailed together. One of them consists of two pieces of wood nailed together.

The bottom of the coffin is partly rotten and consists of several planks running lenghwise.

Three skulls and bones of disturbed skeletons lie in disorder in the coffin.

In spite of the spoliation the grave still contains the remains of objects, which seem to have been numerous.

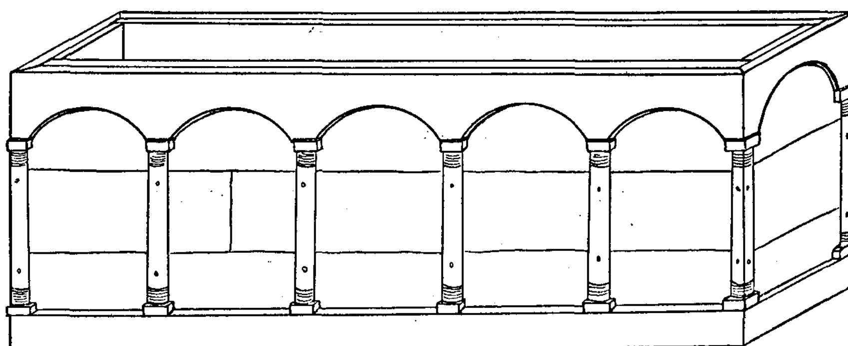

Fig. 1.

1. 4 wooden feet of a bed which had probably stood inside the grave (Pl. VI, 3). They are turned on a lathe; length — 36.5 *cm.*
2. A wooden comb, 9.5 *cm.* long (Pl. VI, 11).
3. A fragment of a wooden cup, d=11 *cm.*, h=2.3 *cm.*
4. Several fragments of an oval wooden box with traces of painting; length — 27·3 *cm.*, width — 8·8 *cm.*, height — 6·2 *cm.*
5. A clay-lamp, d=8 *cm.* (Pl. VI, 1).

Lamps of a similar type were found in large numbers in Dura-Europos.

6. Fragments of silk textiles (see below).

Tomb-Tower III.

The grave in the floor of the central room was full to the top with bones lying in confusion. There were altogether 22 skulls. Undoubtedly it was used for storing the bones taken out of the main sarcophagi, and the objects found in it must therefore have been collected together from various places.

1. An iron buckle; 4 ×3.3 *cm.* (Pl. VI, 4).
2. Two iron bracelets with rhomboid knobs; d=4.5 — 5 *cm.* (Pl. VI, 5).
3. A silver ear-ring with an ear-drop in the form of a bunch of grapes; l=2.6 *cm.* (Pl. VI, 6).

4. A bronze ring; d = 3.4 *cm.* (Pl. VI, 7).
5. A bronze pendant cross; 1·5 × 2·5 *cm.* (Pl. VI, 8).
6. An iron ring; d = 2.2 *cm.* (Pl. VI, 9).
7. A wooden comb; 6.8 × 11 *cm.* (Pl. VI, 10).
8. A fragment of a wooden comb.
9. A double glass-bead.
10. A clay-lamp; l = 9.6 *cm.* (Pl. VI, 2).
11. A clay lamp of the same type.
12. Two fragments of tapestry textiles (see below).

Judging from the objects found, from the presence of a cross, and from the shape of the lamp, we can assert that the burials of T. III are of a later date than those of T. I and T. II.

Textiles

In the course of the last few years a number of textiles dating from the II—III centuries A. D. has been found in Syria.

The excavations in Dura Europos have given a fairly large number of specimens.[22]

Some more significant finds were made by R. Amy in the burial-towers of Palmyra, which were robbed long ago.[23]

Undoubtedly, if the conditions of soil and of climate in Syria had been as favourable as those in Egypt, the number of textiles found in Syrian necropoleis would have been enormous. The comparative rareness of finds compels us therefore to treat with great care even such insignificant fragments as were found in the necropolis of Halebie. Most of the textiles which were found there are only insignificant fragments extremely brittle with age which fall to pieces when touched. We must add, besides, that they all come from graves, which have been destroyed and plundered.

*

T. III. 1. An oval ornament sewn on a tunic (segmenta), 14,5 × 17,5 in size (Pl. VII, 1). The ornament is of dark blue-green purple (imitation) on a natural undyed background; it represents (Fig. 2) in the centre a figure of a hare on a purple background in an oval medalion, surrounded by a number of purple figures on a white field. As a consequence of the damaged condition of the textile and of the almost complete disappearance of the purple weft, the figures are discernible only with difficulty. On the top above the hare is a figure of a fish, further to the right along the circle is a bird with a long neck, probably a duck, then comes a lotus-leaf, partly destroyed, still lower a domed building or a semi-circular object (possibly a nilometre or a hut commonly

[22]) Fr. Cumont: *Les Fouilles de Doura-Europos*, pl. XCIII. — L. Wilson: *Textiles*, The excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of Second Season of Work 1928—1929, p. 178. — R. Pfister: *Etudes textiles*, Revue des Arts Asiatiques, VIII, 1934, p. 84.

[23]) R. Pfister: *Textiles de Palmyre*, Paris, 1934.

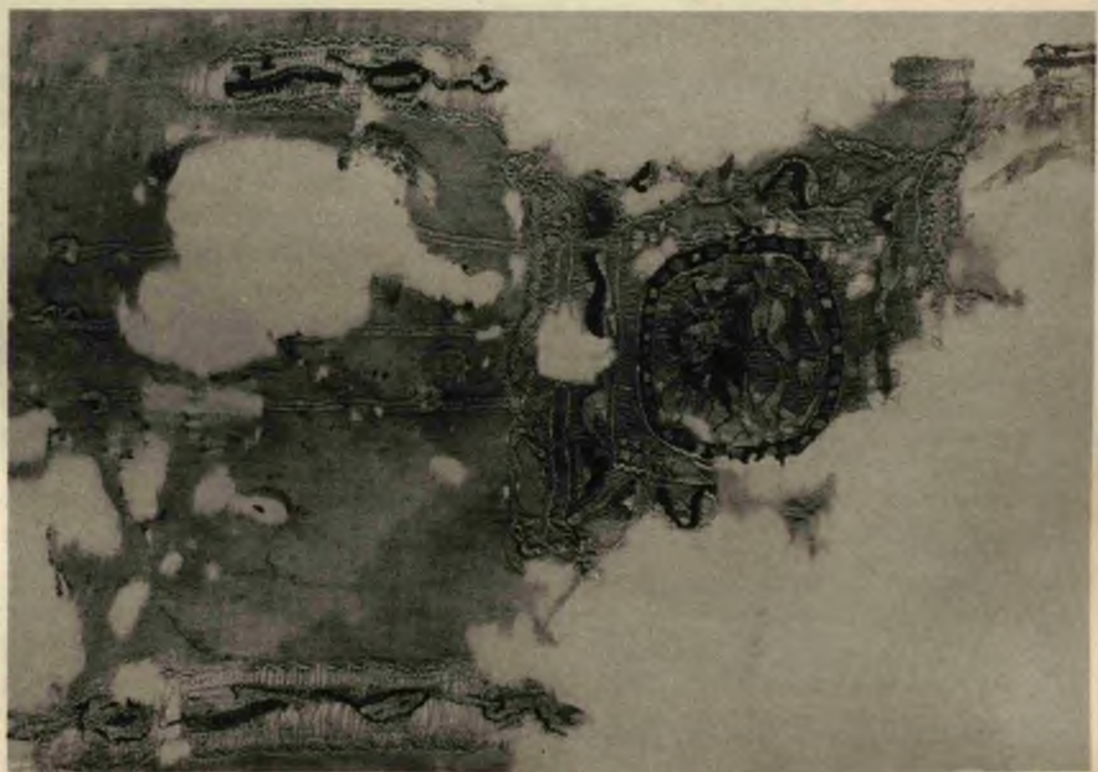
1

3

4

2

seen on a Nile-landscape).[24] Further follows again a fish, which is partly damaged, a part of a lotus-leaf, a duck, and still higher probably a leaf of some plant.

The whole composition is framed with a purple border. The contents of the ornament leave no doubt that we have before us the elements of a typical Nile-landscape so common in the textiles of hellenistic Egypt. The subject is not without parallels in Syria and it is not necessary to suppose that the textile was imported.

The technique: The textile is of tapestry weave. The warp is of double flaxen threads of medium thickness twisted to the left, 10 threads per 1 *cm.* Weft 1: woollen threads twisted to the left, dyed in a dark bluish green tone with false purple; 36—40 threads per 1 *cm.* Weft 2: white undyed flaxen threads spun a little to the right, 36—40 threads per 1 *cm.* A small fragment of the loosely woven woollen fabric, to which the medalion was sewn remains on the reverse side of the textile. The warp is of woollen threads twisted to the right, 12 threads per 1 *cm*, the weft of woollen threads twisted to the left, 18 per 1 *cm.*

Fig. 2.

T. III. 2. A fragment of a tunic with a square ornament sewn onto it and two woven clavi. The size is 38 × 45 *cm.* (Pl. VII, 2.) The textile is badly damaged and part of the coloured threads have become completely rotten. The square ornament (11 × 11 *cm*) sewn on (scutula) has a border decorated with designs of leaves of blue, white and green colour on a crimson-red background. In the middle a round blue border with a number of small pink, dull green and yellowish squares edges the central design, which represents two small human figures facing each other. One of them is holding a blue bird in its hands. A little of the green wool on the dress of the right figure together with the blue colour of the bird has been preserved; the rest, except the colourless flaxen threads of which the body is woven, has become rotten.

The design in general is discernible only with difficulty. Both the clavi, of which the one is shorter than the other, are decorated with the same ornaments of alternating designs of coloured leaves. The textile is similar both in style and technique with those of the Egyptian necropoleis.

The technique: The tunic is of fine, loosely woven linen. Flaxen threads twisted to the right, 16 threads per 1 *cm*, form the warp; the weft is of flaxen threads twisted to the right, 20 threads per 1 *cm.* Both the clavi are woven on the same warp in tapestry weaving. The weft interlaces the threads of the warp in pairs, there being thus 8 pairs of warp-threads to one centimetre. The weft is of coloured wool: pink, dull green, and blue twisted to the left, and of flaxen threads twisted to the right; there are 36—40 threads per 1 *cm.*

The square sewed on to the tunic is woven in tapestry-weaving on a flaxen warp of 15—16 threads per 1 *cm* twisted strongly to the right. The weft is of coloured wool of the same tones as those of the clavi, with the addition of crimson red wool, twisted to the left, which has almost completely disappeared, and of uncoloured flaxen threads twisted to the right, 36—40 threads per 1 *cm.* No chemical analysis of the colours has been made considering the insignificant quantity of the coloured wool, which has been preserved.

[24]) R. Pfister: *Nil, Nilomètres et l'orientalisation du paysage hellénistique,* Revue des Arts Asiatiques, VII, 1932, pl. XLI.

N. T. 1. Several fragments of a fine, but fairly closely woven silk textile, yellowish golden in tone, of insignificant size; very badly preserved.

The technique: Tabby texture. The warp is made of untwisted yellowish silk, 40—42 threads per 1 *cm*, the weft being also of untwisted threads of the same thickness, about 80 threads to one *cm*.

N. T. 2. A large number of small fragments, almost falling to pieces, of fine loosely woven silk textile of a dirty crimson-violet tone.

The technique: Tabby-texture. The warp is of thin, untwisted coloured silk-threads, 45 to one *cm*, the weft being of coloured untwisted silk, 35—40 threads per 1 *cm*.

T. II. 1. A fragment of a fine, very loosely woven silk textile of a yellowish colour, 1 × 1,5 *cm* in size; half-destroyed.

The technique: Tabby-texture. The warp is of untwisted, uncoloured, silk threads of 15—20 fibres each, about 50 threads per 1 *cm*. The weft is of untwisted, uncoloured silk threads, of 20—25 fibres each, 30 threads per 1 *cm*.

Specimens of fine Chinese silk gauze are already known from the graves discovered by Kozlov in N. Mongolia.[25]

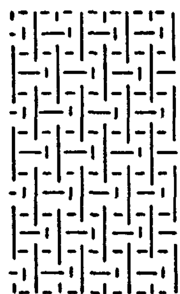

Fig. 3.

T. II. 2. Fragment of a Chinese silk textile of a dark yellow colour with a dark green-blue ornament; size — 2,2 × 4,7 *cm* (Pl. VII, 3). The condition of this piece of texture is as bad as that of the others; it nearly falls to pieces at the first touch and there is no possibility of disentangling the separate threads for examining the technique of the texture. The insignificant size of the fragment does not allow us to judge of the design of the ornament.

The technique: The warp: untwisted silk threads goldish-yellow and dark green-blue in colour, 70—80 threads per 1 *cm*. The weft: yellow untwisted silk, 20 threads per 1 *cm*. The textile is quite identical in its technique of texture with the Chinese textiles from Noin Ula, No 13949 b and others.[26] It is similar to, but not identical with the silk textile found in Palmyra, S. 4[27].

The two coloured threads of the warp alternate and, passing over three threads of the weft and under the fourth one, form on both sides of the textile the same kind of surface (see fig. 3) of the type Damask. The dark blue thread now appears and now disappears from the surface thus forming an ornament. It was impossible to determine the exact order of alternation of blue and yellow threads of the warp owing to the smallness and the bad condition of the piece of textile. It is only possible to assert that sometimes the blue thread is absent, and that in three cases it passes together with a yellow thread, being caught in the same loops of the loom with it.

The technique of weaving as well as the character of the design are evidence of the Chinese origin of the fragment.

The presence of Chinese silk textures among the textiles of Palmyra has been already established beyond doubt by an extremly thorough investigation of R. Pfister;[28] our fragment thus only increases the number of the already known examples of the penetration of Chinese textiles into Syria in the II and III centuries.

---

[25]) *Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула*, Известия ГАИМК, т. XI, вып. 7—9, 1932.

[26]) *Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула*, Известия ГАИМК, том XI, вып. 7—9, 1932, фиг. 20—21.

[27]) R. Pfister: *Textiles de Palmyre*, p. 40, fig. 7.

[28]) R. Pfister: *Textiles de Palmyre*.

T. II. 3. Several small fragments of a fine crimson-red silk textile with remains of an embroidery; the textile is brittle with age and badly preserved.

The technique: tabby-texture. The warp is of untwisted red silk threads, about 60 per 1 *cm.* The weft is made of the same material, about 35 per 1 *cm.* On several pieces of this textile leaves are embroidered in yellow and green silk. The technique of loop-embroidery is quite identical with that on a similar, much better preserved, textile of the same colour found in Palmyra (Fig. 4), which Pfister supposes to be Chinese.[29] In some of the stitches the needle in coming out pierces the upper thread thus forming a kind of embroidery which Pfister thinks to be a special type B of embroidery.[30]

The untwisted silk threads of the embroidery are 4 times thicker than the threads of the textile itself.

An analysis of the substance which dyes the textile is rendered difficult by the textile being very much dirtied by absorbing irrelevant substances which can change the colour of a solution in a chemi-

Fig. 4.

Fig. 5.

cal analysis. By applying the methods, pointed out by Pfister,[31] of extracting the colour from a solution of the textile in hydrochloric acid, it was found that Ether, Ethyle Acetate, Chloroform and Benzene, all give almost the same yellow-orange colour, preserving at the same time partly and in a weakened form the original colouring of the acid; only Benzene extracts the colour much less, acquiring at the same time a pale lemon colouring. We may suppose that the textile was coloured with some plant-dye in all probability with Garance or Kermes, or with some Chinese dye unknown to us.

T. II. 4. A small fragment of yellow silk with remains of embroidery covering the whole surface of the silk texture with stitches of blue silk thread. A golden thread sewed over the embroidery forms a scale-like ornament (Pl. VII, 4).

The technique: the basic textile is closely woven, but fine, tabby texture. The warp is of untwisted yellowish silk, 65 threads per 1 *cm.* The weft is of untwisted yellow silk, but its threads are twice as thick as those of the warp, there being 20 threads to 1 *cm.* The technique of embroidery is, just as on the previous textile, that of loops covering the surface in one direction. The silk blue thread is a little twisted to the left. The gold thread of uncoloured silk twisted to the left is wound round with a flat gold metal-wire[32] in the same direction (see fig. 5; magnified 60 times). The gold thread is caught round with an ordinary silk thread in perpendicular stitches.

N. Toll.

Praha.

[29]) R. Pfister: *Textiles de Palmyre* S. 17, Pl. I, XII, fig. 16.

[30]) R. Pfister: *Textiles de Palmyre*, fig. 18.

[31]) R. Pfister: *Teinture et Alchimie dans l'Orient Hellénistique*, Seminarium Kondakovianum, VII, Praha 1935 and *Matériaux pour servir au classement des Textiles Égyptiens postérieurs à la Conquête Arabe*, Revue des Arts Asiatiques, v. X.

[32]) R. Pfister: *Textiles de Palmyre*, p. 23. The author points out the presence of gold threads on the hellenistic textiles of Palmyra.

LIST OF ILLUSTRATIONS

NORDISCHE BILDKUNST DES ERSTEN JAHRTAUSENDS

Zur Klärung der Vorstellungen über die nordgermanische Kunst des ersten nachchristlichen Jahrtausends, welches der große Höhepunkt germanisch-nordischer Kunst ist, dient nicht allein das große Material germanischen Schmuckes, der in den Museen Nordeuropas aufbewahrt wird, weil er uns kein zuverlässiges Bild von der wirklichen Lage gibt. Es ist eine vorherrschende Anschauung, daß die altnordische Kunst das darstellende Element meidet, daß sie keinen Sinn für das Bildhafte und für Menschendarstellungen hatte oder daß sie nur Interesse für die abstrakte Ornamentik besaß. Wohl drängt die nordische Kunst zur linearen Flächenfüllung, und gewiß ist im allgemeinen die Figurendarstellung in der Merovingerzeit selten, aber daß die nordische Kunst alle Figuren zum Ornament umwandelt, ist nicht richtig. Das reichliche Vorkommen von figurlichen Darstellungen auf den schwedischen Bildsteinen legt Zeugnis davon ab, daß hier in Schweden seit der Völkerwanderung eine Monumentalplastik herrschte, während sie auf dem Kontinent zu derselben Zeit fast unbekannt war, und erst später erscheinen verwandte Szenen auf den Hochkreuzen in England, Schottland und Irland.

Zu den interessantesten Zeugen der nordischen Kunst im ersten Jahrtausend n. Chr. gehört eine Menge von Bildsteinen aus Kalkstein, die auf der Ostseeinsel Gotland erhalten sind. Diese Steine mit ihrer von der Holztechnik übernommenen Stilisierung, die selbstverständlich anfangs aus Holz gearbeitet worden sind, bilden ein Zwischenglied zu der ungeheuren Masse der in gotländischer Erde gemachten Funde aus Metall. Die ältesten Bildsteine aus den ersten Jahrhunderten n. Chr. haben gewöhnlich eine rektanguläre Form, doch nach oben etwas verbreitet und mit abgerundetem Oberteil. Die Technik ist vorzüglich, eine feine Behauung mit glatter Fläche und exakt aufgesetzten Ornamenten. Die dekorative Wirkung, die beabsichtigt ist, wird auch erreicht. Dargestellt ist eine rein geometrische Ornamentik: Spirale und Fischblasenmuster aus der Hallstattperiode wie „laufender Hund“, irische Schrolls usw. Beispiele solcher Steine sind die aus Hejnum und Broa in Halla; etwas reicher sind die Steine aus Halla, Sanda sowie ein Stein in der Südwand der Kirche zu Bro (Taf. VIII, 1), aus dem 3.—5. Jahrhundert. Unter einer Borte von Spiralranken ist ein großer Wirbel, darunter zwei Spiralen und schließlich ein Boot mit hoch geschwungenen Steven. Auf der anderen Seite des Steines stehen Menschen in lebhafter Bewegung. Bald finden wir auch reichere Formen mit Tierfiguren und Menschen. Wir sehen Krieger mit Speeren und fantastische Tiere. Diese eleganten Steine, z. B. die aus Hasse in Hablingbo und Vallstenarum in Vallstena (Taf. VIII, 2), gehören der Zeit um 300—400 n. Chr. an. Auf dem Bildstein von Vallstena sind zwei Männer mit Helm und kurzen

Röcken dargestellt. Sie tragen Lanzen und runde Schilde. Sie kämpfen miteinander — lebhaft gezeichnete impressionistische Figuren, die an römische Fresken erinnern. Dargestelt ist vielleicht ein Begräbnisspiel, ein Streit oder ein Scheingefecht, das zur

Ab. 1.

Ehrung der Toten veranstaltet wurde; aber die beiden Tiere oben deuten auf den wahren Ursprung in Zentralasien hin. Bei den Jagdnomaden Zentralasiens war das Material, aus dem sie ihre Bilder schufen, Leder, in welches die Formen in Flachrelief geschnitten wurden. Bei den Germanen war das Material Holz. So erklärt sich der eckige Stil — von der Kerbschnittechnik in weicherem Material bedingt — der die

VIII.

3

2

1

skythische Kunst auszeichnet und durch sie sich nach China und zu den Germanen verbreitete. So wurde auch der nordische Drachentypus nach China überführt; und bis heute hat die chinesische Bronzekunst Spuren dieser Entstehung bewahrt. Unsere Drachen muten mehr chinesisch als nordisch an.

In der Völkerwanderungszeit wird die Figurendarstellung häufiger. Die gewöhnlichste Figur ist der Reiter, der sehr oft auf den nordischen Goldschaumünzen zu sehen ist. Die lebendige Bewegung in den Reiterdarstellungen auf diesen Goldbrakteaten und auf dem Runenstein in Möjebro in der Provinz Upland aus dem 4. Jahrhundert ist ganz im skythischen und sassanidischen Sinn gehalten. Mehr stilisiert tritt der Reiter auf den Bronzeplatten aus Vendel in Upland aus dem 6. Jahrhundert auf. Neben diesem Reiter erscheint auch allmählich das Totenschiff. Beide Motive werden später die beliebtesten auf den gotländischen Bildsteinen.

Nach einer Übergangszeit, in der die Stilarten wechseln und die Steine in unbedeutenderen Exemplaren auftreten, wird der Stil wieder fester, und in der zweiten großen Periode am Ende der Völkerwanderungszeit, im 7.—8. Jahrhundert, finden wir eine große Anzahl monumentaler und interessanter Bildersteine, die größer geworden und reich mit Figuren belebt sind. Die Zeichnung ist künstlerisch frei und beweglich, das Grundfeld ausgemeißelt zu geringer Tiefe. Zwei Motive treten hervor: der Reiter und das stattliche Wikingerschiff mit dem karierten Segel. Es handelt sich hier um konventionelle Darstellungen, die immer wieder auftreten und darauf hindeuten, daß sie kultischen Charakter tragen. Das Schiff wird zur Hauptsache; hinzu tritt der Reiter, genau entsprechend einem Volke von Seefahrern und Ackerbauern. Oftmals überreicht eine Frau dem Reiter das Trinkhorn (Taf. VIII, 3 u. IX, 4).

Schon auf den schleswigschen Goldhörnern sehen wir Gestalten, die das Methorn überreichen, und dann tritt der Reiter, der von einer Frau mit dem Horn beglückwünscht wird, häufiger auf. Die Schicksale des Völsungengeschlechtes waren auch der beliebteste Stoff für die nordische Wikinger- und ältere mittelalterliche Kunst. Unzählige Gewebe im Norden haben also von der Nibelungensage erzählt; sogar in der Völsungensage selbst heißt es, daß Brunhilde, in der Frauenstube sitzend, die Großtaten Sigurds mit Gold auf Tuch gestickt. Noch heute zeigen uns Holzschnitzereien auf den Türen der Stabkirchen in Norwegen und den Bildsteinen in Schweden, so z. B. von Ardre (Abb. 1) eine Anzahl Szenen von Wieland, dem kunstvollsten aller Schmiede. Mehrere nordische Kunstwerke erzählen uns auch von der schlummernden Jungfrau auf hohem Berg und ihrem Befreier von dem Drachen. Nach der Tötung des Drachen zog Sigurd nach Frankenland und erweckte dort die Valküre Sigrdriva aus dem Zauberschlaf, und zum Dank überreichte sie Sigurd das Horn mit dem Stärkungstrank (Taf. VIII, 3, Abb. 2, IX, 4, Taf. XI, 4). Diese Szene mit Sigurd und Sigrdriva kennen wir auch aus keltischer Tradition, besonders aus den Taten des irischen Helden Cuchulinn. Andere Bilder zeigen oftmals den Reiter mit dem Ring (Taf. XI, 4), gerade wie auf den iranischen Felsenreliefs, die aber wohl hier als Sigurd auf dem Pferd Grane, den Andwarering bei seinem Ritt nach Brunhilde-Sigrdriva in der „Waberlohe" tragend, gedeutet werden müssen. Der Andwarering wird durch den Ring dar-

Ab. 2.

gestellt, und das ist dieser Schatz, den Sigurd durch Tötung des Drachen Fafnir gewinnt. Auf einem gotländischen Bildstein sehen wir die aus der Edda bekannte Szene, wie Odin der Tochter Suttungs das Met fortnimmt und in Adlergestalt davonfliegt. Diese uralte Mythe ist als Sage in ganz Skandinavien, Finnland, Nordwestdeutschland und besonders in Schleswig-Holstein, wo die berühmte Sage von dem Oldenburgischen Horn vorkommt, allgemein.

Auf den größeren Steinen wird die Fläche mit Figuren übersät (Abb. 1, Taf. IX, 1, 3, 4). Es entsteht ein Gewimmel von lebhaften Gestalten, und oftmals werden diese zu in Zonen geordneten, erzählenden Szenen komponiert. Ganze Sagen aus den Eddaliedern treten jetzt auf den Steinen hervor. Wir finden Vögel, Pferde, Hirsche, Reiter, Fahrende usw. Die Figuren sind in Gruppen verteilt und schreiten in feierlichem Prozessionszug vorwärts, meistens im Profil gehalten; das Auge ist en face gezeichnet. Die Tiere sind im Ganzprofil dargestellt. Jede Szene ist von der anderen durch horizontale breite Bänder getrennt. Ganz wie die nordische Sage kennen auch die Bildsteine keine Landschaft; der Hintergrund ist neutral und kennt keine Tiefe.

In der dritten Periode, der Zeit des beginnenden Christentums, also im 11. Jahrhundert, kennzeichnen sich die Steine fast immer durch Runeninschriften, welche auch bei Kirchen und auf Friedhöfen gestanden haben. In kräftigem Relief findet man die Bildsteine aus Sandstein von der Kirche in Ardre (Taf. X, 2). Vor dem neutralen Hintergrund stehen die Bandverschlingungen in hart umrissener Kontur, die deutlich genug ihren Ursprung aus dem Holzstil verrät; trotzdem sprudelt alles von Lebhaftigkeit. Der Hintergrund war rot gemalt; gegen ihn traten die Figuren und Schlingen in Naturfarben hervor, und in diesen wieder leuchteten die Runen in roter Farbe. Hier ist der Drang zur Bilddarstellung mit der altnordischen Bandornamentik zu höchster Vollendung gelangt.

Im 11. Jahrhundert wird in der Hauptsache die Form des 8. Jahrhunderts beibehalten; doch statt der Bilder sehen wir jetzt Bandschlingen, und die Ornamentborten sind in Runenschlingen umgewandelt. Fast überall ist das christliche Kreuz sichtbar. Jetzt treten die Grabsärge mit zwei Giebel- und einem Deckstein auf, welche wir von der Insel Öland und dem Festland kennen, so z. B. das Grabmonument vom Kirchhof in Sjonhem, jetzt in Gotlands Fornsal in Wisby, aus dem 11. Jahrhundert. Der Stein ist mit einem Kreuz geschmückt, und die Inschriften erzählen von drei Söhnen, von denen der eine in Rumänien, der andere in Windau und der dritte zu Hause starb. Wir werden packend an die von Skandinavien aus im 9.—11. Jahrhundert mit gewaltiger Kraft einsetzende Wikinger-Bewegung erinnert, die im Westen bis Irland, im Osten bis zum Schwarzen Meer und nach Süden bis zum Mittelmeer Spuren hinterlassen hat. Dieselbe Stimmung von Meer und Krieg hat in all seiner Pracht der fest komponierte und fein abgewogene Bildstein von Stenkyrka (Taf. IX, 3). Das Manöver des Schiffes zeigt, daß Szenen aus dem täglichen Leben auf den Bildsteinen nicht vergessen wurden. Stattlich ist das Kriegerschiff mit dem Drachenkopf und dem großen karierten Segel. Die Krieger mit ihren Helmen stehen an der Reling, die mit runden Schilden geschmückt ist. Gegenüber der allgemeinen Behauptung, daß die altnordische Kunst mit der Darstellung der menschlichen Figur sich kaum befaßt hat, gibt dieser und andere gotländische Bildsteine Zeugnis von der Bilderfreundlichkeit

im Norden, daß man hier viel früher als auf dem Kontinent, wo man zuerst seit dem Beginn der karolingischen Epoche zu Menschendarstellungen überging, sich mit der fremden, einströmenden Kunst auseinandergesetzt hat, und diese die iranische gewesen sein muß. Wir sehen in diesen schwedischen Bildsteinen die großartigsten Dokumente der nordischen Kunst des 1. Jahrtausends. Es ist die Arbeit künftiger Forschung, die Reliefs in Schulen und Meister zu verteilen.

Bei Beurteilung der Frage nach der Entstehung der gotländischen Bildsteine müssen wir zuerst berücksichtigen, daß die Bildsteine und die damit zusammengehörenden iranischen Felsenreliefs über ein gewaltiges Gebiet verbreitet sind, die ganze nordische Zone von Irland und Schottland über Skandinavien und Asien bis nach China hin. Alle künstlerischen Darstellungen aus diesem weiten Bereich sind in der Hauptsache nach denselben Prinzipien komponiert. Weiter dürfen wir nicht vergessen, daß in antiker Zeit in dem gewaltigen Gebiet zwischen Donau und Hoangho eine im großen und ganzen ziemlich einheitliche Kultur herrschte.

Die geradliniegen Ornamente, das Flechtband und die konzentrischen Kreise wie Spiralen, Fischblasenmuster, das gedrehte Seil und der Kerbschnitt usw. brauchten nach dem Norden nicht erst eingeführt zu werden. Sie sind hier wie in vielen anderen Ländern seit altersher heimisch und wurden aus der alten nordischen Schnitz- und Flechttechnik übernommen. In den waldreichen Gebieten, in denen man in Holz, Naber, Leder und ähnlichen vergänglichen Stoffen zu arbeiten gewöhnt war, oder wo die Nordleute als Waldbewohner gegen Süden vordrängten, finden wir überall in der Volkskunst diese echt germanischen Schmuckformen der Völkerwanderungszeit. Sie werden nachher in der Kunst des romanischen Stils in Stein übersetzt. Wir müssen bedenken, und die Technik der Ornamente sagt es uns deutlich genug, daß die Meister der Bilder- und Runensteine auch Holzschneider waren. Mit Freuden werden sie auch den Hochsitz, die Geräte, Wagen und Schlitten, das Pferdegeschirr und die ganze übrige Ausstattung, sowie die Möbel der Bauern mit ihren Bandschlingen, Ornamenten und Tieren gefüllt haben.

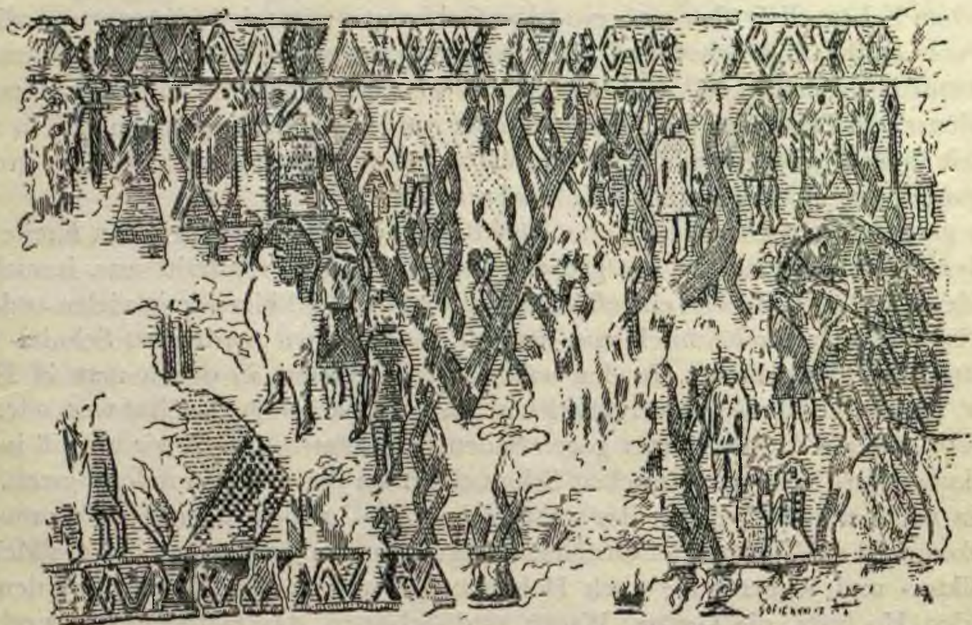
Die Ansicht von Lindqvist[1], daß die gotländischen Bildsteine ihren Ursprung und nächsten Vorbilder in der römischen Welt, besonders in römischen Grabmonumenten und vielleicht auch in Steinarbeiten in altchristlichen Kirchen wie Ambonen usw. haben, ist hinfällig und braucht keine Widerlegung. Viel eher können die älteren Bildsteine, z. B. die von Vallstena (Taf. VIII, 2) und Hablingbo, mit den Szenen in den Grabmalereien und auf den Grabsteinen in Kertsch in Südrußland aus dem 2.—3. Jahrhundert n. Chr. verglichen werden. Hunderte von Grabstelen, sagt Rostovtzeff,[2] zeigen den toten Helden in vollständiger Rüstung; und die Wandmalereien in den Gräbern schildern die Kämpfe zwischen der bosporanischen Armee und den Skythen und Tauriern.

Es ist nicht ganz unmöglich, daß viele Reitermotive durch die Goten vom Schwarzen

[1]) Fredrik Nordin, *Till frågan om de gotländska bildstenarnas utvecklingsformer. Studier tillägnade Oscar Montelius.* Stockholm 1903, S. 142 ff. — Julius Baum, *Zu den Hornhauser Steinen.* Schumacher-Festschrift, Mainz 1930, S. 351. — William Anderson, *Gotlands bildstenar och Iran.* Brage 1932. — Sune Lindqvist, *Gotlands bildstenar.* Rig 1933, Derselbe, *Bildstenar på Gotland.* Jorden Runt 1935, S. 46 ff.

[2]) M. Rostovtzeff, *Iranians and Greeks in South Russia.* Oxford 1922, S. 169 u. Pl. 28—30.

Meer nach Norden gebracht worden sind, um hier immer wieder kopiert und verändert zu werden, da eine Menge von solchen Reliefs bestimmt in Holz ausgeführt war und daher seit Jahrhunderten zugrundegegangen ist. Andererseits zeigen jedoch schon die chinesischen Steinreliefs aus der Han-Dynastie (200 v. Chr. — 220 n. Chr.) Friese in zwei wagerechten Bändern mit Darstellungen von Reitern, laufenden Menschen, Wagen mit Fahrenden, Tempelprozessionen usw., also in der Hauptsache dieselben Szenen, die später auf den gotländischen Bildsteinen und auf den Oseberg-

Ab. 3.

geweben (Abb. 3 u. Taf. XII, 2) vorkommen.[3] Die Han-Steine waren rot, grün und blau bemalt wie die gotländischen von der Kirche in Ardre aus dem 11. Jahrhundert; die bekannte Grabstele in Singanfu (781 n. Chr.) hat beinahe dieselbe Form wie die gotländischen Steine. Auch die Han-Steine durchlaufen dieselbe Entwicklung und wirken von Anfang an mehr zeichnerisch; von dieser Flächenkunst haben sie sich später zu mehr und mehr erhöhtem Relief entwickelt.

Einen nahen Zusammenhang zwischen den irischen und schottischen Steinen, diesen und den norwegischen Bildteppichen aus Oseberg, sowie den gotländischen Bildsteinen und zwischen allen diesen und den parthisch-sassanidischen Felsenreliefs zeigt u. a. ein für alle gemeinsames Motiv, nämlich die wilde Jagd (Taf. IX, 4, X, 3). Die Felsenritzungen im Altai,[4] z. B. in Suljek, nordwestlich von Minussinsk, sind in einer Technik gehalten, die auf eine sehr alte Tradition des Schneidens in Holz und Leder deutet. Mit ihren Bogen und später Lanzen und Helmen sind die Reiter auf diesen altai-

[3]) Zahlreiche Beispiele in Édouard Chavannes, *Mission archéologique dans la Chine septentrionale.* I, 1—2. Paris 1909—15, z. B. Pl. LXXXVII. Nr. 162.

[4]) Alt-Altaische Kunstdenkmäler, herausgegeben von Hjalmar Appelgren-Kivalo. Helsingfors 1931.

4

2

3

1

schen Denkmälern treue Nachbildungen der parthischen und sassanidischen Felsenreliefs bis zum Jahre 600 n. Chr. Auf den irländischen Bildsteinen und Kreuzen ist „die wilde Jagd" ein sehr häufig vorkommendes Motiv.[5] Reiter mit Lanzen, von Hunden begleitet, Hirsche u. a. verfolgend, alles oftmals in einem Durcheinander wie auf spanischen Miniaturen des 11. Jahrhunderts und eine Anzahl von persischen, von denen die Szenen abgeleitet sind, begegnen uns überall in der altirischen Kunst. In Dromiskin und auf dem Marktkreuz in Kells[6] entdecken wir Hirsche, von Hunden und Vögeln verfolgt; der Jäger schreitet vorwärts mit einem Stab, wie auf den schwedischen Truhen und Kirchentüren mit eisernem Beschlag aus dem 12. Jahrhundert, z. B. in Rogslösa (Taf. IX, 2). Die andere Seite des Kreuzes zeigt Reiter mit Jagdfalken, ähnlich wie auf den Felsenreliefs der Sassaniden und den gotländischen Bildsteinen. Auch die Basis des Nordkreuzes in Ahenny[7] mit den laufenden Böcken, Hirschen, Hunden usw., stellt eine Jagdszene dar, die mit der Tür in Rogslösa verglichen werden kann; die Südseite des Kreuzes zeigt eine Prozessionsszene wie auf einem der Gewebe aus dem großen Osebergfunde in Norwegen (Taf. XII, 2).

Die nächsten Parallelen zu den gotländischen Bildsteinen sind die schottischen, die vom Firth of Forth im Süden bis zu den Orkney- und Shetlandinseln im Norden hin auftreten. Wir finden auf diesen Steinen — von Entrelac-Borten eingerahmt — dieselben Motive wie auf den gotländischen: Reiter mit Lanzen, Männer mit Schwerten, Tiere usw. Auf dem gotländischen Stein von Levide aus der Wikingerzeit ist ein von Pferden gezogener Wagen dargestellt. Die Fahrenden hat man als den Gott Frey und seine „Kona" erkannt. Eine an diese sehr erinnernde Szene ist auf dem schottischen Stein in Meigle Nr. 10[8] zu sehen. Den Fischfang auf dem gotländischen Stein zu Ardre hat schon Bugge[9] mit dem Fischzuge Petri auf dem Gosforthkreuz verglichen. Für die schottischen Steine des 7.—8. Jahrhunderts bezeichnend ist jedoch die wilde Jagd. Wir entdecken Reiter, Hunde, Hirsche, Vögel, Lurenbläser usw. Ein Kreuz in Forres[10] hat die Figuren prozessionsweise, in Register geordnet; die Männer tragen kurze Röcke wie die auf dem großen Stein von Stenkyrka. Die große Jagdszene von Hilton of Cadboll[11] hat viel Ähnlichkeit mit persischen Miniaturen. Einen bedeutungsvollen Hinweis für die Beziehungen zwischen Irland und Iran zeigt der Stein von Inchbrayock Nr. 1 (Taf. X, 3), der das in der skythischen Kunst beliebte Tier mit dem zurückgewandten Kopf und untergeschlagenen Beinen zeigt. Der in der germanischen Kunst seltene Steinbock hat mit dem Tier auf einem von Brehm[12] abgebildeten Stangenkopf aus dem Kubangebiet in Südrußland (6.—5. Jahrhundert v. Chr.) viel Gemeinsames (Taf. XI, 8). Weitere Beispiele sind eine Bronzespange aus Koban, gefun-

---

5) Françoise Henry, *La sculpture Irlandaise.* 1—2. Paris 1933, S. 117 ff.

6) Henry, Pl. 36 : 4 u. 34 : 1.

7) Arthur Kingsley Porter, *The Crosses and Culture of Ireland.* New Haven 1931, Fig. 13 u. 30.

8) J. Romilly Allen, *The early Christian monuments of Scotland.* Edinburgh 1903, Fig. 344.

9) Alexander Bugge, *Vesterlandenes Indflydelse... Skrifter, udg. af Videnskabs-Selbskabet i Christiania* 1904, II, S. 321.

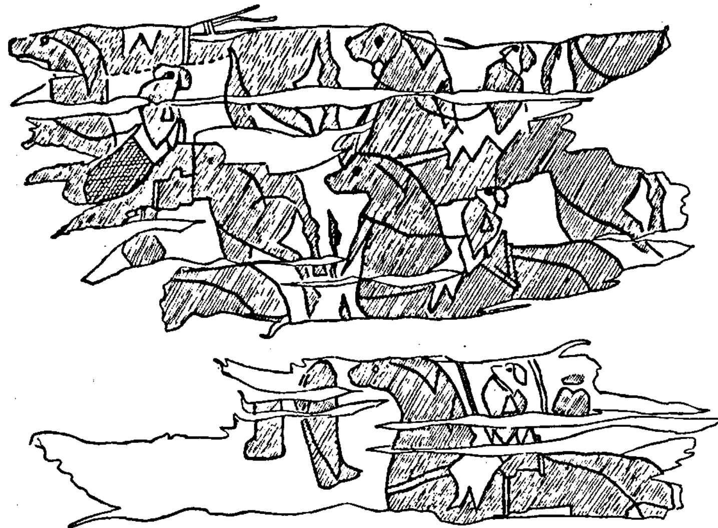
10) Allen, Fig. 235b, 230b, 310b, usw.

11) Henry, Pl. 33 : 1.

12) Bruno Brehm, *Der Ursprung der germanischen Tierornamentik,* in Josef Strzygowski, *Heidnisches und Christliches um das Jahr 1000. 2. Aufl.* Wien 1930, S. 37 ff.

den im Kaukasus und eine von Schuchhardt[13] als südrussische La-Tène-Arbeit bezeichnete skythische Knochenschnitzerei.

Ein seltenes Beispiel von deutscher Steinskulptur ist der sog. „Reiterstein" von Hornhausen, der jetzt in der Landesanstalt für Volkheitskunde zu Halle a. d. Saale aufbewahrt wird. Der Stein, der ins Ende des 7. Jahrhunderts datiert werden muß und dessen iranische Herkunft Porter[14] erwiesen hat, zeigt eine Reihe für den altnordischen Holzstil bezeichnender Züge und stellt unzweifelhaft einen Odinsreiter dar. Ein anderer Stein aus Hornhausen zeigt einige Tiere, die offenbar zu einer Darstellung der wilden Jagd gehört haben (Taf. X, 1). Auch der neugefundene Stein von Morsleben, ebenfalls in Halle, läßt Pferde und Reiter mit Lanzen sehen und ist ebenfalls als Jagdszene aufzufassen.

Ab. 4.

Ab. 5.

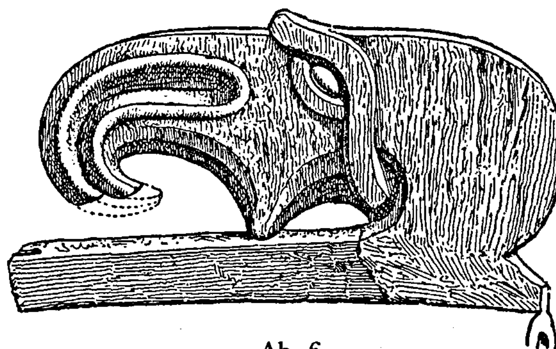
Wenn wir zu Skandinavien übergehen, so ist zuerst ein Stein aus der Zeit um 1000 in Dänemark zu nennen, jetzt in der Kirche zu Glenstrup, der mit einer an die schottischen Darstellungen erinnernden Szene der wilden Jagd verziert ist. Auch in Norwegen war die wilde Jagd in der Osebergzeit beliebt (Abb. 4), und im Mittelalter tritt sie nochmals auf den Holzkapitälen in der Stabkirche in Urnes (Abb. 5) aus dem 12. Jahrhundert auf. In Schweden gehören der Reiter und die wilde Jagd zu den beliebtesten Motiven auf den gotländischen Bildsteinen (Taf. VIII, 3, IX, 4); sie treten auch später häufig in der romanischen Kunst bei Steinplastiken und auf Kirchentüren (Taf. IX, 2) und Truhen mit eisernen Beschlägen auf. Einige schwe-

[13]) Carl Schuchhardt, *Alteuropa*. Berlin 1919, Taf. 33, Abb. 6.

[14]) A. Kingsley Porter, in Speculum 1926, S. 235 ff.

dische Metallplatten gestatten auch, den geistigen Inhalt dieser über den ganzen Norden beliebten Szene zu deuten.

Ein Helm vom Grabe I in Vendel in Uppland aus dem 6. Jahrhundert n. Chr. zeigt auf einer seiner vergoldeten Bronzeplatten (Taf. XI, 1) einen Reiter mit der Lanze gegen einen Drachen stürmend und von zwei Raben begleitet. Unzweifelhaft wird hier eine Darstellung des Gottes Odin beabsichtigt. Interessant ist nun, daß der Helm des Reiters mit einem krönenden Tier mit gotischem Adlerkopf, der bekanntlich von den Skythen stammt, geschmückt ist. Auf nordischen Schnallen und Fibeln tritt dieser Adlerkopf mehrfach hervor. Wir finden ihn aber schon in einem Tierkopf des Moorfundes von Vimose auf der Insel Fünen aus der Zeit um 300 n. Chr. vor, aber dort in Holz und in Kerbschnittechnik verfertigt (Abb. 6). Die zahlreichen im Norden gefundenen Goldbrakteaten zeigen fast überall skythische Tiere. So ist Odin ebenfalls nur ein Abbild Mithras, des iranischen Sonnen- und Lichtgottes. Die Vorstellung der wilden Jagd, des Reiters, der auf einem großen Pferd jagt, eine Lanze schwingend, eine Frau verfolgend und von zwei Hunden begleitet, ist in der allgemeinen Auffassung dem iranischen Mithras, welcher als Sonnengott über den Himmel jagt und Sonnenpfeile herabschickt, so ähnlich, daß eine geistige Verbindung nicht zu leugnen ist. Tatsächlich gibt es auch Reliefs mit Mithras als Jäger[15] zu Pferde, wie auf einer Malerei in dem neugefundenen Mithraeum von Dura-Europos und auf einem Altarrelief von dem Mithrasheiligtum von Dieburg in Hessen. Als Reiter tritt er auch auf dem Altarrelief von Osterburken und von Heidelberg-Neuenheim hervor. Es dürfte wohl kein Zufall sein, daß alle diese im Odenwald, dem Walde des Wodan, gefunden worden sind, dadurch wieder einmal die Identität Wodans mit Mithras betonend.

Ab. 6.

Die wilde Jagd ist ein uralter indogermanischer Mythus. Grundlegend ist der Kultberg oder das Paradies mit seinen gegen die Himmelsrichtungen gestellten Pforten, durch welche die Tage des Jahres ein- und ausgehen; der Berg, in dem die Götter schlafen und aus dem sie zu Beginn des Tages hervorkommen. Das wilde Heer wurzelt also in dem schlafenden König oder Helden, dem späteren Odin, der sich selbst „Karl vom Berge“ nennt, mit seinem unterirdischen Heer, den 800 Einheriern, die aus jedem der 540 Tore Walhalls herausreiten. Wir kennen auch die schlafende Gottheit des Berges als den „Alten Jacob“ in dem Jacobsberge bei der Porta Westfalica, König Wittekind in der Babylonie beim Dorfe Lübbeke in Westfalen, den König im Fichtelgebirge, Holger Danske in Dänemark, Ossian bei den Kelten, König Artus und seine Helden am runden Tisch, Friedrich Barbarossa im Kyffhäuser, Siegfried, Rota bei

[15]) Michael Rostovtzeff, *Das Mithraeum von Dura.* Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Instituts, Roem. Abt. Bd. 49, 1934, S. 180 ff. u. Taf. 13. — Friedrich Behn, *Das Mithrasheiligtum zu Dieburg.* Berlin u. Leipzig 1928. Römisch-Germanische Forschungen Bd. I.

den Lappen, Kerschâsp, den Sagenhelden Sistans, die „Goldhelmsritter“ in Ålleberg in Schweden, den russischen Helden Ilja Muromec, den Lieblingshelden der Serben Marko Kraljević und unzählige andere Helden und Riesen. Mit der wilden Jagd ist die Geschichte vom heiligen Gral und den Rittern, die ihn schützen, nahe verbunden. Ein sinnbildlicher Ausdruck für diese Mythen, außer den hunderten von Himmelsbergen, Terassenhügeln und großen Grabhügeln, ist der zentralasiatische Stupa, der indisch-buddhistische Sakralbau, dessen Zaun eine Pforte gegen die vier Himmelsrichtungen besaß. In den Hunderten von Buddhafiguren, die in mehreren Streifen in den Nischen um den Stupa sitzen, hat die Sage von dem „Alten“, der mit seinen bewaffneten Wächtern oder seinem Heer in dem Berge schläft, um einmal bei großen Gefahren aufzustehen, mit seinem Heer herauszureiten und sein Volk aus der Not zu befreien, seinen höchsten monumentalen Ausdruck gefunden.

Einige andere Platten aus Vendel und Torslunda stellen einen Mann dar, der ein Untier fesselt (Taf. XI, 2). Bezeichnend für die Platten ist, daß sämtliche Motive auf ihnen fehlen, wodurch die Handlung nicht vorwärts geführt wird. Gerade wie in den Sagen, wo selten mehr als zwei Personen auf der Bühne auftreten, sind die Szenen schematisiert, ohne ausführliche Beschreibung. Eine ausgeprägte Kontrastwirkung ist beabsichtigt. Das sind mazdaistische Gedanken, und der Ursprung ist also offenbar: er muß auf Iran zurückgehen, das klassische Land des Dualismus. In der Tracht fällt auch auf, daß die Figuren die für Mithras und die Arier bezeichnenden langen Hosen tragen und auch die Kopfbekleidung skytisch-nordisch ist. Der Inhalt der Szenen deutet in dieselbe Richtung. Im Awesta wird erzählt, daß die Schlange Dahaka an den Berg Demavend (Hara-Berezaiti der Iranier, den mächtigen 5670 *m* hohen Hará in Elburs) gebunden sei. Bei dem Weltuntergang mache sie sich los und wolle alles verderben, aber da erwache der in Hymnen oftmals genannte alte Volksheld Kerschâsp, der stärkste unter den Menschen nächst Zarathustra, aus seinem Schlaf und töte das Untier. Man wird hier aber mehr an Faridun erinnert, einen Sprößling des alten persischen Königsgeschlechts, der als Rächer seines Volkes erzogen wird und der die Schlange Dahaka in einer Höhle in Demavend fesselt. Hará war in der Vorstellung der Urzeit der hohe, die ganze Welt umschließende Berg, von dem das Wasser aus dem Urquell strömt, wo der Lebensbaum und Haoma wachsen und auf dem die vier Weltströme entspringen. In der Sage ist Hará das Paradies, das als stufenartig, mit drei oder vier Treppen geschildert wird und den Göttern als Wohnung dient, durch deren 180 Türen im Osten und 180 im Westen Sonne, Mond und Sterne auf- und niedergehen. Hier residieren die Sagenkönige, -helden und -kämpfer. Sven Hedin[16] erwähnt eine Höhle auf der Südseite und in 3.200 *m* Höhe zwei große Steinblöcke, Tacht-i-Faridun oder der Thron des Faridun, genannt. Wir haben also in diesen Platten eine der ältesten nordischen Darstellungen aus der iranischen Heldensage, und sie müssen auch nordisch sein, da wir nach A. Olrik nur in dem nordischen, persischen und keltischen Volksglauben den Gedanken finden, daß der schon eingetretene Weltuntergang durch die Erscheinung und das Eingreifen des großen Volkshelden und Kämpfers verhindert

[16]) Sven Hedin, *Der Demavend nach eigener Beobachtung.* Halle 1892, S. 23. — Ernst Herzfeld, *Avestische Topographie.* Arch. Mitteil. aus Iran II. Berlin 1930, S. 49 ff.

1

2

3

wird. Es mutet also nicht befremdend an, wenn ähnliche Motive auch in Irland vorkommen. Henry sieht eine Verbindung zwischen den Torslundaplatten und dem Kreuz in Kilcullen, auf dem ein Mann mit einer Axt und ein Reiter wiedergeben sind, und auch Porter sieht eine stilistische Beziehung zwischen den Vendel- und Torslundaplatten und dem Kreuz in Moone. Aufklärung in dieser Frage erhalten wir durch ein in der schwedischen Provinz Bohuslän gefundenes Goldblech (Taf. XI, 3), das zwei Männer im Kampfe zeigt. Ähnliche Szenen, die Porter als den Streit zwischen Jacob und dem Engel deutet, finden wir auf den irischen Steinkreuzen in Durrow Abbey und Kells (Taf. XI, 6) und später häufig in der romanischen Kunst; unzweifelhaft ist jedoch eine Szene aus der iranischen Heldensage dargestellt. Auf dem Kreuz in Clonmacnois steht diese Kampfszene sogar über einer Darstellung der wilden Jagd(!), und Rostovtzeff[17] hat mehrere Beispiele von diesem Motiv abgebildet, u. a. ein Goldblech aus Südrußland aus dem 4. Jahrhundert v. Chr. (Taf. XI, 5) und eine Bronzespange vom nördlichen China, vermutlich aus dem 2.—3. Jahrhundert n. Chr. Es handelt sich hier um in Europa fast unbekannte Szenen aus der persischen Heldendichtung und die hervorragende Bedeutung des Irans für das Abendland hat sich hier in einer besonders frühen Zeit auch auf dem schwedischen Gebiet erwiesen.

Auch in Bulgarien ist der Reiter aus der wilden Jagd nicht unbekannt. Ein Felsenrelief in Madara bei Schumen in Moesien (814—831) zeigt einen Reiter, das Untier tötend; hinter ihm läuft ein Hund. Filow,[18] dem die schwedischen und schottischen Bildsteine unbekannt sind, sieht dieses als ein auf europäischem Boden alleinstehendes Beispiel an und betrachtet die Parallelität mit den sassanidischen Felsenreliefs als Beleg für die asiatische Herkunft der älteren bulgarischen Kunst. Daß ähnliche Szenen im Südosten allgemein waren, beweist eine Holztür in der Nikolaoskirche in Ochrida vom 12. oder 13. Jahrhundert, die Reiter, Engel zu Pferde, einen Lurenbläser ebenfalls zu Pferde, Fabeltiere usw. zeigt. Auch Protitch[19] hat die Herleitung der altbulgarischen Kunst aus der sassanidischen betont. Als Belege für diese These führt er das obengenannte Felsenrelief in Madara und die Verwandtschaft des Palastes in Aboba-Pliska mit den persischen Palästen von Hatra, Furissabad und Sarvistan, an.

Die wilde Jagd ist uns schon durch die Bronzefunde aus Luristan (7.—6. Jahrh. v. Chr.) und die indisch-baktrischen Silberschalen aus dem 3. bis 4. Jahrhundert bekannt,[20] sowie durch die Silberteller der Sassaniden aus dem 7. bis 8. Jahrhundert, die im Gouvernement Perm gefunden worden sind. Die sassanidischen Paläste waren mit Wandmalereien von Jagd- und Streitszenen, für deren Komposition Textilien als Vorlagen gedient haben, reich geschmückt. Hinzu treten die vielen Jagdszenen auf den sassanidischen Felsenreliefs. Von diesen ist besonders das große Relief über der Gartengrotte Chosroes II. Parvez (590—628) aus der Zeit um 620 von Bedeutung,

---

[17]) M. Rostovtzeff, *Some new aspects of Iranian art.* Seminarium Kondakovianum VI, 1933, S. 166 ff. u. Pl. XI, Fig. 1—3. — Henry, S. 138 f. u. Pl. 102 a u. d. — Porter, *The Crosses and Culture of Ireland.*

[18]) Bogdan Filow, *Geschichte der altbulgarischen Kunst.* Berlin 1932, S. 4 u. Taf. 1 u. 48 a.

[19]) A. Protitch, *La tradition d'art sassanide chez les anciens Bulgares.* Sofia. Inst. Archaeol. Bulgares. Bulletin 4, 1926—27, S. 211 ff.

[20]) René Dussaud, *Ceinture en bronze du Louristan avec scènes de chasse.* Syria XV, 1934, S. 187 ff. — Friedrich Sarre, *Die Kunst des alten Persien. Die Kunst des Ostens* Bd. 5, Berlin 1922, Abb. 114 ff.

weil schon der Name „Gartengrotte“ an den Paradiesgedanken erinnert. Das Bild ist von bewegtem Leben erfüllt; wie auf den Silberschalen fliehen auch hier die Tiere über die Bildfläche.[21]

Den Stil und die Kompositionsprinzipien der Bildsteine sehen wir auch auf den norwegischen Geweben aus dieser und späterer Zeit. In dem großen norwegischen Osebergfund aus der ersten Hälfte des 9. Jahrhunderts sind mehrere Gewebefragmente erhalten. Es sind Tapeten von geringer Breite (der Baum Odins ist nur 16 *cm* hoch und ca. 27 *cm* lang). Die friesartigen Darstellungen zeigen Figuren von niedriger Höhe, durchgehend in zwei Zonen angeordnet.

Wir sehen Prozessionen mit Pferden, schwer beladene vierrädrige, vielleicht für den Kultus bestimmte Wagen, Männer, Frauen, Reiter, Schiffe, Häuser usw., wie auf den gotländischen Bildsteinen; zugleich wird man an die Karawanen auf den Höhlengemälden in Ostturkestan erinnert. Eines der interessantesten Gewebe (Abb. 3) zeigt Menschenopfer. Vielleicht ist es ein Opfer für Odin, so wie es von Adam von Bremen um 1070 geschildert wird.[22] Die Komposition zeigt stilisierte Bäume, in deren Zweigen Menschen aufgehängt sind. Es sind im ganzen neun Leute aufgehängt, deren Arme schlapp herunterfallen und die nichts in den Händen tragen. Anscheinend sind es Leibeigene oder Gefangene, da sie alle einen kurzen Rock tragen; die übrigen Figuren auf den Geweben von Oseberg haben sämtlich lange, bis zu den Füßen reichende Gewandung. Dargestellt werden auch Menschen in Profil, die sich in einer Prozession bewegen (Taf. XII, 2). Oben links sehen wir vier Figuren, von denen die erste ein Schwert trägt, doch nicht am Griff, sondern an der Klinge, was vermutlich auf eine Zeremonie hindeutet, rechts davon vielleicht ein Pferd oder ein Stier.

Ein anderes Gewebe (Abb. 4) zeigt eine Schar Reiter in Deckung, wofür auch das Kreuz in Arboe[23] ein Beispiel gibt. Auch einzelne von den schottischen Bildsteinen und Kreuzen aus dem 9. bis 10. Jahrhundert geben Beispiele für solche Deckung, so z. B. Meigle 2·26 und 10. Diese Züge fehlen aber auf den gotländischen Bildsteinen, wie Dedekam[24] hervorgehoben hat. Alle Darstellungen auf den Geweben von Oseberg sind in Konturzeichnung gegeben. Die Binnenzeichnung ist flächig gehalten; Menschen, Tiere, Frauen sind im Profil dargestellt, und weit dahinterliegende Gegenstände werden wie auf den gotländischen Bildsteinen über der unteren Zone abgebildet und nicht perspektivisch verkleinert. Zahlreiche Motive auf diesen Geweben gehen auf Traditionen der Völkerwanderungs- und Vendelzeit zurück; wir sehen auch die gleichen Motive auf nordischen Münzen, und dasselbe Schema lebt im Norden Jahrhunderte hindurch in der Volkskunst weiter. Beispiele sind die gewebten Tapeten aus den Kirchen in Skog und Överhogdal in Schweden.

Die gewebte Tapete aus der Kirche in Skog in der Provinz Hälsingland stammt vom Ende des 12. Jahrhunderts. Die Komposition ist eine Mischung von heidnischen Vorstellungen und christlicher Glaubenswelt. Im Zentrum ist eine Kirche mit Glockenturm dargestellt; die Glocken läuten. Zu Pferde und zu Fuß strömen die

[21]) Sarre, Taf. 86.

[22]) Hans Dedekam, *Odins trae.* Kunst og Haandverk 1918, S. 56 ff.

[23]) Henry, Fig. 117.

[24]) Hans Dedekam, *„Perspektivet“ paa Osebergdronningens tapisserier.* Kunst og Kultur 1920, S. 145 ff.

1

2

3

4

5

6

7

8

Leute heran. Auf einer der Tierfiguren links sieht man eine Menschengestalt mit drei Köpfen, die vielleicht an eine slavische Gottheit denken läßt.

Diesem Gewebe nahe verwandt ist ein anderes von Överhogdal in der Provinz Härjedalen aus dem 12. Jahrhundert. Es zeigt prachtvolle Mythendarstellungen aus der Völsungensage und ganze Reiterszenen; außerdem sind der Lebensbaum, Hunde, Renntiere, Hirsche und ein Schiff als Schmuckmotiv auf diesem farbenfreudigen Gewebe verwendet worden. Alles ist in Reihen und Prozessionen geordnet, ähnlich den Mustern auf den gotländischen und schottischen Bildsteinen und auf den asiatischen Nomadenteppichen. Die Teppiche aus Skog und Överhogdal sind einheimische Arbeiten; sie sind aber auf ältere Kompositionen zurückzuführen, wie z. B. die Gewebe vom Osebergfund aus der ersten Hälfte des 9. Jahrhundert, und vermutlich auf noch frühere, welche von iranischen Vorbildern abhängig sind. Die Behauptung von F. R. Martin,[25] der als erster in seinem Werk "A History of Oriental Carpets" die große Bedeutung des Orients für die schwedischen Bauerngewebe und Textilien hervorgehoben hat, daß der Skog-Teppich ein turkmenisches Gewebe nachbildet, scheint also berechtigt zu sein.

Von den Farben auf dem Osebergteppich ist nur das Rot erhalten — dieser Teppich ist übrigens einer der ältesten, die wir in Europa kennen, und um mehr als 200 Jahre älter als der Teppich von Bayeux —; zum Unterschied sehen wir auf dem Överhogdalteppich außer der roten Farbe noch blau, graublau und braun.

In schwedischen Museen und Bauernhäusern werden jetzt bisher fast unbekannte Sammlungen aus der schwedischen Volkskunst aufbewahrt, die wohl kaum ein anderes Land in gleicher Vollständigkeit besitzt. Eine Menge von solchen späteren Geweben sind noch in Südschweden, besonders in Schonen, erhalten und bis in unsere Tage hinein von Frauen aus dem Volke angefertigt worden. Zum größten Teil scheinen sie im 18. oder Anfang des 19. Jahrhunderts hergestellt worden zu sein; aber alles deutet darauf hin, daß die Muster auf alte Vorbilder aus der Wikingerzeit oder früher zurückgehen, die nach und nach kopiert worden sind. Einige von ihnen gehören zu den vornehmsten, die Europa überhaupt aufzuweisen hat. Die motivisch reichsten Gewebe sind in Süd- und Westschweden zu sehen. Die für die sassanidischen und byzantinischen Gewebe so bezeichnenden Kreise mit Figuren werden in Schweden in achteckige Bilderfelder umgestaltet. So wirken die schwedischen Gewebe mehr eingerahmt und geschlossen; man bewegt sich in einer begrenzten Welt, und im allgemeinen werden die Figuren versteift. Die Auswahl der Motive kennt wohl keine festen Grenzen; bevorzugt werden aber fast überall vegetabilische Motive wie Lebensbaum, Palmetten, Granatapfelmuster, Lilie, Lilienkreuz usw. Daneben treten die geometrischen Muster auf wie Flechtfiguren, Hakenkreuze, Dreiecke, Ringmuster, vier- und achtblättrige Rosen, achtstrahlige Sterne usw. Hinzu kommen Formen aus dem Tierreich und Motive der menschlichen Gestalt. Auch zeigen diese Gewebe Reiter, Vögel, Schiffe und Prozessionen. Ein besonders beliebtes Motiv sind die iranischen Fabeltiere, das skythische zurückblickende Tier, das Einhorn, dazu der Löwe und der Hirsch, das heilige Tier der Skythen. Große und dekorative Hirsche oder Löwen mit

[25]) F. R. Martin, *Skogstapeten.* Svenska Dagbladet 15. 3. 1915.

Vögeln oder Schlingen im Mund oder kleinen Vögeln auf dem Rücken sind für die Muster bezeichnend. Dazu kommen verschiedene Vögel, allein oder in Paaren, wie Doppeladler, Pelikan, Pfau und Hahn. Auch in Norwegen ist derselbe iranische Dekorationsstil zu sehen, hier jedoch im Holz. In den norwegischen Stabkirchen, besonders in Urnes aus dem 12. Jahrhundert, sehen wir streitende Löwen, Löwen mit Flügeln oder mit Drachenkopf, Greife, Hirsche, Kamele, Bären, von Drachenschlingen umgeben, Centauern, Drachen, sowie Jagdszenen (Abb. 5) und Reiterbilder sind allgemein.

Die Gewebe weisen verschiedene Stile auf, wobei besonders einzelne Bäume auf Geweben aus Blekinge und Achteckmuster auf den Stücken aus Schonen auf eine höhere Kultur hindeuten. Aber sonst treffen wir häufig die für die Nomadenteppiche typischen Kompositionen mit mehr oder weniger einfachen Borten, die ein Mittelfeld umrahmen. Dieses Feld ist in einfacher Weise durch Streifen oder Mustern mit sparsamen aber urwüchsigen dekorativen Elementen gefüllt.

Besonders interessant ist auf den schonischen Geweben das sogenannte „Schloß", das Gebäude im Mittelfeld, das wohl nichts anderes als den persischen Palast mit seinen Seitentürmen darstellt, gerade so, wie wir es von Persepolis, Sarvistan und dem Kyrospalast in Pasargadae kennen (Taf. XI, 7). Mehrere schonische Gewebe zeigen um den Palast herum Reiter in reicher orientalischer Tracht, in Seitenborten geordnet, ebenso wie auf den Silbertellern der Sassaniden und den Bildersteinen Schottlands.[26] In derselben Weise, mit einem Palast in der Mittelpartie und überreinander geordneten Reitern an den Seiten, ist eine jungsassanidische Silberschale in Leningrad (Taf. XII, 1) verziert.

So zeigen diese schwedischen Gewebe, daß die persischen Teppiche von Iran über Rußland bis nach Schweden und Norwegen hinein verbreitet waren, daß sie auf spätestens in der sassanidischen Zeit eingeführte Originale zurückgehen müssen, und zugleich, daß schon damals eine verbreitete Bildkunst im Norden herrschte. Es erweist sich sogar, daß der Osebergfund nicht isoliert gestanden hat, oder daß er die letzte große Blüte der nordisch-germanischen Kunstgesinnung war, sondern daß er nur als ein zufälliger Rest aus der großen Menge des einst Vorhandenen betrachtet werden muß. Eine hier kaum berührte große, in Holz arbeitende nordische Kunstwelt ist mit Ausnahme einiger Reste fast spurlos vom Erdboden verschwunden.

Im ganzen ersten Jahrtausend n. Chr. steht die nordische Kunst und wahrscheinlich auch die Religion unter dem Einfluß des alten Persien. Durch die Skythen, welche von den nördlich des Schwarzen Meers gelegenen Gebieten über den Don bis zum Altai-Tarimbecken schweiften, wo der Weg nach China sich öffnete, wurden persische Elemente zu finnischen, nordischen, türkischen und mongolischen Völkern verbreitet; und auch China schließt sich seit der Hanperiode dem eurasischen Kulturkreise an. Später, als das germanische Bandgeflecht sich mit dem eurasischen Tierstil vereinigte, entstand das germanische Tiergeflecht. Wenn man also im Norden bereitwilligst neue künstlerische Motive aufnahm, so hat man darum doch nicht vollständig mit den alten Traditionen gebrochen, sondern die schwedische Entwicklung hat weiter auf den alten Überlieferungen aus der Hallstatt- und La-Tènezeit gebaut und das Ganze im nordischen Geiste umgeformt. Wir können heute nicht länger leugnen, daß es einen nördli-

[26]) Sarre, Taf. 108. — Allen, Fig. 235 b.

1

2

chen Kunstweg im Sinne Strzygowskis[27] gegeben hat, der sich von Persien über Rußland, das Baltikum und die großen Ostseeinseln bis zu den nordischen Gestaden erstreckte; auf diesem Wege erhielt der Norden viel persisches Kulturgut in verschiedenen Formen, besonders künstlerische Motive, Sagen, Heldenlieder, iranische Waffen und vermutlich auch die Religion. Von Skandinavien ist dieser Kulturstrom dann weiter bis Westen nach Irland gelangt. Wir haben aber keine ausreichenden Gründe, die Eigenart in der schwedischen Kunst zu unterschätzen, auch wenn wir glauben, daß eine Anzahl von Motiven auf eingeführte Metallarbeiten, Stoffe, Emails usw. aus dem Osten zurückgehen können. Vieles was wir aber in Skandinavien, Irland und in Rußland-Iran an Ornamentik, Bilderformen und Sagen, besonders in der Heldendichtung und da besonders die Sigurdsage und die Sage von der wilden Jagd und deren Bilderwelt sehen, müssen wir wohl auf eine keltisch-germanische Urgemeinschaft, aus der alles stammen kann, zurückführen. Die Kult- und Himmelsberge beweisen, daß es von Westen über Skandinavien nach dem weitesten Osten hin, schon in indogermanischer Zeit eine Traditionseinheit gab.

William Anderson.

Lund.

[27]) Strzygowski in *Heidnisches und Christliches...*, S. 110 ff. — Während A. Kingsley Porter mehr das christliche Osten als maßgebend für die Bilderwelt die irischen Steinkreuze hält, und W. R. Hovey, *Sources of the Irish Illuminative Art.* Art Studies VI, 1928, S. 105 ff., wenig überzeugend, das Flechtband und die Menschengestalten aus der koptischen Kunst ableiten will, sieht Julius Baum, *Aufgaben d. frühchristl. Kunstforsch. i. Britannien u. Irland.* Forsch. u. Fortschritte 10/6 1935, in den wichtigsten irischen Handschriften, neben den keltischen und germanischen, auch sassanidische Bestandteile, und N. T. Belaiew, *On the "Wodan-Monster" or the "Dragon" Series of the Anglo-Saxon Sceattas.* Sem. Kond. VII, 1935, S. 169 ff., hat durch viele Beispiele erwiesen, wie skytho-sibirische Tiermotive auf skandinavischen Goldbrakteaten des 5.—6. Jahrh. und friesischen, englischen und skandinavischen Münzen fortleben. — Vgl. auch William Anderson, *Nordisch-iranische Elemente in der romanischen Kunst.* Nordische Welt III, 1935, S. 559 ff. — Der Stil und die Ornamentik der Holzbaukunst und Volkskunst Schwedens zeigen eine Reihe stark in der mythischen Tradition verwurzelten Motive, die mit der russischen und osteuropäischen Volkskunst und mit einem Teil, besonders kleinrussisch-karpatoländischen Variationen, auch gegen Südosten mit den balkanischen, deutliche Parallele aufzuweisen haben. — Zu bemerken ist weiter, daß Gotland schon früh im 1. Jahrtausend n. Chr. ein Hauptvermittler für den internationalen Handelsverkehr zwischen Ost und West in Nordeuropa wurde; ein Übergangsland, wo sich auch in der Kunst zwei Kulturen kreuzten und wo man sich weit vor der Wikingerzeit mit figürlichen Darstellungen auseinandergesetzt hat. Die Gesamtform der jüngeren Bildsteine aus dem 7.—8. Jahrh. mit ihrer sich vom Boden aus verjüngenden hohen Basis und einem tympanonähnlichen, vorragenden Bogen darüber mit Darstellungen der Freuden des Paradieses, erscheint als ein Portal zum Jenseits (Taf. IX). Die mythischen, figuralen Szenen der inneren Flächen mit ihrer natursuchenden, aber weder plastischen, noch malerischen Wiedergabe von Menschen und Tieren stehen im bewußten Gegensatz zu den flächenhaften abstrakten, kalligraphischen Flechtbandsrahmen, die oben um die Lünette herumgeführt sind. Vielleicht sind sie im Anfang als Giebelsteine (auch diese wohl ursprünglich aus Holz) mit flachen Reliefs dekorierten Holzkenotaphien zu deuten, und wahrscheinlich waren solche Grabdenkmäler aus Holz neben anderen aus Stein lange in Übung. Große Holzdenkmäler in Kastenform und mit Satteldach waren noch im 19. Jahrhundert auf Friedhöfen in waldreichen Provinzen Schwedens zu sehen. Die Form und die figürlichen Jagddarstellungen auf dem „Tympanon“ der gotländischen Bildsteine entsprechen nicht nur einer der ältesten bekannten Lünetten, über die Gartengrotte Tak-i-Bostan (590—628), sondern der ganze Stein (Taf. IX) ist in seiner Form ein Vorläufer der ältesten romanischen Kirchenportale, und auch den iranischen Reiter mit den Jagdfalken finden wir oftmals in der romanischen Zeitperiode in Lünetten und Tympanonfelder wie im Dom zu Lund, in England, Parthenay-le-Vieux usw. In England ist der Reiter in der anglonormannischen Kirche in Brinsop, Herefordshire mit zwei Vögeln am Kopfe abgebildet, wie der Odinsreiter von Vendel (Taf. XI, 1) aus dem 6. Jahrhundert.

ABBILDUNGSVERZEICHNIS

THE OPENING STAGES
OF THE ANGLO-SAXON IMMIGRATION TO BYZANTIUM
IN THE ELEVENTH CENTURY

1066 was a year of ill-omen all over Europe, East and West, according to mediaeval superstition. In this year appeared the famous Halley's comet, named for the English astronomer Edmund Halley (1656—1742), who six centuries later defined the periods of its appearance.[1] But in 1066 this heavenly body portended evils and disasters to the mediaeval mind and seriously affected all Europe; according to Ekkehardus, a Western chronicler of the eleventh and twelfth centuries, it presaged misfortune "all over the world".[2] Writers in various countries have recorded the evils they believed it to portend and the momentous events that actually occurred soon afterwards.

An Armenian historian of the twelfth century, Matthew of Edessa, mentions in his History under 1066 the appearance of the comet in his country and then records a destructive invasion of the Seljuq Turks into Armenia. He writes, "The infidels leaving their own country sacked Armenia, slaughtered the Christians, and imposed upon the survivors the yoke of servitude."[3] In the calm of the Crypt Monastery in Kiev in Russia, a monk, the oldest Russian chronicler, writes of the same comet: "At the time, there was a portent in the west in the form of an exceedingly large star with bloody rays, which rose out of the west after sunset. It was visible for a week and appeared with no good presage. Much internal strife occurred thereafter, as well as many barbarian incursions into the land of Rus, for this star appeared as if it were made of blood, and therefore portended bloodshed."[4] For Byzantium, according to Byzantine sources, the same comet presaged the death of the Emperor Constantine X

---

1) I myself saw this comet repeatedly in 1910 off the shores of Brazil and in the Argentine, and I must admit that the spectacle, though beautiful, was really malignant and sinister. This comet was visible even in China.

2) Ekkehardi *Chronicon Universale:* A. D. 1066. Cometes per totum orbem diu apparuit. Pertz., *Mon. Germ. Hist. Scriptores*, vol. VI, p. 199. Migne, *Patr. Lat.*, vol. 154, col. 943.

3) Chronique de Matthieu d'Édesse. Ed.Dulaurier, Bibliothèque Historique Arménienne (Paris, 1858), ch. XCVI, p. 156. See also Ed. Dulaurier, *Recherches sur la chronologie arménienne* (Paris, 1859), pp. 297—298. Under the year 515 (March 5, 1066 — March 4, 1067).

4) The Russian Primary Chronicle, under the year 6572 (1064). A Complete Collection of Russian Annals, vol. I, ed. by E. F. Karsky (2d edition, Leningrad, 1926), p. 164 (in Old Russian); Eglish translation by Samuel H. Cross (Cambridge, 1930), p. 233. The year given by the Chronicle is incorrect.

Ducas, who died in May, 1067.[5] In his Strategicon, Cecaumenus, a writer of the eleventh century, also records the appearance of the comet, notes its ominous significance, and continues, "At that time there was a rumor that the Frank Robert (Robert Guiscard) was preparing to fall upon us."[6] Western chroniclers of the eleventh and twelfth centuries, Lambertus, Ekkehardus, and Lupus Protospatharius, immediately after recording the appearance of the comet, write of the subjugation of England by William the Conqueror, emphasizing the excessive cruelty of the conquest.[7] Finally, the same comet is noted by our best Western source on the English emigration to Byzantium, an English chronicler, Orderic Vitalis. He writes: "In this year of the Incarnation of our Lord 1066, the fourth indiction, in the month of April, there appeared in the Zodiac, for almost fifteen days, a star called a comet, which, as clever astrologers, who have keenly investigated the secrets of nature, assert, portended a revolution (mutatio regni designatur)."[8] Later, in connection with the death of Edward the Confessor, Orderic Vitalis gives a few lines of poetry referring to the comet:

Anno Milleno
Sexageno quoque seno
A genito Verbo
Contrito rege superbo,
Anglorum metae
Crinem sensere cometae.[9]

It is not, I hope, irrelevant to mention here the earliest certain delineation of this comet, which refers to the year 1066 precisely, and to the fact of the cenquest of England by William. At Bayeux, a little town in Normandy in France, is a most precious collection of tapestry. The exact date of the work is not certain; but accor-

[5]) Michaelis Attaliotae *Historia*, p. 91 (under the fourth indiction = 1066). Cedrenus (Skylitzes), vol. II, p. 658 (in the printed text the fourteenth indiction is erroneously given for the fourth). Zonaras, XVIII, 9, 13; ed. Dindorff, vol. IV, p. 201; ed. Bonn., vol. III, p. 680 (the fourth indiction is correctly given). Michaelis Glycae *Annales*, pars IV, p. 325 (ed. Paris); p. 606 (ed. Bonn). These sources say that the comet appeared in May, the very month of the Emperor's death.

[6]) *Cecaumeni Strategicon*, ed. B. Wassiliewsky et V. Jernstedt (Petropoli, 1896), pp. 66—67.

[7]) Lamberti Hersfeldensis (of Hersfeld) *Annales*, A. D. 1066. Pertz, Mon. Germ. H. Scriptores, vol. V. p. 173. Ekkehardi *Chronicon Universale*, A. D. 1066; ibidem, vol. VI, p. 199; Migne, Patr. Lat., vol. 154, col. 943. Lupus Protospatharius, A. D. 1067; ibidem, vol. V, p. 59. The latter writer places the appearance of the comet in the wrong year, 1067 instead of 1066, and erroneously attributes to the conqueror of England the name Robertus for Willihelmus.

[8]) Ordericus Vitalis, *Historia Ecclesiastica*, pars II, lib. III, 17 (Migne, Patr. Lat., vol. 188, col. 283). English translation by Thomas Forester, vol. I (London, 1853), p. 458.

[9]) Idem, pars II, lib. V, 11 (Migne, col. 406). Forester translates as follows (vol. II, p. 167):

History's ancient annals fix
The year one thousand sixty-six
(Then a fiery comet whirled,
Dreadful omen, round the world)
As the time when England's lord
Fell before the Norman's sword.

ding to the opinion of specialists, the tapestry was produced within the lifetime of men who could remember the invasion of England in 1066. One panel reproduces on the left a group of people gazing at the comet and with lifted arms calling each other's attention to that unusual phenomenon. Above them is an inscription: Isti mirant stellam. At the top of the panel is a reproduction of the comet itself. At the right Harold, the last Anglo-Saxon King, is seen seated on the throne listening to a messenger; his name is inscribed above him, and below, a ship's hull symbolizes the impending advent of William's fleet.[10]

Thus, the comet of 1066 portended for the Armenians an invasion of the Seljuq Turks, for the Russians internal strife and barbarian incursions, apparently of the Cumans (Polovtzians), for Byzantium the death of Constantine X Ducas and the campaign of Robert Guiscard, and for Western Europe in general and for England in particular, the conquest of England by William of Normandy. This last event is indissolubly connected with the question of the emigration of many Anglo-Saxons from their own country to Byzantium.

The motives of the Anglo-Saxon and Anglo-Danish emigration from England were exclusively political. Numbers of the English people were unwilling to submit to the new order established by William the Conqueror. Some left England voluntarily and some were forced to seek shelter and work either in the North, in the Scandinavian countries, their original home, or in the East, under the protection of the Byzantine emperors. Similar movements have many times occurred in the course of history. The English emigration in the eleventh century reminds us of the flight of the French after the repeal of the Edict of Nantes in 1685 and later after the outbreak of the French Revolution in 1789, and of the Russian "dispersion" in connection with the Russian Revolution in the twentieth century. Of course the number of emigrants in the eleventh century from England was exceedingly small compared with the throngs of exiles after 1685, 1789, and 1917. These three groups of emigrants scattered all over the world, Old and New. The Anglo-Saxons and Anglo-Danes of the eleventh century, however, few in number and with only the countries of the Old World from which to choose, escaped the "Norman yoke" and either resumed a life similar to their former one in the lands of their ancestors, or began an entirely new life in the Near East, in the Levant, whose lure in the eleventh century was already great for young, energetic, and enterprising men.

The subject of the English emigration to Byzantium is not new. In 1871, in his monumental work on the conquest of England by the Normans, E. Freeman paid some attention to this interesting fact, citing English as well as Byzantine sources, among the latter especially the Alexiad of Anna Comnena. In much more detail a Russian scholar, V. G. Vasilievsky, in 1874—1875, carefully studied this question in his monograph *The Varangian-Russian and Varangian-English Company* (družina) *in Constantinople in the eleventh and twelfth centuries*, presenting a rich supply of material from Latin and Greek sources. More recently, in 1925, a young Greek scholar, Michael Dendias, writing in modern Greek, devoted some space to the study of this problem

[10]) For reproduction and description of this panel see, for example, Hilaire Belloc, *The Book of the Bayeux Tapestry* (London, 1914), panel 35; see also pp. XVII—XVIII.

in his book *The Varangians and Byzantium*. The aim of this present article is to give three sources that have not yet been used. Freeman, Vasilievsky, and Dendias all overlooked one; the others were published after the work of the first two scholars and were of course inaccessible to them. Of these sources, Dendias used one and overlooked the other. In my study I wish to deal only with the opening period of the English emigration to Byzantium, covering roughly the years 1066 to 1100 and referring only casually to later times.

According to E. Freeman, the movement towards the East probably began in the very first days of William's conquest, immediately after 1066. "No career was more attractive to a banished Englishman, especially to a native of the Scandinavian parts of England, than the career which was offered by that Varangian guard to which the exploits of Harald Hardrads must have given redoubled fame throughout Northern Europe. But the chief migration in this direction plainly took place in the later days of William, when the revolutions of Eastern Europe opened a fresh and specially attractive career to Englishmen. Men who found it vain to strive any longer against the Normans in their own land found a tempting field on which they might meet Normans in arms in lands beyond the sea."[11] The Byzantine emperor was Alexius I Comnenus (1081—1118), "whose fame, somewhat disproportionate perhaps to his exploits, has been far more widely spread through Western Europe than that of most of the Byzantine Caesars."[12] He was the special foe of the Normans, who under the leadership of the Duke of Apulia, Robert Guiscard, had conquered the Byzantine possessions of South Italy transferred hostilities to the Adriatic coast of the Balkan peninsula. "The danger of the Empire, and the prospect of fighting under its banners against Norman enemies, had clearly drawn a new reinforcement of English warriors to the side of Alexis." Finally, "Alexis recalled the English to the Imperial city, and made them the special guards of his person and palace."[13] Freeman concludes his story of the English in Byzantium with the following words: "The race of the English exiles flourished in the land of their adoption; their axes were again lifted against French-speaking foes when renegade Crusaders stormed and sacked the capital of Eastern Christendom (in 1204); and, long after they still formed the chosen bodyguard of the Byzantine Emperors, and they still clave to the use of their Northern weapon and their Northern tongue."[14]

Thus, according to Freeman, the movement of the English towards the East probably began at the very outset of William's reign, soon after the battle of Senlac; but the chief wave of the English migration took place in the later days of William, about 1081, when Alexis Comnenus ascended the Byzantine throne.

In 1874—1875 V. G. Vasilievsky published his remarkable study *The Varangian-Russian and Varangian-English Company (družina) in Constantinople in the eleventh and twelfth centuries*. This study contains a special chapter (XII) entitled "Englishmen in Byzantine service as Varangians."[15] Vasilievsky treated the question with much more

[11]) E. Freeman, *The History of the Norman Conquest of England*, vol. IV (Oxford, 1871), pp. 627—628.
[12]) Ibidem, p. 628.
[13]) Ibidem, p. 628; 631.
[14]) Ibidem, p. 632.
[15]) Vasilievsky's study was originally published in the Journal of the Ministry of Public

detail than Freeman, whose work he knew. "The Varangian-English corps was not made up of individual Anglo-Saxon volunteers; it was a unified body of men who had been driven from their fatherland by the cruel sword of the conqueror. It is obvious at once that they were very welcome in Byzantium and exceedingly useful in the various conflicts of Byzantium with the West. They had no fatherland, for which to betray their Byzantine master; they were ruthless foes of all French Normans, not only those who had conquered England, but also those who had previously taken possession of Southern Italy. Their national hatred embraced all Normans." For Alexis "the Anglo-Saxons were a godsend; in the struggle against the Normans they were revenging themselves for their defeat at Senlac (Hastings) and by fighting these enemies they gained their first fame as Varangians. To no one else as to his new servants could Alexis Comnenus entrust with such confidence his safety and defense."[16] Like Freeman, Vasilievsky believes that the main Anglo-Saxon migration took place not immediately after the fatal battle of 1066, but only at the end of William's reign and at the outset of Alexis' reign (1081) when indubitable signs appear of an Anglo-Saxon emigration into the Greek Empire. The first time the English are plainly indicated is in Anna Comnena's account of the coronation of Alexis I (1081), "the Varangians from (the island of) Thule."[17] Vasilievsky goes on to describe in detail the participation of the English Varangians in the war against Robert Guiscard in 1082, when Guiscard besieged Durazzo. At that time, the English were Varangians in the sense of mercenaries or allies; only later, after 1085, did they become the Imperial guard to which was entrusted the defense of the Imperial palace and person.[18]

I have noted above the most recent treatment of the English immigration to Byzantium and the English Imperial guard in Constantinople, the study in modern Greek by M. Dendias, *The Varangians and Byzantium*.[19] Most unfortunately, as Dendias himself states, he was unable to obtain in Athens Vasilievsky's fundamental study on *The Varangian-Russian and Varangian-English Company*, and hence was forced to take his references to this work from G. Schlumberger's *L'Epopée byzantine*, III.[20] Neither does he make any reference whatever to Freeman's *Norman Conquest*.[21] Dendias

Instruction, vol. 176 (1874), pp. 105—144; vol. 177 (1875), pp. 394—451; vol. 178 (1875) pp., 76—152. After his death it was republished in V. G. Vasilievsky's *Works*, vol. I (St. Petersburg, 1908), pp. 176—377. In the latter edition see chapter XII on pp. 355—377; in the first edition, vol. 178 (1875), pp. 133—152.

[16]) Vasilievsky, *Works*, I, pp. 355—356.

[17]) Anna Comnena, *Alexiad*, II, 9: οἱ ἐκ τῆς Θούλης Βάραγγοι (ed. Reifferscheid, I, p. 84). *The Alexiad of the Princess Anna Comnena*, transl. by Elizabeth A. S. Dawes (London, 1928), pp. 63—64.

[18]) Vasilievsky, op. cit., pp. 358—364.

[19]) Μιχαὴλ 'Α. Δένδια Οἱ Βάραγγοι καὶ τὸ Βυζάντιον (Athens, 1925), pp. VIII + 85 (87). The form Δένδια is genitive; the nominative is Δένδιας. Dendias' study was also published in the Δελτίον τῆς Ἱστορικῆς καὶ Ἐθνολογικῆς Ἑταιρείας, τῆς Ἑλλάδος, vol. 9 (1926), pp. 145—221. See H. Grégoire's very interesting review of Dendias' booklet in Byzantion, vol. II (1925), pp. 567—571.

[20]) Dendias, p. 74, n. 5.

[21]) On p. 47, n. 1 Dendias refers to Freeman's work; but this reference is taken from Wassiliewsky—Jernstedt's edition of Cecaumenus' *Strategicon*. Freeman's work is mentioned neither in Dendias' general bibliography (pp. 7—8) nor in his special bibliography of the Normans (p. 39, n. 5). Dendias apparently does not know Gibbon's edition by Bury, and gives Gibbon's references in Buchon's old French translation.

quotes our most important Western source, Orderic Vitalis, not from the original text but from an old book by E. G. Geyer, *Histoire de Suède* (Dendias uses the French translation of this book, published in Paris, 1844); hence he perpetuates Geyer's own error in stating that Orderic speaks of the Danes who left England, whereas the English chronicler really uses the term Angli.[22] Dendias mentions the English (Danish) emigration from England several times, beginning with Chapter V. He points out that the Imperial guard in Constantinople consisted of two elements, the Varangian-Russian and after the conquest of England by the Normans, the Anglo-Saxon; and for a while both served together in the imperial palace (p. 36). He also mentions the great influence of the Danes at that time in England and their close connection with the Angli (pp. 39—41). Credit should be given Dendias for being the first scholar to use in this connection, the Λόγος Νουθετητικός published by Vasilievsky and Jernstedt,[23] of which I shall speak later. Chapter VII deals with Byzantine sources on the origin and nationality of the Varangians in Byzantium, and the Angli in Greek service (pp. 51—55). Here he considers Anna Comnena's mention of the Varangians from the island of Thule and other later and very well known Byzantine sources. Then referring again to the Varangians as Anglo-Danes from England who came to Byzantium after the Norman Conquest, he goes on: "It is unknown which route the English travelled, whether they went by land, by way of Russia, or across Gaul and Italy, or whether they sailed by the Ocean and the Mediterranean."[24] In Chapter VIII Dendias writes again of the Anglo-Varangian Imperial guard, their virtues, their martial achievements, their equipment, etc. (pp. 55—64). To sum up, Dendias' presentation of the history of the Varangian-English guard in Byzantium cannot be regarded as superior to that of his predecessors, Freeman and Vasilievsky, whom he ignored, and they still remain our best foundation for the study of our question. But Dendias deserves credit as the first scholar to use the Λόγος Νουθετητικός.

I have summarized the three works that have devoted special attention to the beginning of the Anglo-Saxon immigration to Byzantium. The question has of course been briefly mentioned in various studies of general aspect. It would be superfluous to attempt to give here a complete list of these writings, but I wish to mention some of them in order to show the attitude among historians to our question in various countries and at various periods. We must not lose sight of the fact that for the earlier period of the Anglo-Saxon activities there are two essential sources: a West European chronicler, Orderic Vitalis, and the famous Byzantine authoress, Anna Comnena.

The first detailed discussion of our subject was published in the seventeenth century by the famous French scholar Ducange in his notes to his edition of Geoffrey de

[22]) Dendias, op. cit., p. 41. I have not seen the French translation of Geyer's book which Dendias used. But I had the original Swedish edition: Erik Gustaf Geijer, *Svenska Folkets Historia*, vol. I (Stockholm, 1832), p. 38, n. 10 (I used the reprint of 1876). He writes: "They are said to have come partly from Thule, partly from England; but most of the English appear to have been Danes, of whom Orderic Vitalis relates that many quitted England at the Norman Conquest, and took service at Constantinople." See the English and German translations of this book. E. G. Geijer, *The History of the Sweden* (London, 1845), p. 12, n. 3. Idem, *Geschichte Schwedens*, vol. I (Hamburg, 1832), p. 39, n. 1.

[23]) Idem, pp. 47—48; 50; also p. 79 (on Harald Haardraade).

[24]) Idem, p. 54.

Villehardouin's *History of the Capture of Constantinople.*[25] This discussion was mentioned neither by Freeman nor by Vasilievsky nor by Dendias. In a note (89), exhaustive for his time, on the English and Danes Ducange used all the sources which were later utilized by Freeman and Vasilievsky. He refers to, and gives adequate texts from, the sources concerning the arms and the habits of the Varangians in Constantinople, for instance their acclamations in English in honor of the emperors; for this purpose he uses Anna Comnena, Nicetas Acominatus, (Pseudo)-Codinus, and Gaufredus Malaterra. Then he points out that no Greek writer who dealt with the Anglo-Saxons and Danes in Byzantium gave the time or the cause of their coming to Greece. In this connection Ducange quotes Orderic Vitalis, who told how the Anglo-Saxons, or rather the Anglo-Danes, after being expelled from England at the death of Harold (Herald), the last king of England of Danish blood, embarked on the sea; some of them went back to their own country (Denmark); others to the lands of the Eastern Empire, where they offered themselves to the emperors of Constantinople, who employed them to guard the imperial persons and places.[26] Ducange gives the whole passage from Orderic Vitalis' *Ecclesiastical History* (liber IV), which I shall discuss below. He points out that Orderic repeats the same account in books VII and IX, and writes: "In this place I cannot conceal an anachronism in Orderic; for he states that Harold was killed in 1056, that William the Bastard was crowned as King of England that very year, when the Saxons and the remainder of the Danes were driven out from England, and that Alexis ascended the throne only in 1081; so that one must say that the Saxons and Danes offered themselves to the Emperor Alexis only after having spent fifteen or sixteen years at sea, which is not probable. Not to deny Orderic's narrative entirely, I believe rather that the Varangians or Danes began to join the troops of the emperors of Constantinople at the time when they were driven out of England after the death of King Kanut II and when Edward, sprung from the ancient race of the Anglo-Saxon kings, was called to that kingdom, which occurred in 1040; about that time one began to hear the name of Varangian in the Eastern Empire. Indeed, "continues Ducange," Scylitzes and Glycas write that under Emperor Michael the Paphlagonian, Varangians were dispersed in the garrisons of the cities of the province or theme of the Thracians. Scylitzes also mentions them again under Constantine Monomachus and Michael Stratioticus, of whom one died in 1104, the other left the purple two years later.[27] Thence it follows that the Varangians were known in the East not only before the reign of Alexis but also before the enterprise of William the Bastard upon England. It is also obvious from this discussion, "says Ducange," why Villehardouin to designate the Varangians named them English and Danes, meaning that those who were supposed to have been English-Britons (Anglois-Bretons) were English-Danes (Anglois-Danois). It is not probable that the English of Great Britain and

[25]) Ville-Hardouin, *L'Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs françois*, par Charles du Fresne du Cange (Paris, 1657), pp. 296—299.

[26]) Ducange: leurs places. Here of course by places I understand abodes, palaces.

[27]) Ducange is of course incorrect in saying that Constantine Monomachus died "l'an MCIV". For 1104 we must read 1154. The exact date of Constantine Monomachus' death is January 11, 1155. Michael Stratioticus abdicated in 1057.

the Danes of Denmark, who are separated from each other by a large space of sea, were called together to the service of the emperors. (Up to 1040) the emperors had no intercourse (aucun commerce) with the English, while after that time the Varangians were in the imperial service down to the fall of Constantinople. More probably they came from Danish England, which is a small province of the Kingdom of Denmark between Juthland and Holsace (Holstein), whose inhabitants had once subjugated Great Britain and given it the name of their own country (England)." Then Ducange quotes several Greek and Western sources mentioning Danes and their axes, speaks of various opinions as to the origin of the word Varangians, and ends his long note with a reference to the sources which characterize the Varangian fidelity to the Emperor and his full confidence in them.

I have delayed so long on Ducange's note because, as has already been noted, it was apparently unknown to Freeman, Vasilievsky, and Dendias, though all the sources used by Vasilievsky in his study had already been collected by Ducange in this note. Ducange's note, if I am not mistaken, has never been reprinted in full, and his edition of Villehardouin, where it is included, is not easy of access. His leading idea is that the exiles from England were Danes, not Anglo-Saxons. Knowing that Varangians were mentioned in sources before 1081 when Alexis Comnenus ascended the throne, Ducange was inclined to believe that the emigration from England began after the death of King Canute the Great (1035), which he thought ended the Danish period of English history; under Canute's successor, Edward the Confessor, who represented Anglo-Saxon traditions, the Danes were driven out of England. However, if I understand Ducange correctly, he believes that they did not go at once to Byzantium but returned first to their own country of Denmark. Thence, "from Danish England which is a small province of the Kingdom of Denmark between Juthland and Holstein" (Ducange writes Holsace)[28] "whose inhabitants had once subjugated Great Britain and given it the name of their own country (England)", they began to seek shelter in Byzantium. Ducange's theory is obviously very artificial, the more so as his note is unexpectedly confused. He charges Orderic Vitalis with the anachronism of assigning to the year 1056 (MLVI) the death of Harold and the crowning of William the Bastard as King of England, followed by the expulsion from England of the Saxons and the remainder of the Danes; and finally "in order not to deny entirely Orderic's narrative," he advances his theory of the Danes sailing from Denmark. But in Orderic's *Ecclesiastical History* to which Ducange refers, Harold's death and William's coronation are correctly dated 1066;[29] thus the most important argument for Ducange's theory vanishes. Moreover, as we have noted above, Ducange himself is not impeccable in his own chronology, for he attributes the death of Emperor Constantine Monomachus to 1104 (MCIV) instead of 1154 (or more correctly 1155). Ducange's theory must hence be discarded as lacking in exact historical evidence. But his great service remains

[28]) Holsace is the French form of the Latin name Holsacia.

[29]) Orderius Vitalis, *Historia ecclesiastica*, pars II, lib. III, 20, and III, 21 (Migne, Patrologia Latina, vol. 188, coll. 298 and 302). Orderic gives even the indiction for William's coronation: Denique anno ab Incarnatione Domini (leg. 1066), indictione V in die Natalis Domini (pars II, lib. III, 21). Here the fifth indiction falls on December, 1066.

unshaken: he was the first who fully collected as much material for our subject as was available at his time; and this merit has been ignored by the scholars of the nineteenth and twentieth centuries, who have failed to use his valuable Note 89 in his edition of Villehardouin.

Ducange's theory has left its mark in subsequent editions of Villehardouin, whose editors have faithfully adhered to it. In 1828 J. A. Buchon concludes, "All those, indeed, who were afterwards enrolled by the emperors were true Danes".[30] In 1838 another editor of Villehardouin, M. P. Paris, wrote, "Ducange has clearly proved that the narrative of Orderic Vitalis is overburdened with clumsy anachronisms; it is very doubtful if there were at any time a single real Englishman attached to the Imperial guard of Constantinople."[31] Also under the influence of Ducange's note, the annotator of a hagiographic text Miracula S. Augustini, wrote: (Ducange) "has excellently proved, from Orderic Vitalis and others, how Anglo-Saxons, or rather Anglo-Danes, leaving England in 1040 under King Edward, were graciously received in Constantinople; they obtained there the guarding of the Palace and increased in number and power, becoming the main strength of the troops; later, many of the same nation must have joined them."[32]

It is true that in our sources, especially in connection with the taking of Constantinople in 1204, Danes are often mentioned, separately or jointly with English, as Varangians. In his account of the visit of King Eric the Good of Norway to Byzantium, some time between 1101 and 1103, Saxo Grammaticus writes that men of Danish name held the first rank in the Byzantine army and to their vigilance the emperor entrusted his personal safety.[33] An historian of the First Crusade, Albert of Aix-la-Chapelle, speaks of the Danes as skilful with the bow and arrow and very experienced in fighting with two-edged axes.[34] The historians of the fall of Constantinople in 1204, Villehardouin and Robert de Clary, several times mention English and Danes together.[35]

[30]) *Chronique de la prise de Constantinople par les Francs*, écrite par G. de Ville-Hardoin, ed. par J.-A. Buchon (Paris, 1828), p. 67, n. 2 (Collection des chroniques nationales françaises, vol. III).

[31]) *Chronique de Ville-Hardouin*, ed. par M. Paulin Paris (Paris, 1838), pp. 279—280. In the later and best edition of Villehardouin by M. N. de Wailly (in 1872) there is no mention of Ducange's theory.

[32]) Acta Sanctorum, Majus, vol. VI, p. 407 (annotata).

[33]) Saxonis Grammatici *Gesta Danorum*, XII, 121: Inter ceteros enim, qui Constantinopolitane urbis stipendia merentur, Danice vocis homines primum milicie gradum obtinent, eorumque custodia rex salutem suam vallare consuevit (ed. A. Holder, Strassburg, 1886, p. 407). Vasilievsky (op. cit., p. 365) translates Danice vocis "men of Danish tongue", *i. e.* those who spoke Danish. In my text I have given R. M. Dawkins' version. R. M. Dawkins, *Greeks and Northmen*, in Custom is King, volume of essays presented to Dr. R. R. Marett (Oxford, 1936), p. 37. Dawkins believes that Saxo Grammaticus means by Danes Scandinavians in general.

[34]) Alberti Aquensis *Historiae*, IV, 40, in the Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Occidentaux, vol. IV, p. 417: Danaosque arco doctos et sagitta, Danosque bipennium armatura dimicare peritissimos. The first words Danaosque which give no sense are omitted in some manuscripts of Albert's *History*, and it is permissible to discard them, as some recent scholars do. See Albert von Aachen, *Geschichte des ersten Kreuzzugs*, transl. by. H. Hefele, vol. I (Jena, 1923), p. 211. Referring to the edition of Albert mentioned above, Hefele remarks, "Die gute wenn auch nicht fehlerfreie Neuausgabe" (p. XV). Ducange also rejects the words Danaosque (Ducange, note 89 to Villehardouin, p. 298).

[35]) Geoffroi de Ville-Hardouin, *La conquête de Constantinople*, ed. M. N. de Wailly (Paris, 1872),

Bibliothek des Historicums

The Danish period of English history in the eleventh century especially characterized by Canut (Cnut) the Great, is well known; for many years the Anglo-Saxons and Danes lived in England side by side, so that Danes in our sources may be used indiscriminately to mean Saxons, who were so close to them in language, blood, and historical traditions. In a word, our source references to the Imperial guard in Constantinople, as English and Danes together or as Danes alone, really mean immigrants to Byzantium from England; although it is not improbable that the Anglo-Saxon Varangian company in Constantinople, whose ranks were maintained by newcomers from the North, contained also real Northmen, inhabitants of Denmark, Iceland, Norway, and even Sweden, which in the Middle Ages was generally overshadowed by Norway.[36]

Let us turn now to some writings of general aspect. If I am not mistaken, Ch. Diehl mentions the Anglo-Saxon immigration to Byzantium neither in his *History of the Byzantine Empire* nor in his *Byzance. Grandeur et décadence.* In *The Normans in European History* Ch. H. Haskins writes: "We find Normans sometimes singly and sometimes in armed bands, on the road to Spain, to Rome, and to the Holy City... Robert Crispin, half a century later, fighting in Spain, sojourning in Italy, and finally passing into the service of the emperor at Constantinople, where he had 'much triumph and much victory'."[37] Haskins speaks of the Normans in Spain, Sicily, Italy; he tells of the war between Robert Guiscard and Alexius Comnenus, quoting Anna Comnena, but says nothing of the immigration of the Anglo-Saxons to Byzantium after 1066. In his recent study *The Franks in the Service of the Byzantines,* R. Janin defines the term Franks, which "includes the most diverse peoples of the Occident. It is applied to Italians, French, Flemings, but especially to Normans." Janin writes that "after the fourteenth century Byzantine authors say almost nothing of Occidental mercenaries; if they do mention them, they are careful to note the country of their origin."[38] But Janin says nothing of Anglo-Saxons in connection with 1066. Dealing with the time of Alexius Comnenus, Lebeau mentions the Varangians but does not speak of their Anglo-Saxon origin.[39] K. Hopf in telling the story of the conflict between Alexius Comnenus and Robert Guiscard in 1081 mentions Varangians in Alexius' army, but erroneously as Varangians or Russians (die Warangen oder Russen); a little later Hopf writes that Alexius Comnenus approached Dyrrachium with an army of 70,000, among whom were many Varangians.[40] Hopf, then, did not know that in 1081—1082 most of Alexius' Varangians were already Anglo-Saxons.

§ 171 (p. 97) and § 185 (p. 107): garni d'Anglais et de Danois; des Anglais et des Danois avec leurs haches. Robert de Clary, *La prise de Constantinople,* in Ch. Hopf, *Chroniques Gréco-Romanes* (Berlin, 1873), p. 59 (Ch. LXXIV): Encles, Danois et Grius...; p. 63 (ch. LXXX): Engles, Danois estoient et gens d'autres nations. A recent English translation of Robert de Clari by E. H. McNeal (New York, 1936), pp. 95 and 100.

[36]) See Vasilievsky, op. cit., p. 365 (in Russian).

[37]) Ch. H. Haskins, *The Normans in European History* (Boston—New York, 1915), p. 195.

[38]) R. Janin, *Les Francs au service des „Byzantins"*. Échos d'Orient, vol. XXIX (1930), p. 61; 71.

[39]) Lebeau. *Histoire du Bas-Empire.* Nouvelle édition par S. Martin et Brosset, vol. XV (Paris, 1833), pp. 135—139.

[40]) K. Hopf. *Geschichte Griechenlands vom Beginne des Mittelalters bis auf die neuere Zeit* (1867—1868), in Ersch-Gruber, *Allgemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste,* vol. 85, pp. 141—142.

In many books of general aspect our question has been briefly treated; in some of them the two stages in the development of the Varangian guard, Russian and Anglo-Saxon, have been emphasized. I shall give examples.

Gibbon has drawn a fine picture. "The strength of the Greek army," he writes, "consisted in the Varangians, the Scandinavian guards, whose numbers were recently augmented by a colony of exiles and volunteers from the British island of Thule. Under the yoke of the Norman conqueror, the Danes and English were oppressed and united; a band of adventurous youths resolved to desert a land of slavery; the sea was open to their escape; and in their long pilgrimage they visited every coast that afforded any hope of liberty and revenge. They were entertained in the service of the Greek emperor... The name of a Norman invader revived the memory of their wrongs... and (they) panted to regain in Epirus the glory which they had lost in the battle of Hastings."[41] Gibbon's compatriot, George Finlay, notes the Russian element. "The mercenaries consisted of Russian, Frank, Norwegian, Danish, and Anglo-Saxon volunteers. The Varangians, who about this time (the eleventh century) began to rank as the leading corps of the imperial guards, consisted of Anglo-Saxons and Danes."[42] A German historian, Hertzberg, lays stress upon the free German spirit in the Anglo-Saxon emigration to Byzantium, when he writes: "When (in 1066) William the Conqueror had vanquished Anglo-Saxon England, many thousands of free German English (freier deutschen Engländer) went to the Bosphorus; and along with a few Danes, Belgians, and French, they set the fashion among the Varangians for times to come."[43] In 1884 a Russian scholar, N. Skabalanovich, already acquainted with Vasilievsky's penetrating study, in his work on the Byzantine State and Church in the eleventh century, believed that before Alexius Comnenus, after the conquest of England by William in 1066 and even earlier, scattered Anglo-Saxons entered Byzantine service. At first these were few, but after the Anglo-Saxons definitely failed to keep their fatherland from the Normans, then at the outset of the reign of Alexius Comnenus in 1081—1082, followed a mass influx of Anglo-Saxons into Byzantine service; they filled the Varangian company (in Russian družina), drove out the Russians, who had failed in loyalty to the emperor by revolting against Botaniates, and occupied the predominant position among the Varangians which had hitherto belonged to the Russians; along with the Anglo-Saxons, the Danes occupied a secondary place, playing in the twelfth century the same role in relation to the Anglo-Saxons that the Norwegians and Icelanders had played in the eleventh century in relation to the Russians.[44] In his sketch of Byzantine history (1897) H. Gelzer mentions the

[41]) Gibbon-Bury, *History of the Decline and Fall of the Roman Empire*, vol. VI, p. 198; on p. 85 of the same volume Gibbon deals with Pseudo-Codinus' statement concerning the English acclamations of the Imperial guard.

[42]) G. Finlay, *A History of Greece*, ed. H. Tozer, vol. IV (Oxford, 1877), pp. 41—42.

[43]) G. F. Hertzberg. *Geschichte Griechenlands*, vol. I (Gotha, 1876), p. 302. In his other book, *Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches* (Berlin, 1883) Hertzberg writes that in 1081 in Alexius Comnenus' army of 70,000 men were masses of Varangians, that is, Anglo-Saxons and Danes from England (p. 267).

[44]) N. Skabalanovich, *Byzantine State and Church in the eleventh century* (St. Petersburg, 1884), p. 338 and notes 3, 4, and 5 (in Russian).

fact of the arrival in Byzantium after 1066 of a great number of Danes and Anglo-Saxons, and among the Varangians of 1081 he includes Anglo-Saxons and Danes.[45] In 1900 the special investigator of Alexius Comnenus' reign, Chalandon, referring to the chrysobull of Alexius Comnenus issued in 1088, writes: "It is exceedingly interesting to note the presence of English in the service of the Emperor. It is the first time that the English are mentioned in a charter. Their arrival in Byzantium was a sequel to the emigration which had followed the victory of William the Conqueror. Their entrance into this service coincides with the beginning of the reign of Alexius Comnenus."[46] A casual mention occurs in P. Grenier's book (1904), *The Byzantine Empire. Its Social and Political Evolution;* he remarks that foreign soldiers were recruited among Danes, English, and others.[47] Another passing remark occurs in 1910, in F. W. Bussell's two volumes, The Roman Empire. "We may note in passing that about this time (1092) Alexius entertained a proposal to welcome the English refugees from Norman tyranny at the seaport of Cibotus, near Nicomedia. Saxon guardsmen were not uncommon, but an English settlement was never an accomplished fact on the shores of the cosmopolitan empire."[48] Historians of the art of war in the Middle Ages also record the fact of an English immigration to Byzantium. Oman writes: "Fifteen years after Harold's defeat another body of English axemen — some of them may well have fought at Senlac — were advancing against the army of a Norman prince. They were the Varangian guard — the famous πελεκυφόροι — of Alexius Comnenus."[49] In his brief *History of the Crusades,* which was published in 1924, N. Iorga says that the English, called also according to an ancient tradition, Varangians (Varègues), guarded Durazzo, where they were to find themselves, with no desire to fight, before the troops of the Norman Robert.[50] Dealing with the same campaign at Dyrrhachium (Durazzo) in 1081—1082, an American historian, R. B. Yewdale, writes that "the treachery of a portion of Alexius' troops spelled disaster for the Greeks, and the end of the day saw the slaughter of the valiant English guard, the rout of the imperial army, and the sack of Alexius' camp."[51] N. Baynes states that the Imperial guard consisted for the most part of English soldiers, but tells nothing more specific of their origin.[52] On the basis of Freeman's and Vasilievsky's work, in my general *History of the Byzantine Empire,* I tell the story of the appearance of the Anglo-

[45]) H. Gelzer, *Abriß der byzantinischen Kaisergeschichte,* in Krumbacher's *Geschichte der byzantinischen Literatur,* 2 ed. (1897), p. 1001 and 1015.

[46]) F. Chalandon, *Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène* (Paris, 1900), p. 76.

[47]) Pierre Grenier, *L'Empire Byzantin.* Son évolution sociale et politique, vol. II (Paris, 1904), p. 182, n. 1.

[48]) F. W. Bussell, *The Roman Empire. Essays on the Constitutional History from the Accession of Domitian* (81 *A. D.*) *to the Retirement of Nicephorus III* (1081 *A. D.*), vol. II (London, 1910), pp. 472—473.

[49]) Charles Oman, *A History of the Art of War in the Middle Ages,* vol. I (Boston—New York, 1924), p. 166. A simple remark of the appearance in Byzantine troops of viele landflüchtige Angelsachsen is to be found in Hans Delbrück, *Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte,* vol. III. *Das Mittelalter* (Berlin, 1923), p. 201.

[50]) N. Iorga, *Histoire des Croisades* (Paris, 1924), p. 29. I do not understand why Iorga says "with no desire to fight" (sans vouloir combattre).

[51]) R. B. Yewdale. *Bohemond I, Prince of Antioch* (Princeton, 1924), p. 15.

[52]) N. H. Baynes. *The Byzantine Empire* (New York—London, 1926), p. 140.

Saxons in Byzantium and the beginning of the "Varangian-English body-guard".[53] More recently S. Runciman in his *Byzantine Civilization* casually remarks that "it was the Varangian guard, consisting largely of Englishmen, that the Normans defeated at Dyrrhachium in 1081."[54] A few words may be found on the Varangians at Durazzo, the πελεκυφόροι, and Anglo-Varangians, in N. Iorga's recent work *History of Byzantine Life*, which was published in 1934.[55]

From the examples just given[56] we may conclude that even in works of general character the appearance of Anglo-Saxons (with or without specific reference to Danes) in Byzantium has often been noted, and always associated with the subjugation of England by William the Conqueror in 1066. Rather infrequently historians have realized that the history of the Varangian guard in Constantinople covered two periods. Varangian-Russian and Varangian-English.

Let us now examine more closely our two most essential sources on the English immigration to Byzantium, Orderic Vitalis and Anna Comnena. Our most important Western source is Orderic Vitalis (Ordericus Vitalis). He was born in 1075 and took orders in Normandy in the Saint Evroul monastery. For our purpose his *Ecclesiastical History (Historia Ecclesiastica)* is of great significance. He finished it in 1141, when he was about sixty-seven. Probably he did not long survive that year; the exact date of his death is unknown. His *History* begins to be of value soon after the Norman Conquest. We know that for the earlier years of William the Conqueror, which are most essential for our question, Orderic mainly followed William of Poitiers and William of Jumièges.[57] The former, who lived about 1087, is the author of *Gesta Willelmi ducis Normannorum et regis Angliae* (1035—1067); this work has not come down to us in complete form.[58] The title of the work of William of Jumièges, who lived about 1070, is as follows: *Willelmi Calculi Gemmeticensis monachi Historiae Normannorum libri VIII*, which in its printed text covers the period from 851 to 1137, 1087—1137 being a later addition. The part relating to the Norman Conquest is a valuable contemporary narrative.[59] Unfortunately both these writers, William of Poitiers and William of Jumièges, at least in their present form, have no mention of the emigration of the Anglo-Saxons to Byzantium. Thus among Western sources Orderic Vitalis is our most important reference. Born, as has been noted above, in 1075 and dying soon

[53]) A. A. Vasiliev, *History of the Byzantine Empire*, vol. II (Madison, 1929), pp. 154—155. Idem, *Histoire de l'Empire Byzantin, vol.* II (Paris, 1932), p. 141. See also A. A. Vasiliev, *Manuel Comnenus and Henry Plantagenet*, Byz. Zeitschrift, vol. XXIX (1930), p. 240 and n. 1.

[54]) Steven Runciman, *Byzantine Civilisation.* (London, 1933), p. 148.

[55]) N. Iorga, *Histoire de la vie byzantine*, vol. II (Bucarest, 1934), p. 228 and notes.

[56]) A few fragmentary quotations and references on "the Varangians as a Byzantine guard" may also be found in K. Dieterich, *Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde, Die Varangen (Varäger) als byzantinische Leibwache*, vol. II (Leipzig, 1912), pp. 125—126 and some notes, p. 166 (*Quellen und Forschungen zur Erd- und Kulturkunde*, ed. by R. Stübe, vol. V in two parts).

[57]) On Orderic Vitalis see the *Dictionary of National Biography*, vol. XLII (New York, 1895) pp. 241—242; more recently in Max Manitius, *Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters*, vol. III, unter Paul Lehmanns *Mitwirkung* (Munich, 1931), pp. 522—528.

[58]) Migne, *Patr. Lat.*, vol. 149, coll. 1217—1270. See Manitius, op. cit., III, pp. 445—449.

[59]) Migne, *P. L.*, vol. 149, coll. 777—910. See Charles Gross, *Sources and Literature of English History*. Sec. ed. (London, 1915), no. 1805. Manitius, op. cit., III, pp. 440—445.

after 1141, he as a writer belongs to the generation after that of 1066, so he is not a contemporary source; but the tradition of the Norman Conquest and the fact of the English emigration to Byzantium were fresh in his time and his narrative may well be based on reliable grounds.

Orderic's narrative follows:[60] "The English deeply lamented the loss of their freedom, and took secret counsel how they might best shake off a yoke so insupportable, and to which they were so little accustomed. They accordingly sent a message to Sven (Svenum), King of the Danes, entreating him to take measures for recovering the crown of England, which his ancestors, Sven and Canute, had formerly won by arms. Some went into (voluntary) exile, either to free themselves from the domination of the Normans, or for the purpose of obtaining foreign aid to renew the contest with them. Some of them, the very flower of the youth, made their way to distant regions, and valiantly offered themselves to the army of Alexius, emperor of Constantinople. The latter was (a prince) of great sagacity and astonishing munificence, whom Robert Guiscard (Wiscardus), duke of Apulia, attacked with all his force in support of Michael, whom the Greeks (Danai) had expelled from the imperial throne for the despotism of his government.[61] The English exiles were favorably welcomed by the Greeks, and were arrayed in arms against the Norman legions with which the Greeks (Pelasgi) were unable to cope. The Emperor Alexius laid the foundation of a town called Chevetot, beyond Byzantium, for the English,[62] but as (at that time) the Normans were severely attacking (the empire), he recalled them to the imperial city, and committed to their guard his principal palace and the royal treasures. In such a way the Anglo-Saxons went to Greece (Ionia), they and their posterity becoming faithfully attached to the Holy Empire (sacro imperio), and having gained great honour among the Thracians (Greeks) continue to the present day, beloved by the Emperor (Caesar), senate and people."

Vasilievsky who in different sections of his study has reproduced with several omissions the Latin original of Orderic's narrative,[63] after giving its last words, makes the following statement, "With these words Orderic (col. 309 B) concludes his story of the destinies of the Anglo-Saxon exiles."[64] But Vasilievsky apparently overlooked (as, I might add in passing, Freeman did too), that in one of his later sections Orderic refers again to the English emigration. "Alexius therefore formed a friendly connection with the English (Anglos) who, after the death of King Harold (Heraldo), with the nobles of the kingdom, had quitted Albion (England), and flying from the face of King William sailed by sea for Thrace (Greece). (Alexius) openly committed to their

---

[60]) Orderici Vitalis *Historia Ecclesiastica*, lib. IV, c. III. Migne, *Patr. Lat.*, vol. 188, col. 309. An English translation: *Ecclesiastical History of England and Normandy by Ordericus Vitalis*, transl. by Thomas Forester, vol. II (London, 1854), pp. 9—10.

[61]) This is Forester's version. In the text, indignatione senatoriae potestatis.

[62]) The construction of this city (in Greek κιβωτός; Western [writers] Civitôt or Chevetot) on the shore of the Gulf of Nicomedia, was begun in 1085. Orderic speaks of it again (under 1096) in pars III, lib. IX, 5 (Migne, vol. 188, col. 660). See Vasilievsky, *Works*, I, p. 364 (141).

[63]) Vasilievsky, op. cit., pp. 358—359, 363, 364—365.

[64]) Ibidem, p. 365.

custody the principal palace and the royal treasures and even made them the guards of his own person and his own household."[65]

This passage which was overlooked by Vasilievsky and Freeman, though in general it merely repeats Orderic's former story, gives the new and interesting detail that the Anglo-Saxons arrived in Constantinople by sea (per Pontum). Forester's English version of this passage is rather misleading; he translates the Latin word Pontus as the Black Sea and evidently understands the name Thrace, used by Orderic for Byzantium or Greece, in its usual sense of the province of Thrace. We read in his translation, "(The English) embarked on the Black Sea and landed in Thrace."[66] Orderic likes to use archaic names for those of his own time, in order, according to Freeman, to add to his presentation "an ornamental archaism, a bit of the grand style."[67] We have already seen that Orderic calls the Greeks Danai, Pelasgi, Thracians; for Greece or Byzantium he uses, in addition to Graecia, Thracia and Ionia; for the emperor he says Caesar, and he even mentions senatus populusque; for England he uses Albion. Accordingly it is very probable that he used the more ornamental word Pontus instead of writing simply per mare; in his printed text it has a capital P. Pontus occasionally in antiquity carried the specific meaning of the Black Sea. At the beginning of his narrative of the English emigration, Orderic, as has already been noted, says that the discontented English sent a message to Sven, King of Denmark, entreating him to recover the crown of England which his ancestors Sven and Canute (Cnut) had formerly won by arms. The king to whom this message was sent was Svend (Swein) II Estridsön (1047—1076), nephew of Canute the Great (1017—1035). In the autumn of 1069 Svend's fleet appeared off the coast of England, but his expedition the King of Denmark and the final failure of his expedition with the English emigration to Byzantium. Riant wrote, "After the Norman Conquest, the English exiles who had not found the reception they hoped to have at the court of the King of Denmark, Svein Astridarson, to whom they came to offer the throne of Canute the Great, his uncle, took refuge in Byzantium."[69] Georgina Buckler said recently, "But after 1066 English exiles went to offer the crown of their native land to the King of Denmark, and when it was refused they proceeded onwards to Constantinople."[70] As William the Conqueror became the real master of all of England in 1070, after the final defeat of Svend's naval expedition at the end of 1069, it is very probable that the most powerful wave of English emigration left England for Constantinople during the years 1070 and 1071; and of course several years were needed for the English to become acclimatized

[65]) Ordericus Vitalis, lib. VII, c. IV: Anglos igitur, qui, perempto Heraldo rege, cum proceribus regni Albionem reliquerant, et a facie Willelmi regis per Pontum in Thraciam navigaverant, Alexius in amicitiam sibi ascivit, ejusque principale palatium regiosque thesauros palam commendavit; quin etiam eos capitis sui, rerumque suarum custodes posuit (Migne, *Patr. Lat.*, vol. 188, col. 519).

[66]) Th. Forester, op. cit., vol. II, p. 357.

[67]) Freeman, op. cit., IV., p. 632, n. 4.

ended in complete failure.[68] Some scholars connect the offer of the English crown to

[68]) On this expedition see Freeman, IV, p. 247 foll.

[69]) P. Riant, *Expeditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte au temps des Croisades* (Paris, 1865), p. 140.

[70]) Buckler, Georgina. *Anna Comnena. A Study* (Oxford, 1929), pp. 365—366.

in the new country, before they became a very important element in the Byzantine court and army. Orderic mentions that the English fled to Byzantium "a facie Guillelmi Nothi" a third time in the above mentioned passage on the construction of Chevetot.[71]

In my opinion, the circumstances which resulted in the emigration of the Anglo-Saxons to Constantinople developed as follows. The very fact of the emigration to Byzantium implies that some knowledge of the Eastern Empire and hopes of advancement for the English on its soil already existed in England before 1066. Almost certainly the predisposition in favor of Byzantium was due to a great extent to the well known, manifold, and thrilling adventures in the Near East of the famous King of Norway, Harald Haardraade (1015—1066), who, in the first half of the eleventh century, went to Constantinople, took part in many Byzantine military expeditions in Italy, Sicily, North Africa, and the Balkan Peninsula, made a pilgrimage to Jerusalem, and finally in 1042 left Constantinople for his own land, whence after many experiences in the Scandinavian countries he invaded England in 1066. There in the battle of Stamfordbridge (September 25, 1066) the Norwegian Harald was routed by the English Harold; and, according to Freeman, "Harold of Norway, the last of the ancient sea-kings, yielded up that fiery soul which had braved death in so many forms and in so many lands."[72] The name and adventures of Harald Haardraade were no doubt wide spread all over Europe and the English accordingly had heard a good deal about the distant Eastern Empire. In 1066 William landed and began the conquest of England. At the beginning the conquered people retained some hopes. In many parts of England revolts broke out, but they were mercilessly quelled. The failure of this local resistance was the first essential factor in causing these elements to emigrate which could not submit to William's conquest of their own country. Then at the end of 1069 the last hope vanished by the total defeat of Svend's naval expedition, so that by 1070 the destiny of England was already sealed, and the Anglo-Saxons, conjointly with the Danes, who were numerous in England, began their mass emigration.

Scholars who are particularly interested in Orderic Vitalis, like Freeman and Vasilievsky, estimate his reliability highly. Freeman has a good opinion of his accuracy. Stressing the point that the most powerful wave of the English arrived in Constantinople in 1081, Freeman remarks, "Orderic gives so minute and accurate a description of the state of things that he can hardly have used the name Alexios in mere carelessness. Englishmen had doubtless been joining the Varangian force all along, but a special reinforcement went in 1081."[73] Vasilievsky states that Orderic has the best and most exact information on Norman affairs.[74] But Skabalanovich accuses Orderic of blunders as to events of Byzantine history proper.[75]

It is quite natural that Orderic, a Western writer, should not be very familiar with

[71]) Orderic Vitalis, pars III, lib. IX, 5 (Migne, col. 660): Chevetotem urbem... quam Alexius imperator nuper construere coeperat, et Anglis, qui a facie Guillelmi Nothi fugerant, tradere voluerat. An English translation by Th. Forester, vol. III (London, 1854), p. 85.

[72]) Freeman, op. cit., vol. III (Oxford, 1869), p. 371.

[73]) Freeman, op. cit., IV, p. 628, n. 4.

[74]) Vasilievsky, *Works*, I, p. 358.

[75]) N. Skabalanovich, *The Byzantine State and the Church in the Eleventh Century* (St. Petersburg, 1884), p. 119, n. 2; 130, n. 2 (in Russian).

the domestic affairs of Byzantium, and for our purpose this inadequacy is of secondary importance. In spite of Ducange's erroneous accusation of anachronism, Orderic remains our best source on the cause and time of the English emigration to Byzantium. His information on the welcome and treatment of the English by Alexius Comnenus finds striking confirmation in Byzantine sources. Among these the most important is the *Alexiad* of Anna Comnena, to the consideration of which we now turn.

Anna Comnena in the *Alexiad* says nothing of the fact itself of the English immigration after 1066 but gives two extremely interesting pieces of information: first, she mentions as an accomplished fact the presence among the Byzantine troops of Varangians from Thule or from the island of Thule, a phrase which is now generally taken to mean England;[76] secondly, she points out the time when they were promoted by Alexius Comnenus from a mere foreign contingent in the Byzantine army to the high position of guards of his imperial palace, his treasures, and his own person.

Thule or the island of Thule is mentioned in the *Alexiad* four times, three times in connection with our question and once referring to the former limits of the Roman Empire. The first reference is to "the Varangians from Thule, the axebearing barbarians", when Anna's father Alexius Comnenus rose in 1081 against the Emperor Nicephorus Botaniates; Anna emphasizes their loyalty to the emperors whom they served. "The Varangians, who carried their axes on their shoulders, regarded their loyalty to the emperors and their protection of the imperial persons as a pledge and ancestral tradition, handed down from father to son, which they keep inviolate and will certainly not listen to even the slightest word about treachery."[77] In connection with the same event of 1081 Anna relates that when Nicephorus Botaniates realized that his situation was desperate, his most important supporter begged him "to let him have the Varangians from the island of Thule, in order to drive the Comneni out of the city with their help. But Botaniates, having once for all despaired of his cause, pretended that he did not want civil war."[78]

These two passages are extremely important because they are the first mention, in 1081, of the presence of the English among Byzantine troops, acting in this case on the side of Nicephorus Botaniates against Alexius Comnenus; before 1081 we have no mention in Byzantine sources of the English in Byzantium.

Anna's third mention of "men from the island of Thule" refers to a later period when Bohemond of Tarent, Robert Guiscard's son, invaded the Balkan Peninsula;

---

[76]) Cf. a note in Elizabeth A. S. Dawes' translation of the *Alexiad* (London, 1928), p. 63: "By some interpreted as the British Isles, by others as part of Scandinavia, particularly Thyland in Jutland". Referring to Anna Comnena's mention of the Varangians from Thule, K. Zeuss in 1837 stated that Thule was Scandinavia, which the Byzantines, from Procopius, knew by the name of Thule. K. Zeuss, *Die Deutschen und die Nachbarstämme* (München, 1837), pp. 560—561.

[77]) Anna Comnena, II, 9: τοὺς ἐκ τῆς Θεύλης Βαράγγους (τούτους δὴ λέγω τοὺς πελεκυφόρους βαρβάρους)... οἱ δέ γε ἐπὶ τῶν ὤμων τὰ ξίφη κραδαίνοντες (ed. Reifferscheid, I, p. 84); Dawes' translation, pp. 63—64. A few lines (I, 84, lines 26—31) were translated into German by K. Dietrich, *Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde*, vol. II (Leipzig, 1912), p. 126 (*Quellen und Forschungen zur Erd- und Kulturkunde*, ed. by R. Stübe, vol. V, in two parts).

[78]) Anna Comnena, II, 11: τοὺς ἀπὸ τῆς Θούλης νήσου βαρβάρους (ed. Reifferscheid, I, p. 90; Dawes, p. 68).

at that time "men from the island of Thule" fought on his side against Alexius Comnenus. Anna writes, "Men from the island of Thule who usually fought for the Romans, but through force of circumstances had on this occasion joined him."[79]

The fourth mention of "far-famed Thule" has no reference to our question but is used to designate one of the northernmost limits of the earlier Roman Empire. Anna writes: "There was a time when the limits of the Roman rule were the two pillars which bound west and east respectively, those on the west being called the' pillars of Heracles', those on the east the 'pillars of Dionysus' somewhere near the frontier of India.[80] It is hardly possible to define the Empire's former width. Egypt, Meroe, all the Troglodyte country, and the region adjacent to the torrid zone; and in the other direction far-famed Thule, and the races who dwell in the northern lands, and over whose heads the North Pole stands."[81]

Vasilievsky notes a contradiction in the narrative of Anna Comnena.[82] She points out, as we have seen above, that the Varangians from the island of Thule, i. e. the Anglo-Saxons, distinguished themselves by their continuous loyalty to the Byzantine emperors, which was their ancestral tradition. How could they have proved their long loyalty when they appeared among Byzantine troops only about 1081? Of course, this apparent contradiction may be very easily explained. Anna Comnena, who was born in 1083 and according to her own statement wrote the fourteenth book of her *Alexiad* thirty years after the death of Alexius, her father, i. e. about 1148,[83] was not a contemporary of the events of 1081. She has obviously assigned to the English from the beginning the characteristic feature of the Varangian guard as she knew them, loyalty to the emperors. She overlooked the fact that a very important change took place in the composition of the Varangian guard in the seventies of the eleventh century, that it then became Varangian-English instead of Varangian-Russian. But in spite of this change the tradition of devotion to the emperors survived through the Middle Ages down to the later times of the Empire.

Describing Alexius Comnenus' defeat by Robert Guiscard at Dyrrhachium in 1081, Anna mentions as fighting on Alexius' side "a few barbarians, accustomed to carry

---

[79]) Anna Comnena, XII, 9: ὅσοι ἀπὸ τῆς Θούλης νήσου... (ed. Reifferscheid, Vol. II, p. 170); Dawes, p. 320. Quoting this passage, G. Buckler remarks, "This sentence hardly agrees with Anna's praise of Varangian loyalty." Buckler. *Anna Comnena*, p. 438, n. 7. But R. M. Dawkins justly says: "I do not think it necessary to suppose that these men from Thule, which here means England, were deserters from the Greek service: Anna surely means that northerners whose national habit it was to enter the Greek service were on this occasion found in Bohemund's army." R. M. Dawkins, *Greeks and Northmen*, in Custom is King, a volume of essays presented June 1936 to Dr. R. R. Marett, Rector of Exeter College. On the occasion of his 70th birthday (Oxford, 1936), p. 42. See R. Yewdale, *Bohemond I, Prince of Antioch* (Princeton, 1924), p. 116.

[80]) See *Dionysii Periegetis Orbis Descriptio*, lines 623—626: Ἔνθα τε καὶ στῆλαι Θηβαιγένεως Διονύσου... Ἰνδῶν ὑστατίοισιν ἐν οὔρεσιν, ἔνθα τε Γάγγης Λευκὸν ὕδωρ Νυσσαῖον ἐπὶ Πλαταμῶνα κυλίνδει. See also line 1164. C. Müllerus, *Geographi Graeci Minores*, II (Paris, 1882), p. 143 and 176. In his notes to the Alexiad Ducange had already used this text. C. Ducangii in *Alexiadem notae*, ed. Bonn, II, p. 559.

[81]) Anna Comnena, VI, 11 (ed. Reifferscheid, I, 214); Dawes, p. 159.

[82]) Vasilievsky, *Works*, I, pp. 357—358.

[83]) Anna Comnena, XIV, 7 (ed. Reifferscheid, II, 254); Dawes, p. 382. See G. Buckler, *Anna Comnena* (Oxford, 1929), p. 21, 43, 149 and n. 2.

their swords on their right shoulder";[84] a little later she names "Nabites, leader of the Varangians," and once more "the axe-bearing (barbarians) and their leader Nabites".[85] From this we can not be certain whether Anna's Varangians, accustomed to carry their swords on their right shoulder, were English or not. But the question is solved by the author of a Sicilian chronicle, Gaufredus Malaterra, who lived in the eleventh and twelfth centuries and whose chronicle ends with the year 1099. Describing the same hostilites at Dyrrhachium and speaking of the English who took part in the battle, he says, "The English who are called Varangians".[86] Terminating his narrative of Alexius' defeat, Malaterra remarks that the Emperor's greatest hope of victory was based on the Varangians,[87] that is, the English. But, as we know, the imperial hopes were not realized, and the Varangians, as well as Alexius' other contingents, were utterly defeated.

The name of the Varangian leader, Nabites (Ναμπίτης) mentioned several times by Anna, has not yet been satisfactorily explained. Freeman writes, "I wish I could identify him or his name".[88] Charles Oman remarks: "This does not seem to be a true Teutonic name. A military correspondent suggests to me that it may possibly represent a nickname, 'Niemeez' or 'Nemety', 'the German', bestowed on the English chief by Slavonic fellow-soldiers in the Imperial host."[89] In his recent book on the Vikings, T. D. Kendrick calls him, probably by misprint, Narbites.[90]

In the sixth book of her *Alexiad* Anna gives a long narrative of the building by Alexius of a new fort in Asia Minor on the shores of the Gulf of Nicomedia.[91] The fort was begun as a bulwark against the advance of the Turks westwards after their capture of Nicomedia. In order to avert their attention from its erection, Alexius actively entertained in Constantinople the Turkish emir, Apelchasem, while the work was energetically pushed on. "When the work was quite finished (Alexius) dismissed him from the capital." This situation reminds Anna of an analogy in Greek history when the Athenian embassy headed by Themistocles delayed at Sparta while Athens was restoring her fortifications. The classically educated Byzantine princess makes an historical blunder by calling Themistocles Alcibiades.[92] In her narrative Anna does not name the city. But from Orderic Vitalis and some other sources we may be sure that it was the city of Kibotos, Civitôt, or Chevetot, which, as we have already noted, was intended for the English; but as it was violently attacked by the Turks, Alexius recalled the

---

84) Anna Comnena, III, 9 (ed. Reifferscheid, I, p. 118); Dawes, p. 90.

85) Ib., IV, 5—6 (ed. Reifferscheid, I, p. 141 and 145); Dawes, p. 106 and 109.

86) *Gaufredi Malaterrae Historia Sicula*, III, 27: Angli vero quos Waringos appellant. Muratori, *Scriptores rerum italicarum*, vol. V, p. 584; Migne, *Patr. Lat.*, vol. 149, col. 1172 (in Migne, III, 26).

87) Ibidem: Porro Imperator videns Waringos, in quibus sibi maxima spes victoriae fuerat, enerviter superatos...

88) Freeman, op. cit., vol. IV, p. 630, n. 1. Vasilievsky says that Nabites' origin is unknown. *Works*, I, p. 360.

89) Charles Oman, *A History of the Art of War in the Middle Ages*, vol. I (Boston—New York, 1924), p. 167, n. 1.

90) T. D. Kendrick. *A History of the Vikings* (New York, 1930), p. 174.

91) See above.

92) Anna Comnena, VI, 10 (ed. Reifferscheid, I, pp. 212—213; Dawes, pp. 157—158).

English thence and transferred them to Constantinople to commit to them the guarding of his palace and treasures. Since the construction of the city was begun in 1085 and lasted some time, the transfer of the English to the capital and their promotion to the Emperor's special guard must have taken place after this date.[93]

To sum up, from our two best sources on the opening pages of the English immigration to Byzantium, Orderic Vitalis and Anna Comnena, we come to the following conclusions. The greatest wave of English immigrants arrived in Constantinople in the seventies of the eleventh century after the complete failure of the naval expedition of the Danish King, Svend Estridsön, when the last hopes of the discontented elements in England were crushed. Several years were needed for their organization in Byzantium and their admission among the Byzantine troops, and our first exact indication of their presence in the Byzantine army refers to the year 1081, when Alexius was waging war against Robert Guiscard. Shortly after 1085 the Anglo-Saxons became a special Imperial guard, the Varangian-English company, replacing the former widely known Varangian-Russian company.

It will not, I think, be amiss to give here some data from our sources concerning the ethnographic composition of the Byzantine troops from 1070 to 1080 in order to show that at that time the English were not yet included in the army. The first information I shall give here refers to the Byzantine troops which took part in the fatal battle of Mantzikert in 1071. According to Arabian sources the Byzantine army was composed of Greeks, Russians, Khazars, Alans, the Turkish tribe of Ghouzz, Patzinaks, Georgians, Armenians, and Franks. Greek authors mention Scythians, Franks, and Armenians.[94] But an Armenian historian of the twelfth century, Matthew of Edessa, mentions among other peoples in the Byzantine army of 1071 "the inhabitants of distant islands". He writes: "(The Emperor Romanus Diogenes) united immense forces of Goths, Bulgarians, the inhabitants of distant islands (les habitants des îles éloignées), of Cappadocia, Bithynia, Cilicia, Antioch, Trebizond; then he convoked from all Armenia the remainder of the brave phalanges of this kingdom; he also summoned reinforcements from among the barbarians." Then a few pages later Matthew adds to this list Ouzes and Patzinaks (Badzounag).[95] I do not venture to state that Matthew meant Anglo-Saxons and Danes from England by "the inhabitants of distant islands", though the phrase suggests the "men from the island of Thule" in Anna Comnena, and chronologically by 1071 some English exiles might already have reached Byzantium and in my opinion had done so. But unfortunately our available sources contain no definite record; and in addition the author himself who lived in the East far from Constantinople could hardly have been acquainted with the fact of the appearance of English exiles in Byzantium. Perhaps the "distant islands" of

---

[93]) On this question see Vasilievsky, *Works*, I, p. 364.

[94]) See C. Cahen, *La Campagne de Mantzikert d'après les sources musulmanes*. Byzantion, vol. IX (1934), p. 629 and n. 7. In his study Vasilievsky used Ibn-al-Athir only (*Works*, I, p. 337).

[95]) *Chronique de Matthieu d'Édesse, ch.* CIII. Ed. Dulaurier, *Bibliothèque Historique Arménienne* (Paris, 1858), p. 166 and 169. See C. Cahen, op. cit., p. 629, n. 7. Instead of Ouzes Cahen reads Ghouzz (Turks). In Dulauriers's French version of the chronicle of Matthew of Edessa the place of the battle is translitterated Mandzguerd.

Matthew mean the Scandinavian countries in general. This is of course mere supposition. But I believe the reference is worthy of attention.

According to the chrysobull issued in 1075 by the Emperor Michael VII Ducas Parapinakes, Byzantine troops were composed of Russians, Varangians, Kulpingians, Franks, Bulgarians, Saracens, and some others.[96] An absolutely identical list of foreigners in the Byzantine army is given in the chrysobull issued in 1079 by the Emperor Nicephorus Botaniates.[97] In these two chrysobulls English are not yet listed among Byzantine troops. But this does not prove that they had not begun to enlist. The text of these chrysobulls, after giving a list of various peoples, adds "and some others" (ἢ ἄλλων τινῶν). At this time, as has just been noted, the English were already making their appearance in Byzantium but were not yet numerous enough to form a special corps of the army. We must not lose sight of the fact that according to Gaufredus Malaterra's statement given above, in the second half of the eleventh century the term Varangians was already used to designate English (Angli).

Only in the chrysobull issued by Alexius I Comnenus in 1088 do we find the English mentioned among other foreigners serving in the Byzantine troops. This chrysobull gives the following list: Russians, Varangians, Kulpingians, English, Franks, Germans, Bulgarians, Saracens, Alans, Abasgians, the Immortals, and all other Romans and foreigners.[98] Two details here should be pointed out: first, the English are listed separately from the Varangians, who must mean Scandinavians in general and probably Danes in particular; secondly, the Germans are given by the Slavonic name νεμίτζων = nemtzi.

The identification of the Varangians with the English after 1081 results in the appearance of a compound term, "the English-Varangians", ἐγκλινοβάραγγοι, which is found in later times, for example in the decree of Emperor Michael VIII Palaeologus issued in November, 1272.[99] Even in the fourteenth and fifteenth centuries, according to a statement preserved in Pseudo-Codinus' treatise On offices, the Varangian guard continued to greet, or "to wish long life to", the emperor in English.[100] Gibbon

---

[96]) C. Sathas. *Bibliotheca graeca medii aevi*, vol. I (Venice, 1872), p. 55.

[97]) Ibidem, p. 64. Dendias (op. cit., p. 41) erroneously attributes both these chrysobulls to Michael Ducas and dates them 1079.

[98]) Zachariae a Lingenthal, *Jus Graeco-Romanum*, vol. III (Lipsiae, 1867), p. 373: ῥώσων, βαράννων, κουλπίννων, ἰγγλίνων, φράγγων, νεμίτζων, βουλγάρων, σαρακηνῶν, ἀλανῶν, ἀβασγῶν, ἀθανάτων, καὶ λοιπῶν ἁπάντων ῥωμαίων τε καὶ ἐθνικῶν. Dendias quotes this document, referring to Zacchariae a Ligenthal (sic!). Dendias, op. cit. pp. 41—42. See also Vasilievsky, I, p. 349. A misprint occurs in S. Runciman, *Byzantine Civilisation* (London, 1933), p. 147, n. 5: p. 873 for 373. On the Immortals see N. Skabalanovich, *Byzantine State and Church in the eleventh century* (St. Petersburg, 1884), pp. 327—328 (in Russian). Cf. a few words in Runciman, op. cit., pp. 147—148 and in Vasilievsky, *Works*, I, p. 356.

[99]) A. Heisenberg, *Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit* (München, 1920), p. 39. Later the English Varangians were called Ἔγκλινοι or Ἴγκλινοι and their country was named Ἰγκλινία. Heisenberg, op. cit., p. 62. See also E. Stein, *Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte. Mitteilungen zur osmanischen Geschichte*, vol. II (1924), p. 48.

[100]) *Codini Curopalatae De officiis*, cap. VII, p. 57 (ed. Bonn) = p. 90B (ed. Paris): πολυχρονίζουσιν καὶ οἱ Βάραγγοι, κατὰ τὴν πάτριον καὶ οὗτοι γλῶσσαν αὐτῶν, ἤγουν Ἰγκλινιστί, τὰς πελέκεις αὐτῶν συγκρούοντες κτύπον ἀποτελοῦνται.

remaked in this connection, "I wish he (Codinus) had preserved the words, however corrupt, of their English exclamation."[101]

I turn now to the sources which were overlooked or did not appear early enough to be used by earlier writers. The first of these is the *Miracula Sancti Augustini*, compiled by Goscelin (Gotselin). The author, whose name seems to be only a variant of Gozzilo or Joscelyn, was an English monk, a skilled musician, who lived in the second half of the eleventh century; he died on May 15, soon after 1099, but the exact year is uncertain. He was the author of St. Augustine's Life, his *Miracles*, and some other Lives.[102] Although this source escaped the notice of the scholars of the nineteenth and twentieth centuries, it was known to Ducange in the seventeenth century. In *Christian Constantinople* Ducange reports that a certain noble Englishman, who went to Constantinople after the conquest of England by William the Bastard, built in the Byzantine capital a church of St. Nicholas and of St. Augustine, the bishop of Canterbury.[103] In 1910 in an article which is to be dealt with below, Charles Haskins mentioned this source and gave a brief passage from it, saying that the *Miracula* seems not to have been noted in connection with the question of the Anglo-Saxon immigration to Byzantium.[104]

I give here a complete English translation of the chapter of the *Miracula* which particularly interests us.[105]

"Who may describe in writing the innumerable miracles of his that he constantly worked in the place of his death? He, who reigning with Christ and in Christ, who reigns everywhere, shines with virtue's rays, even in foreign kingdoms or wheresoever prayer is demanded, aiding the humble and repelling the arrogant. Therefore let the patient reader pay attention to an occurrence among the Danai[106] which is known as authentic by trustworthy witnesses among whom it manifested itself. The tale is as follows. While the first king from the Normans, William, was reigning over England, an honorable man educated in the chapter (de curia et nutritura) of the Blessed Augustine, along with many noble exiles from the fatherland, migrated to Constantinople; he obtained such favor with the Emperor and Empress as well as with other

[101]) Gibbon-Bury, VI, p. 85, n. 61. I do not understand why Freeman, quoting Codinus' passage from Gibbon, did not, as he admits himself, have the text at hand. Freeman, op. cit., IV, p. 632, n. 4. Taking Codinu's passage from Gibbon, Buckler apparently does not realize that it was a very late source. G. Buckler, *Anna Comnena*, p. 366, n. 1 (she gives an incorrect reference to Gibbon-Bury's edition: VI, p. 89 for VI, p. 85),

[102]) On Goscelin see *Dictionary of National Biography*, vol. XXII (1890), pp. 253—254 (a bibliography is given).

[103]) Ducange, *Constantinopolis Christiana* (Parisiis, 1682), IV (LXX), p. 130: S. Nicolao et S. Augustino Cantuariensi Episcopo aedem sacram extruxit nobilis quidam Anglus, qui Constantinopolim secesserat post expugnatam a Willelmo Notho Angliam, ut habet Gotselinus lib. I. de Miraculis ejusdem S. Augustini, cap. XXVI.

[104]) Charles H. Haskins, *A Canterbury Monk at Constantinople*, c. 1090. The English Historical Review, XXV (1910), p. 294, n. 5.

[105]) *Acta Sanctorum*, *Maius*, t. VI (Paris, 1866), p. 406 (caput III, 56); under May 26, Haskins erroneously gives p. 410 for p. 406.

[106]) Apud Danaos. By this name Goscelin means the Byzantine Greeks. Cf. also Danai in Orderic Vitalis.

powerful men as to receive command over prominent troops and over a great number of companions (supra sapientes Milites multamque partem sociorum); no new comer for very many years had obtained such honor. He married a noble and wealthy woman, and, remembering the gifts of God, built, close to his own home, a basilica in honor of the Blessed Nicholas and of Saint Augustine, his patron, and he had made a very beautiful icon (iconiam) of both Saints, i. e. the Blessed Augustine on the southern side and the Blessed Nicholas on the northern. And in addition before the sacred image of his native protector, he lit by night lamps, candles, and shining lampads with burning oil, that might make their own day at night when the windless air under a clear sky permitted.[107] This is of course a beautiful custom of his fatherland, Thus this basilica in memory of Augustine and his icon were to the English exiles as a comforting sister of their mother, their own fatherland (patriae suae consolatrix matertera); there they frequently prayed; there, foreigners and orphans, they found pleasure in addressing their benignant patron (hic dulcem Parentem, velut advenae orphani, repetere dulce habebant)."

In his notes to the *Miracula* of St. Augustine, the Bollandist editor of the text, referring to Ducange's not 89 to his edition of the *History of the Conquest of Constantinople* by Villehardouin, writes that Ducange, on the basis of Orderic Vitalis and others, very clearly proved that the Anglo-Saxons or rather Anglo-Danes, departing from England in 1040 in the reign of King Edward, were cordially welcomed in Constantinople and obtained high rank and great influence among the Byzantine troops. Later after the conquest of England by William in 1066, many new Anglo-Saxons and Anglo-Danes joined the first wave of English immigration. According to the editor of the *Miracula*, the Imperator and Imperatrix mentioned in the text who welcomed the new immigrants from England after 1066 were Romanus Diogenes (1067—1071) and his wife Eudocia,[108] the widow of the late Emperor Constantine Ducas (1059—1067). Here the Bollandist commentator, as we know, was following Ducange's erroneous chronology. In this connection it would be well to remember Matthew of Edessa's puzzling reference to "inhabitants of distant islands" at the battle of Mantzikert in 1071. But if we depend on reliable sources and believe that the main body of Anglo-Saxon and Anglo-Danish exiles reached Constantinople about 1081, then the Imperator and Imperatrix of the *Miracula* S. Augustini would be Alexius Comnenus and his wife Irene Ducas.

The *Miracula* S. Augustini mentions the construction of the church of St. Nicholas in Constantinople by the "honorable man" from England who remained in Constantinople and married a wealthy woman. The cult of St. Nicholas, bishop of Myrae in Lycia in the fourth century, though wide spread all over the Greek Orthodox East, became popular in Western Europe only after 1087, when the Saint's relics were transferred to Bari in South Italy;[109] this has since become a very famous centre of

107) Quae etiam diem suum referrent in nocte, quoties placida aura concederet sub sereno aethere.

108) The Bollandist calls her Eudoxia.

109) See E. Bertaux, *L'art dans l'Italie méridionale* (Paris, 1904), p. 335. J. Ebersolt, *Orient et Occident... avant les croisades* (Paris et Bruxelles, 1928), p. 103. A Greek text of the Translatio Barim in G. Anrich, *Hagios Nikolaos. Der heilige Nikolaos in der griechischen Kirche. Texte und Untersuchungen.* Vol. I (Leipzig—

pilgrimage and is still popular to-day. As the English nobleman of the *Miracula* was a Westerner, perhaps he came to Constantinople after 1087 when the Westerners became familiar with the cult of St. Nicholas, unless indeed his devotion to that saint sprang from the influence of his wife, who was in all probability a Greek.

In regard to the location of the church, I give here some very interesting lines from R. Byron's recent book.[110] "And the tiny basilica church, dedicated to SS. Nicolas and Augustine of Canterbury, which tradition assigns to the Saxons, may still be seen among the lettuce-beds and melons of a Stambul back-garden. The church is now known as Bogdan Serai." I do not know how exact this information is. A. van Millengen, for example, identifies Bogdan Serai with the Curch of St. John in Petra.[111]

Another text I wish to mention gives a brief account of a pilgrimage by one Joseph to Jerusalem and Constantinople about 1090. This interesting text was published in 1910 by Ch. H. Haskins.[112] The account is found on the last folio of a Rochester lectionary, now in the library of the Vatican, and unfortunately breaks off at the foot of the page. The mention of the death of Archbishop Lanfranc, a very well known personality under the first two Norman kings in England, who died in May, 1089, may fix the date of Joseph's pilgrimage as not long after 1089. According to Haskins, Joseph seems to have been a person of some importance at Christ Church in Rochester, England, and was alive as late as 1114. He took his journey with a considerable company, and "if we may infer anything from the silence of the narrative, met with no special difficulties.[113]

Here follows an English version of the Latin text of the account.

"When King William the Younger[114] was ruling over the English people, and the church of Christ at Canterbury was desolated because of the death of the Archbishop Lanfranc, a certain monk, Joseph by name, who belonged to the same church, went to Jerusalem to pray. After he had completed his desire there and was returning with a great number of his companions by the direct way, he deserted the direct way and his companions and, with some only of his attendants, went apart to Constantinople. For he had heard that there was at that place an incomparable treasure of relics of saints to whose protection he wished personally to commend himself. Thus, when with the help of God he had arrived there and began to inquire where that treasure was

Berlin, 1913), pp. 435—449; on the date of the transfer of the relics to Bari (1087) see ibidem, p. 435, note.

110) Robert Byron, *The Byzantine Achievement. An historical perspective.* A. D. 330—1453 (London, 1929), pp. 146—147.

111) A. van Millingen, *Byzantine Constantinople* (London, 1899), p. 84. In the list of the churches and monasteries in Constantinople dedicated to St. Nicholas given in G. Anrich's book, the church of SS. Nicolas and Augustine of Canterbury is not mentioned (Anrich, op. cit., vol. II, Leipzig-Berlin, 1917, p. 572; see also pp. 469—470). Anrich fails to take the Latin texts into account.

112) Charles H. Haskins, *A Canterbury Monk at Constantinople, c.* 1090. The English Historical Review, XXV (1910), pp. 293—295.

113) Op. cit., pp. 293—294. See also Jean Ebersolt. *Constantinople Byzantine et les voyageurs du Levant* (Paris, 1918), p. 32. Idem, *Sanctuaires de Byzance* (Paris, 1921), pp. 17—18. S. G. Mercati, *Santuari e reliquie Costantinopolitane secondo il codice Ottoboniano Latino 169 prima della conquista latina* (1204), in *Rendiconti della Pontificia Accademia Romana di Archeologia*, vol. XII (1936), p. 134.

114) William II Rufus (1087—1100).

found, he met there some men from his own fatherland and his friends who were attached to the emperor's household.[115] After having, therefore, recognized them at once and talked to them with joy, he learned that the relics were in the imperial chapel,[116] and it was difficult for anyone to enter therein. For, willing to guard watchfully those incomparable pearls, the Emperor had designated many guards, and particularly one who should have command over the others who were in charge of the guarding. However, as the above mentioned friends of the monk were known to the guard himself and friends of him, it happened that, through their intercession, the guard introduced the monk into the chapel and showed him the most part of the relics. And when he was showing him those relics, and the monk was humbly kneeling before each of them, (the guard) happened to show him, among other (relics), some bones of the Blessed Apostle Andrew. When (the guard) affirmed saying[117] that these relics were of that Apostle, the monk, who had always esteemed the Apostle very highly, worshipped his relics with much devotion. For as soon as he had seen them, he prostrated himself on the ground in great devotion and among other things made the following prayer: "Would," said he, "to Almighty God that I might now have these relics where I wish to have them!" When the guard heard this, but being Greek had not understood it, he inquired from one of the monk's friends, who was their interpreter, what the monk had said. But the interpreter, since he did not dare to reveal such a prayer to the guard, first asked the monk if he were willing for him to explain it to the guard; and after having received permission to speak, then finally he revealed to the guard what the monk wished. And hearing this the guard, through the same interpreter answered the monk, "With what reward," said he, "would you be willing to recompense him who should satisfy your desire for what you wish?" And (the monk) said: "Little money remains to me after my journey, and much distance to travel still awaits me. But if some one fulfilled my desire according to my wish, I should give him so much of my money as to leave me only the means of tolerable existence. As to the relics, I should carry them to a place where the greatest number of people could perform devotions to them. For, in my fatherland, there is an episcopal district, where a church was founded in honor of the Blessed Apostle Andrew, where a congregation of monks which has recently united worships God with all devotion. Into this church, then, if God deems it meet to accomplish my desire, I should wish to carry some relics of the Apostle." Then the guard said: "Go back to your hospice and (later) send me back this our interpreter and your friend, and through him tell me of your desire. For it would not be our custom for you yourself to return here to let me know of a matter of this sort..."[118]

In a recent article S. G. Mercati remarks of this story, "The narrative is mutilated just where it begins to grow more interesting, at the moment of the monk's entrance

[115]) Qui erant ex familia imperatoris.

[116]) In imperatoris capella.

[117]) In the text: diceret dicendo affirmaret. Probably, as Haskins observes (p. 295), the scribe wrote diceret by mistake for dicendo and forgot to erase it.

[118]) Here the manuscript breaks off. Haskins remarks, "Perhaps the conclusion of the text can be supplied from another script" (p. 294).

into the chapel of the relics in company with a Varangian."[119] Haskins' text portrays vividly the meeting in Constantinople between the monk Joseph, on his way home from Jerusalem, and his compatriots in charge of guarding the Imperial palace and its treasures; they were evidently some of the English Varangians who had emigrated to Byzantium after 1066. The imperatoris capella is, in my opinion, the palatine church of the Holy Virgin of the Pharos famous for its treasure, which contained a vast number of various relics accumulated there for a long period of time. These are listed by a writer of the thirteenth century, Nicholas Mesarites, who was the sacristan (σκευοφύλαξ) of the church and therefore had charge of all its sacred vessels, implements, and relics.[120] The relics of the Church of the Pharos are also listed in the writing of a Russian pilgrim, Antony of Novgorod, who about 1200 undertook a long journey to Constantinople in order "to adore, first of all, Saint Sophia" and then all other relics there.[121] Neither of these writers, however, mentions the Apostle Andrew's relics in the Church of the Pharos. Antony mentions among other sacred places, St. Andrew's burial place in the Cathedral of the Holy Apostles; he writes that "there, under the table of the altar, are buried the saints Andrew, Luke, and Timothy".[122] It is possible that the monk Joseph was successful in obtaining the relics of the Apostle Andrew from the guard of the treasury and in carrying them to England. The cathedral for which he desired them was of course Rochester. There, as Haskins writes, "Benedictine monks had recently been introduced by Bishop Gundulf; and the presence of the account in a Rochester service book would imply that he was successful; but while there is evidence of the existence of relics of St. Andrew at Canterbury, I can find no trace of them in Rochester records."[123] There are notices of the transfer of portions of the relics of St. Andrew to Scotland in the eighth century, and to Amalfi after the Fourth Crusade.[124] In his fundamental work, *The Renaissance of the Twelfth Century*, Haskins says Constantinople was reputed to possess a very great store of ancient relics, and writes: "Those who passed that way in ever increasing numbers sought to beg or steal what of these treasures they could. A Canterbury monk tells us of his experiences in securing a fragment of St. Andrew there ca. 1090, while a monk of Pairis, in Alsace, has left a rather unedifying account of the exploits of his abbot in the great looting of 1204."[125]

Another source is to be considered here, a Greek text known by the title Λόγος

---

119) S. G. Mercati, *Santuari e reliquie Costantinopolitane...* Rendiconti della Pontificia Accademia, vol. XII (1936), p. 134.

120) See A. Heisenberg, *Nikolas Mesarites. Die Palastrevolution des Johannes Komnenos* (Würzburg, 1907), pp. 29—32. See J. Ebersolt, *Sanctuaires de Byzance* (Paris, 1921), pp. 26—28.

121) *The Voyage of the Archbishop of Novgorod, Antony, to Tsargrad*, ed. by Savvaitov (St. Petersburg, 1872), pp. 85—90; ed. by Ch. Loparev, in the Palestinsky Sbornik, vol. 51 (St. Petersburg, 1899), pp. 18—19. Both in Old Russian. *Itinéraires russes en Orient*, traduits par M-me B. de Khitrowo, I, 1 (Genève, 1889), pp. 97—98. See J. Ebersolt, *Le Grand Palais de Constantinople et le Livre des Cérémonies* (Paris, 1910), p. 108. Idem, *Constantinople Byzantine et les Voyageurs du Levant* (Paris, 1918), pp. 35—36.

122) Antony, ed. Savvaitov, p. 110; ed. Loparev, p. 24. *Itinéraires russes*, p. 102. See Ebersolt, *Sanctuaires de Byzance* (Paris, 1921), pp. 40—41.

123) Haskins, op. cit., p. 294.

124) Ibidem.

125) Haskins, *The Renaissance of the Twelfth Century* (Cambridge, 1927), p. 234.

Νουθετητικὸς πρὸς Βασιλέα or *An Admonition to the Emperor*. This interesting document was discovered by a Russian scholar, V. Vasilievsky, among the manuscripts of the Synodal Library in Moscow. The manuscript contains also the eleventh century book called the *Strategikon* of Kekaumenos (Cecaumenus).[126] The authorship of the *Admonition* is attributed to a certain Nikoulitza, who wrote about 1080, so that the emperor to whom the booklet is addressed is most probably Alexius Comnenus.[127] In paragraphs 242 and 243 of the text, the first of which is entitled "Not to give honours to foreigners", περὶ τοῦ μὴ τιμᾶν ἐθνηκόν (sic!), it is interesting to note that the author has chosen an Englishman (ὁ ἐξ 'Αγγέλης ἐθνικός) as an example of the foreigners whom the emperor honoured, which suggests that the compilation of the *Admonition* belongs to the time of Alexius Comnenus and approximately to 1080—1081.[128] The choice of an Englishman as an example also shows that in Nikoulitza's time the English had already become very important. I give an English translation:[129] "Foreigners, unless they are of the royal house in their own country, you should not promote to high rank nor trust with great offices of State, for you will by so doing stultify both yourself and your own Greek men of rank. For if you honour the foreigner who has come to us from England by making him πριμικήριος[130] or general (στρατηγός), what office of command will you have to give to the Roman? You will certainly make him your enemy. And this point also; when the people in his own country hear that he has been so highly promoted, they will laugh and say: 'This man was with us of no account, and he went off to Romania and won this promotion. It seems that in Romania there are no men of sufficient worth and so our man was promoted.' If the

[126]) In 1881 Vasilievsky published many Greek passages from this text with a Russian translation and commentary. Vasilievsky, *Advices and Tales of a Byzantine noble of the eleventh century*. Journal of the Ministry of Public Instruction, vol. 215, pp. 242—299; vol. 216, pp. 102—171 and 316—357. This study deals with both Kekaumenos' work and the *Admonition*; the latter is found in vol. 216, pp. 316—351. Vasilievsky gives, in addition to many important Greek passages, a complete Russian translation of the *Admonition*. The complete Greek text in *Cecaumeni Strategicon et Incerti Scriptoris De officiis regiis libellus*, ed. B. Wassiliewsky et V. Jernstedt (Petropoli, 1896).

[127]) See Wassiliewsky et Jernstedt, op. cit., pp. 8—9. In his first study Vasilievsky was inclined to believe that the author of the *Admonition* was addressing not Alexius Comnenus but Michael VII Parapinakes (1071—1079). See Journal of the Ministry of Public Instruction, vol. 215 (1881), p. 250. This opinion was adopted by Gustav Storm in his Danish study *Harald Haardraade og Vaeringerne i de graeske Keiseres Tjeneste*, in Historisk Tidsskrift, Series 2, vol. IV (Kristiania, 1883), p. 355—356. This study has never been used in connection with our question. In his recent article on Nikoulitza V. Valdenburg holds the opinion that Nikoulitza' addressed his *Admonition* to Michael VII. V. Valdenberg, *Nikoulitza et les historiens byzantins contemporains*. Byzantion, vol. III (1926), pp. 96 and 120. Evidently Valdenberg overlooked Vasilievsky's later and more correct opinion. Most recently on Nikoulitza see N. Iorga, *La vie de province dans l'Empire byzantin*. Revue Historique du sud-est européen, vol. XIV (1937), p. 12—15.

[128]) Wassiliewsky et Jernstedt, op. cit., pp. 8—9.

[129]) *Cecaumeni Strategicon*, pp. 95—96. A Russion version in the Journal of the Ministry of Public Instruction, vol. 216 (1881), pp. 318—319. A partial English translation in R. M. Dawkins, *Greeks and Northmen*. Custom is King, a volume of essays presented to Dr. R. R. Marett (Oxford, 1936), pp. 38—39. A complete Danish version in Gustav Storm, op. cit., Historisk Tidsskrift, series 2, vol. IV (1883), pp. 356—358). This passage is mentioned by N. Iorga, op. cit., p. 15.

[130]) Dawkins translates this title (op. cit., p. 39) head of a department of State.

Romans were a clever people, they would not have raised him to such a height.' And may not Your Majesty say: 'I have honoured him, that others also, knowing this, may come here.' This speculation is of no profit. If you desire, for bread and clothing (only) I will bring to you as many foreigners as you wish. It is much more profitable to Romania, o Master, not to give high ranks to the foreigners. If they consent to serve for clothing and bread, be fully assured: they will serve faithfully and wholeheartedly looking to the bounty of your hands for a little money and bread. But if you honour a foreigner with a rank higher than that of spatharocandidatus, he becomes thereafter contemptuous and will not serve you rightly. Ask, o Master, and learn that under many circumstances they came to the emperors who reigned before you, to Basil (II) Porphyrogenitus, to his father, grandfather, great-grandfather and other ancestors. But why do I speak of ancient (emperors)? Neither Kyr-Romanus Argyropoulos nor any one else among those emperors of blessed memory had raised a Frank or a Varangian to the rank of patrician, or made him hypatos or stratiotophylax: at most they made him spatharius. All of them served for bread and clothing whereas the Romans received high ranks and offices, and Romania was thriving." And a little further on the author concludes with a reference to the policy of Basil II. "Consider the clever policy (ἀκρίβεια) of the Porphyrogenitus to the foreigner, although that emperor was no more than a youth."

According to this extremely interesting text, as has been pointed out above, Nikoulitza's *Admonition* was compiled in the opening years of Alexius Comnenus' reign, and is an important indication of the growing influence of the English element in Byzantium, which so deeply stirred the political conscience of the patriotically minded Nikoulitza. Evidently imperial favors to the English newcomers were much higher and more abundant than the honors bestowed upon the earlier imperial guard.

As has been noted above, credit must be given Dendias as the first scholar to use the *Admonition* in connection with our question. In his book Dendias gives some passages from the *Admonition*, which I have also given in this study.[131] But Dendias evidently does not know the name of the author of the *Admonition*, Nikoulitza, calling him merely "an unknown writer" (ὁ ἄγνωστος συγγραφεύς).[132] Here he follows, of course, the rather misleading title of Vasilievsky and Jernstedt's edition, "Incerti scriptoris De officiis regiis libellus", though the editors practically solved the problem of authorship in the preface to the text (pp. 7—9). The author, as we have seen above, was Nikoulitza. According to Dendias, the author of the *Admonition* was a blunt old warrior, almost entirely uneducated, whose writing exactly reflected the feelings of the people towards foreigners, particularly the spirit and attitude of the indigenous military class, suspicious of foreigners and jealous for their own privileges.[133]

I wish now to call attention to two casual mentions of the word Varangian in sources which have never been utilized in connection with our question and in which the term Varangian probably means Anglo-Saxon Varangian. A scholium to the Basilica gives a brief statement to the effect that in the time of the Emperor Alexius

131) Dendias, op. cit., p. 47; 50.
132) Idem, p. 47.
133) Idem, pp. 47—48.

Comnenus one Varangian of high rank (συγκλητικός) killed another Varangian of the same rank.[134] Since Alexius Comnenus is specifically named, the Varangians may have been Anglo-Saxons.

The other source is a brief anonymous treatise Porikologus (Διήγησις Πωρικολόγου),[135] which is sometimes called "A Condemnation of the Grape Vine (Condemnatio uvae)". This text describes the trial and condemnation in the presence of an imaginary king Cydonius (Κυδώνιος) of a certain ἡ Στάφυλος — a name meaning' grape vine — for her false accusations. The names of various officials who participate in the trial are formed from the names of various fruits, vegetables, and plants. The text represents a curious parody of the complicated ceremonial of the Byzantine court. Since the Varangian guard played an important part in the court life of Constantinople, we find them included in the parody. "When the Emperor gave the order and the chiefs entered, the Varangians who were with them, were present."[136] The time of the compilation of this piece is unknown. Krumbacher conjectures that judging from the mention of the Varangians, the kernel of the treatise might go back to the twelfth century.[137] But of course this is mere supposition.

An interesting point is now to be considered — the Varangian tombstones in Constantinople, upon which English names and epitaphs of members of the Varangian guard have been found. I do not intend to go into this question here, but I give a passage from Byron's book quoted above: "Up till 1865, tombstones of the Varangians still existed on a tower in the vicinity (of Bogdan Serai). In that year, the request of the British ambassador that they might be removed to the British cemetery at Scutari prompted the Turks to use them for building purposes. The copies of the inscriptions, which were taken, were accidentally burnt in 1870. And any record of the transactions that may have survived has been consigned by the fantastic humour of the Foreign Office to gaol in Cambridge. Such is the valley of historical research."[138]

Looking over an old German book by J. M. Lappenberg, The History of England, where the author gives the usual brief account of the English emigration to Byzantium

[134]) ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τοῦ βασιλέως Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ Βαράγγου συγκλητικοῦ τὸν ἕτερον Βάραγγον συγκλητικὸν φονεύσαντος. *Basilicorum Libri* LX, ed. G. E. Heimbachius, t. V (Lipsiae, 1850), Lib. LX, tit. XXXIX, III, 5 (pp. 764—765). In the eighteenth century this scholium was already known to the celebrated German scholar J. J. Reiske. See J. Reiske, *Commentarius ad Constantinum Porphyrogenitum*, ed. Bonn., vol. II, p. 476.

[135]) See Krumbacher, *Geschichte der Byzantinischen Litteratur*, 2 ed. (München, 1897), pp. 883—884. G. Montelatici, *Storia della letteratura bizantina* (Milano, 1916), p. 195.

[136]) προστάξαντος οὖν τοῦ βασιλέως καὶ εἰσελθόντων τῶν ἀρχόντων, παρίστανται καὶ οἱ μετ' αὐτῶν βάραγγοι... G. Wagner, *Carmina graeca medii aevi* (Lipsiae, 1874), p. 200. There are Serbo-Slovenic and Turkish versions of this story; but in them the name Varangian does not occur. See V. Jagić, *Condemnatio uvae*. Ein serbisch-slovenischer Text verglichen mit der griechischen Originalerzählung, in Archiv für Slavische Philologie, vol. I (1876), pp. 616—617. R. Köhler, *Eine türkische Version der Condemnatio Uvae*, ibidem, vol. II (1877), pp. 192—194 (a german translation).

[137]) Krumbacher, op. cit., p. 884.

[138]) R. Byron, *The Byzantine Achievement* (London, 1929), p. 147, note 1. See a brief statement in G. Buckler, *Anna Comnena* (London, 1929), p. 366, n. 1. T. D. Kendrick, *A History of the Vikings* (New York, 1930), p. 177, n. 2: Byron makes an interesting reference to the often mentioned tombstones of the Varangians.

after 1066, I ran across the following note: "The Chronicon ab origine mundi ad a. 1218, whose manuscript is found in the very rich and precious manuscript collection of Sir Thomas Phillipps in Widdlehill, contains some interesting records of the Anglo-Saxons in Constantinople. The manuscript is there no. 1880, when in Meermann's collection was no. 785, and is the work of a Premonstratensian born in England; from this work the editors of the Recueil des Historiens des Gaules et de la France, XIII, p. 677, and vol. XVIII, p. 702, gave some passages referring to France."[139] I consulted the two volumes of the Recueil. In vol. XIII, p. 677, there proved to be a fragment Ex Chronico Willhelmi Godelli Monachi S. Martialis Lemovicensis, who wrote about 1173; as is indicated in a note, the manuscript from which the fragment was copied is a Parisian manuscript. Bibl. Nat. man. lat. 4893. According to A. Molinier, the author of the chronicle called William Godel's, was of English origin, lived in France, became a monk in 1144, took minor holy orders from High, archbishop of Sens, and priestly orders from the archbishop of Bourges. For a long time this chronicle was attributed to William Godel, monk of S. Martial of Limoges; but this attribution has now been abandoned.[140] Molinier gives the number of the manuscript as 4893. But there is no mention of Sir Thomas Phillipps' collection. To be certain, I asked my friend, G. Lozinsky of Paris, to consult the Latin manuscript 4893 for the period of the eleventh century. He wrote me that it contained nothing about the Anglo-Saxons in Constantinople.[141] The other reference to the Recueil des Historiens des Gaules given by Lappenberg is vol. XVIII, p. 702. But there on p. 701 sq. are some fragments Ex Nicolai Ambianensis Chronico, who lived in the twelfth century. For the time being, accordingly, my attempt to solve the puzzle presented by Lappenberg has completely failed.

Alexius Comnenus esteemed highly the loyalty of the Anglo-Saxons and it is reasonable to suppose that he gave some directions concerning them to John, his son and heir. An English historian of the twelfth century, William of Malmesbury, "the first English historian worthy of the name since the Venerable Bede four hundred years before,"[142] wrote of Alexius Comnenus as follows: "More noted for craftiness and guile than for probity, and contriving much harm against the crusaders, he left his son John as his heir; however, acknowledging the loyalty of the English, he made them his principal attendants in his family and bequeathed to his son love for them."[143] This is the testimony of the English historian. But unfortunately in the two Greek addresses of Alexius to his son and heir John, containing much advice and many

---

[139]) J. M. Lappenberg, *Geschichte von England*, vol. II (Hamburg, 1837), pp. 73—74 and especially p. 74, n. 1.

[140]) A. Molinier, *Les sources de l'histoire de France*, vol. II (Paris, 1902), pp. 316—317). A fragment of Godel's chronicle is also published in Scr. Mon. Germ. Hist. Scr., vol. XXVI (1882), p. 195.

[141]) I express here my cordial thanks to Mr. Lozinsky for his kindness in consulting the manuscript.

[142]) F. A. Wright and T. A. Sinclair, *A History of Later Latin Literature* (New York, 1931), p. 219.

[143]) *Willelmi Malmesbiriensis Monachi De Gestis Regum Anglorum Libri quinque*, ed. W. Stubbs (London, 1887), lib. II, § 225 (vol. I, p. 276): Johannem filium reliquit heredem, astutia et fraudibus quam probitate notior, multa noxia in peregrinos sacri itineris machinatus; Anglorum tamen fidem suspiciens, praecipuis familiaritatibus suis eos applicabat, amorem eorum filio transcribens.

suggestions and warnings, as well as same interesting allusions to historical facts of his own time, the Varangians or Anglo-Saxons are not mentioned.[144]

Alexius'bequest to his son John brings us to the twelfth century. My aim has been to deal only with the first part of the Anglo-Saxon emigration to Byzantium, roughly speaking down to 1100; if in my exposition I have sometimes exceeded the chronological limits of that period, I have made but occasional references to later sources or later occurrences. My endeavour has been to introduce into the study of our question some sources which previously had been used little or not at all.

Additional Note.

This note is but loosely connected with our question. It deals with a very late English source, containing a distorted reflection of the English immigration to Byzantium. I refer to the Chronicon Adae de Usk A. D. 1377—1421. Adam was a native of Usk in Monmouthshire and was born about 1352. A doctor of laws of Oxford and a clergyman of standing, he left England for Rome in 1402 only to return to his own country four years later, where he died in 1430.[145]

During Adam's stay in Rome, in 1404 on behalf of the emperor of Constantinople, Manuel II, a solemn embassy came to the Pope to negotiate concerning the union of the Churches. Adam met the Greeks, spoke with them, and in his chronicle gives a rather interesting account of their conversations. "From these Greeks I learned that the princes of Greece were fully descended from the said Constantine and his three uncles, Trehern, Llewellyn, and Meric, and from thirty thousand other Britons who were carried thither from Britain with him; and that such men of British race, in token of their blood and lordship, bear axes in the country, which others do not."[146] No doubt in this desperately distorted account the reference is to the Varangian guards; and it is interesting to point out that this fantastic tradition tracing to Constantine the Great the British immigration came to Adam from members of the Byzantine embassy.

Another dubious detail given by Adam is his mention of Constantine's three uncles. These three names occur in some other English sources. In his History of the Kings of Britannia Geoffrey of Monmouth (c. 1100—1154), a Welsh monk whose work

[144]) See P. Maas, *Die Musen des Kaisers Alexios I.*, in Byz. Zeitschrift, vol. 22 (1913), pp. 349—362; the second admonition has no end.

[145]) *Chronicon Adae* de Usk A. D. 1377—1421, edited with a translation and notes by Sir Edward Maunde Thompson. Sec. edition (London, 1904). Adam's biography pp. XI—XXXI, whence the data of Adam's life and activities were taken for the *Dictionary of National Biography*, vol. I (1908).

[146]) A quibus, Grecis et habui quod Grecie proceres a dicto Constantino ejusque tribus avunculis, Trehern, Leolyn, et Mewric aliisque triginta milibus Britonibus cum eo de Britania illuc advectis, omnino descenderunt; ac quod hujusmodi Britonum genus, sue nobilitatis ac dominacionis in signum, secures portant in terra, et non alii (ed. Thompson, pp. 96—97; English version, p. 272). I used this text in my Russian study *The Journey of the Byzantine Emperor Manuel II Palaeologus in Western Europe*, pp. 46—47 (pag. of an offprint). The study was published in the Journal of the Ministry of Public Instruction, N. S. XXXIX (1912), pp. 41—78 and 260—304.

has been variously estimated,[147] writes: "Constantine attacked Rome, subjugated it, and obtained afterwards power over the whole world. He had brought with him three uncles of Helen, Joelinum and Trahern, and Marium, and promoted them to senatorial rank."[148] The obscure statement in this text about tres avunculos Helene is explained by the Welsh text of the *Chronicle*, which in an English version runs as follows: "Kystemim (Constantine) conquered Ryfain (Rome) from Maxen the Cruel, he and his three uncles, his mother's brothers, namely Llywelyn and Trahaern and Mayric"[149] etc. Thus, according to the Welsh text of the *Chronicle*, Constantine's three uncles were his mother's brothers. Then in an old Welsh chronicle attributed to a very enigmatic Welsh chronicler, Tysylio, we read the following lines: "Then Constans married Helen, called the Happy One, the only daughter of Coel, a woman of incomparable beauty; and he had by her a son, Cystennyn by name. This Cystennyn, with his three uncles, Llewelyn, Trahaern, and Meurig, made war upon Rome and Maxen the Cruel"[150] etc. All these texts dealing with Constantine's three uncles lead them from Rome back to England where they fight against local chiefs.

In my Additional Note I have wished only to call attention to a passage in the *Chronicle* of Adam of Usk and to a local tradition in Britain concerning Constantius Chlorus, his wife Helen, their son Constantine the Great, and, finally, Helen's three brothers.

A. Vasiliev.

Madison, Wisconsin
U. S. A.
April, 1937.

---

147) On Geoffrey of Monmouth see the introduction to the *Historia Regum Britanniae of Geoffrey of Monmouth*, by Acton Griscom, together with a literal translation of the Welsh manuscript no. LXI of Jesus College, Oxford (London New York Toronto, 1929). Also F. A. Wright and T. A. Sinclair, *A History of Later Latin Literature* (New York, 1931), pp. 223—227. M. Manitius, *Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters*, vol. III (München, 1931), pp. 475—481.

148) Constantinus adivit Romam subjugavitque illam sibi et post modum monarchiam tocius mundi optinuit. Constantinus duxerat secum tres avunculos Helene, ioelinum videlicet et trahern, necnon et marium, ipsosque in senatorium ordinem promouit... (ed. Griscom, p. 340).

149) Ibidem, pp. 339—340.

150) I use here a German translation of Tysylio's Welsh Chronicle, *Gottfried's von Monmouth Historia Regum Britanniae mit*... Brut Tysylio, altwälsche Chronik in deutscher Übersetzung. Herausgegeben von San-Marte (Halle, 1854), p. 522 (V, 7, 8).

ПОЛОВЦЫ

III.

ПРЕДѢЛЫ „ПОЛЯ ПОЛОВЕЦКАГО“

I.

Въ настоящей главѣ[1] постараемся намѣтить границы половецкихъ кочевій на всемъ пространствѣ степей отъ верховьевъ Иртыша до низовьевъ Дуная.

Величину этого пространства современники представляли себѣ крайне смутно. Сосѣди Половцевъ — Русскіе, точнѣе говоря — кіевскіе лѣтописцы, хорошо знали половецкую землю только „межи Волгою и Днѣпромъ“,[2] о заволжскихъ же Половцахъ они ничего не сообщаютъ,[3] а Половцевъ дунайскихъ упоминаютъ только разъ и то вскользь. Когда в 1185 г., послѣ плѣна Игоря новгородъ-сѣверскаго, Половцы пошли на Русь, то кіевскій лѣтописецъ записалъ это событіе въ такихъ выраженіяхъ: „Поганыи же Половци побѣдивъше Игорѧ с братьєю. и взѧша гордость великоу. и съвокоупиша всь ꙗзыкъ свои. на Роускоую землю...“[4] Въ дѣйствительности же рѣчь шла лишь объ азовско-донецкихъ Половцахъ и ихъ ханахъ Гзѣ и Кончакѣ. Судя по этимъ свѣдѣніямъ, представленіе русскихъ лѣтописцевъ о „половецкомъ полѣ“ ограничивалось лишь пространствомъ между Днѣпромъ и Волгой.[5] Другіе сосѣди Половцевъ — мусульмане Халифата и Туркестана знали преимущественно восточную, азіатскую часть половецкой земли, и „кыпчакскою степью“ называли лишь нынѣшнія казахскія (киргизскія) степи,[6] хотя и слышали

---

1) 1-ую главу см. въ „Seminarium Kondakovianum“ т. VII (1935); 2-ую главу тамъ же, т. VIII (1936).

2) П. С. Р. Л. II² (1908), ст. 455, 1152 г.: „тогда же Ꙗрославичь Ростиславъ. съ братею и с Рѧзанци. и с Муромци. поидоша съ Гюргемъ. а не отрекоша ему. тако же и Половци. и Ѿперлюеве. и Токсобици. и всѧ Половецьскаꙗ землѧ. что же ихъ межи Волгою и Днѣпромъ и поидоша туда на Вѧтичѣ...“

3) Разъ, правда, лѣтописецъ говоритъ о томъ, какъ Мстиславъ, сынъ Мономаха (1125—1132), „загна Половци за Донъ. и за Волгоу за Гиикъ (Яикъ)“ (П. С. Р. Л. II, ст. 303—4, 1140 г.), но изслѣдователи справедливо видятъ въ этомъ риторическое преувеличеніе, т. к. врядъ ли русскія войска заходили такъ далеко (ср. М. Грушевскій, *Історія України-Руси*, II², с. 107).

4) П. С. Р. Л. II, ст. 646.

5) Русскія лѣтописи дважды упоминаютъ „поле половецькое“, но ни разу не даютъ объясненія, что подразумѣвали современники подъ этимъ названіемъ. Въ Троицкой лѣтописи (ПСРЛ. I¹, с. 218, 1223 г.) при описаніи битвы на Калкѣ говорится лишь, что Русскіе перешли Днѣпръ „и поидоша на конехъ в поле Половецьское...“; въ Лаврентьевской лѣт. (ПСРЛ I², Л. 1926, ст. 432, 1207 г.) упоминается, что за городомъ Пронскомъ, за р. Пронею, т. е. на правомъ берегу ея было уже половецкое поле („ста за рѣкою с полѧ Половецьскаго“).

6) Напр. Низами въ Искандеръ-Намэ, изд. Charmoy, т. 1, St. Pet. 1828, с. 15 и слѣд. Ср. пред-

о Кыпчакахъ Причерноморья.[7] Болѣе широкое пониманіе кыпчакской степи — „дештъ-и-Кыпчакъ", гораздо ближе соотвѣтствовавшее дѣйствительному распространенію Половцевъ, утвердилось лишь послѣ татарскаго нашествія, когда хозяевами этихъ степей были уже Монголы.[8] Единственнымъ исключеніемъ среди мусульманскихъ географовъ, въ смыслѣ бо́льшаго знанія половецкой земли, былъ Идриси (и м. б. отчасти Ибнъ-Саидъ). Но извѣстія Идриси (какъ и Ибнъ-Саида) столь сбивчивы и неясны, что пользоваться ими, пока не появится обстоятельнаго разбора этихъ сочиненій, чрезвычайно трудно. Еще менѣе, чѣмъ мусульмане и Русскіе, знали о половецкой территоріи Греки и Латиняне. Первые упоминали въ своихъ хроникахъ о Половцахъ только тогда, когда соприкасались съ Половцами на дунайскомъ пограничьи Византіи; латинскій же западъ почти совсѣмъ не зналъ Половцевъ и землю ихъ представлялъ себѣ гдѣ-то „ultra Hungariam et in partibus Russie".[9] Латинскій міръ узналъ объ обширности половецкой земли лишь послѣ завоеванія ея Татарами, изъ обстоятельныхъ описаній Плано Карпини 1246 г. и Рубрука 1253/5 г. г. Правильнѣе же всѣхъ представлялъ себѣ огромность половецкой земли армянскій царевичъ Гетумъ (Гайтонъ), писавшій въ 1307 г. Онъ былъ пораженъ пространствомъ „Команіи" и это дало ему основаніе считать ее „однимъ изъ величайшихъ государствъ, существовавшихъ на землѣ".[10]

Подъ вліяніемъ древне-русскихъ лѣтописей и русскіе историки, почти не выходившіе въ данномъ случаѣ изъ круга отечественныхъ источниковъ, считали, что половецкая земля ограничивалась причерноморскими степями; поэтому предѣломъ распространенія Половцевъ на востокѣ предполагали то Волгу,[11] то Донъ,[12] на

ставленіе о землѣ Половцевъ у Рашидъ Эддина: на западъ она не простиралась далѣе Яика (И. Березинъ, *Первое нашествіе Монголовъ на Россію*, ЖМНП. 1853, IX, с. 235, пр. 29).

[7]) Ибнъ-аль-Атиръ считалъ даже Судакъ половецкимъ городомъ (В. Тизенгаузенъ, *Сборн. мат., относ. къ ист. Золотой Орды*, т. 1, СПБ, 1884, с. 26). Махмедъ Кашгарскій на своей картѣ 1076 г. совсѣмъ не помѣстилъ Половцевъ, а лишь нанесъ „горы, обитаемыя Кыпчаками и Гузами", которыя у него находятся гдѣ-то около Кавказа (Albert Herrmann, *Die älteste türkische Weltkarte (1076 n. Chr.)*, Imago Mundi, Berlin, 1935, с. 21—28).

[8]) J. Marquart, *Über des Volkstum der Komanen*, с. 161.

[9]) Chronica Albrici Monachi Trium Fontium, Mon. Germ. Scr. XXIII, с. 911, подъ 1221 г.

[10]) Hayton, *La flor des estoires de la terre d'Orient*, Livr. 1, chap. V въ Recueil des histoirens des Croisades. Documents arméniens, t. II, Paris 1906, p. 124 („Comanie est un des plus grans roiaumes qui soit en monde"). Ср. переводъ Ѳ. И. Успенскаго, *Образованіе второго Болгарскаго царства*, Зап. И. Новоросс. Унив. т. 27, Одесса, 1879, с. 214. Этотъ Гетумъ, т. наз. Младшій, былъ племянникомъ царя Гетума, также оставившаго историческія сочиненія. Объ обоихъ Гетумахъ и ихъ трудахъ см. F. E. A. Krause, *Das Mongolenreich nach der Darstellung des Armeniers Haithon*, Ostasiatische Zeitschrift, Bd. VIII, 1919/20, с. 238—267.

[11]) И. Бѣляевъ, *О сѣверномъ берегѣ Чернаго моря и прилегающихъ къ нему степяхъ до водворенія въ этомъ краѣ Монголовъ*, Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. т. III, 1853, с. 12; Пл. Бурачковъ, *Опытъ изслѣдованія о Команахъ или Половцахъ*, тамъ же, т. X, 1877, с. 111; М. Грушевскій, *Історія України-Руси*, II², 1905, с. 530.

[12]) Н. Аристовъ, *О землѣ Половецкой*, Изв. Ист.-Фил. Фак. Инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, К. 1877, с. 25; В. Г. Ляскоронскій, *Русскіе походы въ степи въ удѣльно-вѣчевое время*, Ж. М. Н. Пр. 1907, IV, с. 307; С. М. Середонинъ, *Историческая географія*, Пгр. 1916, с. 171—2, признавая, что Половцы кочевали до Волги, основною ихъ территоріею считалъ, однако, лишь степи между Дономъ и Днѣпромъ. Того же взгляда придерживался и Е. А. Загоровскій, *Очерк истории северного Причерноморья*, ч. 1, Од. 1922, с. 54.

западѣ же — Днѣпръ[13] или Бугъ[14]; кочеваніе Половцевъ у Дуная ставилось подъ сомнѣніе,[15] а если и допускалось, то только для самаго конца XII или нач. XIII в.[16] За исключеніемъ Ѳ. И. Успенскаго,[17] наличіе Половцевъ у Дуная признавалось лишь нерусскими учеными: Дьярфашемъ,[18] Рёслеромъ,[19] Мутафчіевымъ.[20] Что же касается восточной границы Половцевъ, то только Дьярфашъ и Успенскій искали её в Азіи, въ глубинѣ туркестанскихъ степей.[21]

II.

Въ дѣйствительности половецкое поле уходило на востокъ до предгорій Тянь-Шана и Алтая и озера Балхаша, то-есть до естественныхъ предѣловъ степей. „Половецкая земля простирается на востокъ до Хорезмійскаго государства и частью до Большой Пустыни“ (подъ которой надо подразумѣвать средне-азіатскія степи) — сообщаетъ армянскій царевичъ Гетумъ.[22] Царевичъ совершенно правильно опредѣлялъ положеніе половецкой земли: мусульманскіе писатели подтверждаютъ, что Половцы на востокѣ, дѣйствительно, достигали теченія рѣкъ Сыръ-Дарьи, Таласа, Чу и верховьевъ Иртыша, сопрокасаясь у Сыръ-Дарьи съ владѣніями Хорезма. Какъ мы знаемъ изъ предыдущей главы,[23] Половцы къ тридцатымъ годамъ XI-го ст. заняли всѣ средне-азіатскія степи до мусульманскаго пограничья. Здѣсь они удержались до монгольскаго нашествія и даже пережили его, оставаясь на тѣхъ же мѣстахъ подъ властью Монголовъ. Уже въ концѣ X в. Мукаддеси сообщаетъ о кочеваніи Половцевъ (тогда еще извѣстныхъ подъ именемъ Кимаковъ) у г. Сау-

---

[13]) Бурачковъ, ц. с. 111 и особ. с. 125—6; Грушевскій, ц. с. II, с. 530; Ляскоронскій, ц. с. с. 298; Середонинъ, ц. с. с. 171—2. О случайномъ характерѣ кочеванія Половцевъ на правомъ берегу Днѣпра, при основномъ кочеваніи на лѣвомъ берегу см. еще у В. Новицкаго, *Давне Лукомор'я*, Зап. Іст.-Фил. Від. Всеукр. Ак. Наук, кн. XXIV, У Київі, 1929, с. 45.

[14]) Аристовъ, ц. с. с. 25; Бѣляевъ, ц. с. с. 13, хотя и говоритъ, что Половцы „продвинулись почти къ Пруту“, но на с. 22 дѣлаетъ выводъ, что „степи на западъ отъ Днѣпра еще не были заняты Половцами“. Занятіе днѣпровскаго правобережья Бѣляевъ относитъ лишь ко втор. пол. XII в., впрочемъ, доказательства, приводимыя имъ въ защиту этого мнѣнія, крайне наивны (с. 31—2).

[15]) Бурачковъ, ц. с. с. 125—6, Грушевскій, ц. с. с. 530; Загоровскій, хотя и признаетъ, что Половцы „оказываются (съ XI в.) полными хозяевами степей отъ Волги и до Дуная“, однако оговаривается, что „главнымъ сосредоточіемъ ихъ кочевій являлись степи между Дономъ и Днѣпромъ“ (ц. с. с. 54).

[16]) Аристовъ, ц. с. с. 25, Ляскоронскій ц. с. IV, с. 299, Середонинъ, ц. с. с. 171—2. Также ограничивалъ кочевья Половцевъ днѣпровскимъ и донецко-донскимъ районами и O. Blau, *Ueber Volksthum und Sprache der Kumanen*, ZDMG, XXIX, 1875, с. 558—9.

[17]) Успенскій, *Образ. втор. болг. царства*, с. 208—9, 211.

[18]) Gyárfás István, *A Jász-Kúnok Története*, II, 1873, с. 211.

[19]) R. Roesler, *Romänische Studien*, Leipz. 1871, с. 334.

[20]) P. Mutafčiev, *Bulgares et Roumains dans l'histoire des Pays Danubiens*, Sofia, 1932, p. 221; его же, *Происходътъ на Асѣневци*, Македонски Прегледъ, I, 4, 1928, с. 13—14 отд. отт.

[21]) Gyárfás István, ц. с. с. 211; Успенскій, ц. с. с. 214—5.

[22]) Hayton, ibid., с. 124—5: „Ceste terre de Comainie marche devers orient au roiaume de Corasme, e en partie à un grat desert...“; ср. у Успенскаго, ц. с. с. 214—5.

[23]) Seminarium Kondakovianum, VIII, с. 177—8 (с. 35—6 отд. оттиска).

рана на Сыръ-Дарьѣ (выше Яркенда)[24]; въ сер. XII в. на границѣ съ Хорезмомъ у Половцевъ былъ городъ Сыгнакъ на Сыръ-Дарьѣ, южнѣе Дженда[25]; часть Половцевъ была въ политической зависимости отъ хорезмшаховъ[26]; при ихъ дворѣ, вслѣдствіе брака одного изъ шаховъ съ половецкой княжной племени Канглы въ концѣ XII в., жило большое количество Половцевъ изъ племени Кангловъ;[27] но далѣе отъ Хорезма, въ области р. Таласъ, Половцы были уже независимы отъ власти хорезмшаховъ.[28] Если вѣрно предположеніе Бартольда о томъ, что въ жителяхъ страны Сары, упоминаемой у Ауфи, надо видѣть Половцевъ, то изъ этого бы слѣдовало, что въ XI в. Половцы были и на р. Чу, гдѣ локализуетъ эту страну Бартольдъ.[29]

„Поле половецкое" простиралось и далѣе на сѣверъ и сѣверо-востокъ, т. е. въ тѣ области, которыя были мѣстомъ древнѣйшаго обитанія Половцевъ — тогда еще слывшихъ подъ именемъ Кимаковъ — и гдѣ они оставались затѣмъ во всѣ послѣдующіе вѣка своей исторіи. Такъ, напр., извѣстно, что хорезмшахъ Мухаммедъ около 1215/16 г. предпринялъ походъ противъ Половцевъ на сѣверъ, въ казахскія степи[30]; гдѣ-то на сѣверо-востокѣ отъ Туркестана, слѣдовательно, въ тѣхъ же казахскихъ степяхъ, была у Половцевъ область Югуръ, гдѣ Субутай разбилъ Меркитовъ, бѣжавшихъ отъ Монголовъ къ Половцамъ.[31] Въ центрѣ этихъ степей, близъ оз. Денгизъ, въ бывш. Акмолинской области, сохранились до сихъ поръ названія рѣчки Кыпчакъ и озера Кыпчакъ.[32] На восточной окраинѣ половецкаго міра, въ степяхъ между оз. Иссыкъ-Куль и среднимъ теченіемъ Иртыша, жили Канглы, племя Половцевъ.[33] Иртышъ былъ предѣломъ половецкого міра на востокѣ, т. к. дальше уже жило монгольское племя Наймановъ.[34]

Сѣверная граница половецкаго поля была, очевидно, та же, что и въ эпоху Кимаковъ, — это граница лѣсостепи по 56—57 параллелямъ, за которой, въ лѣсахъ,

---

[24]) Тамъ же, с. 177 и пр. 64. Ср. еще Marquart, *Über d. Volkstum d. Komanen*, с. 140.

[25]) Нынѣ Сунакъ-Курганъ или Сунакъ-Ата, въ 10 верстахъ на сѣв. отъ жел. дор. станціи Тюмень-Арыкъ, см. В. Бартольдъ, *Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія*, II, с. 180—1, 351; А. Ю. Якубовский, *Развалины Сыгнака (Сугнака)*, Сообщения ГАИМК, II, Л. 1929, с. 123—159.

[26]) В. Бартольдъ, ц. с. II, с. 365—8.

[27]) В. Бартольдъ, *О христіанствѣ въ Туркестанѣ въ до-монгольскій періодъ*, ЗВОИРАО, VIII, 1894, с. 27 и пр. 2; J. Marquart, ц. с. с. 167—8. См. еще Shems-ed-Din... Dimashqui, ed. A. Mehren, *Manuel de la Cosmographie du Moyen Age*, Cop. 1874, с. 382 и въ переводѣ Marquart, ц. с. с. 157.

[28]) В. Бартольдъ, *Туркестанъ въ эпоху монг. наш.*, II, с. 365—6.

[29]) См. гл. II, Seminarium Kondakovianum, VIII, с. 177 и пр. 66—68 (с. 35 отд. оттиска).

[30]) В. Бартольдъ, *Туркестанъ въ эпоху монг. наш.*, II, с. 396—7.

[31]) Тамъ же, II, 396—8; Marquart, ц. с. с. 119, 134—7; W. Barthold, *12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens*, Berlin 1935, с. 153.

[32]) Атласъ Азіатской Россіи, изд. Переселенч. Упр. Гл. Упр. Землеустр. и Земледѣл., СПБ, 1914, карта 34 (въ транскрипціи „Кипчакъ"). Н. А. Аристовъ, *Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей*, Живая Старина, 1896 г., в. III—IV, с. 368, пр. 3, сомнѣвался въ древности этихъ названій, считая, очевидно, что они пошли отъ рода Кыпчакъ Средней Орды Киргизъ-Казаковъ, кочевавшаго въ этихъ мѣстахъ въ послѣднѣе время. Однако этотъ родъ Кыпчакъ — потомки Половцевъ XI—XIII в., и пребываніе его въ казахскихъ степяхъ, вѣроятно, восходитъ ко времени господства здѣсь Половцевъ.

[33]) О Канглахъ и занимаемой ими территоріи см. гл. II, с. 162—3, пр. 13.

[34]) W. Barthold, *12 Vorlesungen*, с. 121, 151. Ср. Г. Е. Грум-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, II, Л. 1926, с. 411, пр. 3.

начинался иной этническій міръ — угро-финскій, въ частности, башкирскій. Плано Карпини сообщаетъ, что „съ сѣвера къ Команіи, непосредственно за Руссіей, Мордвинами и Билерами, то-есть Великой Булгаріей, прилегаютъ Баскарты (Башкиры), то-есть Великая Венгрія“.[35]

Все по той же лѣсостепной линіи, граница половецкихъ владѣній, идя на западъ, переваливала черезъ Уралъ и, обходя съ юга лѣсистую область теченія р. Бѣлой, выходила къ нижнему, степному теченію Камы. Въ предыдущей главѣ нами уже приводились арабскія свидѣтельства Истахри и Аль-Бекри о кочеваніи Половцевъ въ X—XI вв. у нижней Камы.[36] Сюда же, вѣроятно, во время лѣтнихъ кочевій, доходили Половцы и въ XII и XIII вѣкахъ. Въ доказательство этого приведемъ два свидѣтельства: арабское и русское. Арабскій путешественникъ Абу-аль-Андалузи аль-Гарнати, посѣтившій въ 20—30-хъ г. г. XII в. Великіе Болгары, пишетъ о городѣ Болгарѣ слѣдующее: „онъ городъ, выстроенный изъ сосноваго дерева, а стѣна его изъ дубоваго дерева; вокругъ него (живутъ) турецкія племена, не сосчитать ихъ.“[37] Никакое другое турецкое племя, кромѣ Половцевъ, въ это время здѣсь кочевать не могло. Это подтверждается другимъ источникомъ — русской лѣтописью. Подъ 1184 г. суздальская лѣтопись сообщаетъ, что владимірскій князь Всеволодъ Юрьевичъ вмѣстѣ съ муромскими и рязанскими князьями предпринялъ большой походъ на Болгарскую землю. Русскіе плыли Волгою до устья Камы, гдѣ высадились и пошли къ „Великому городу“, т. е. Бюлару, стоявшему на Маломъ Черемшанѣ. Здѣсь, не доходя Черемшана, Русскіе неожиданно встрѣтились съ Половцами (Половцы „Емѧкове“), которые также пришли „воевать Болгаръ“.[38]

[35]) І. де Плано Карпини, пер. А. Малеина, СПБ. 1911, с. 50.

[36]) Seminarium Kondakovianum, VIII, с. 167 (с. 25 отд. оттиска).

[37]) А. Якубовский, *Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв.*, Матер. по ист. Узбек. Таджик. и Туркменск. ССР, ч. 1, Л. 1933, с. 29 со ссылкой на изданіе Аль-Гарнати G. Ferraud, Paris, арабск. текстъ с. 236—7; ср. старый переводъ у Д. В. Хвольсона, *Извѣстія о Хазарахъ... Ибнъ-Даста*, СПБ, 1869, с. 86—87.

[38]) П. С. Р. Л. I, ст. 389: „Иде кнѧзь Всеволодъ на Болгары... (слѣдуетъ перечень остальныхъ князей, участвовавшихъ въ походѣ) и приде в землю Болгарьскую. и высѣдъ на берегъ поиде к Великому городу. и ста у Тухчина городка. и перестоѧвъ ту в҃ дни. поиде на третии день к Великому городу. сторожемъ напередъ ѣздѧщимъ. оттолѣ же Бѣлозерскыи полкъ отрѧди къ лодьꙗмъ. а воѥводьство да Ѳомѣ Лазковичю. пошедшю же кнѧзю в поле. оузрѣша наши сторожеве полкъ в поли. и мнѧху Болгарьскыи полкъ. и приѣхаша є҃ мужь ис полку того. и оудариша челомъ передъ кнѧземъ Всеволодомъ. и сказаша ѥму рѣчь. кланѧются княже Половци Ѥмѧкове. пришли ѥсьмы со кнѧземъ Болгарьскымъ воѥватъ Болгаръ. кнѧзь же Всеволодъ здумавъ с братьѥю своѥю и с дружиною. води ихъ в роту в половьцьскую. поима ихъ поиде к Великому городу. и приде кнѧзь к городу. и перешедъ Черемисанъ. въ а҃ день нарѧди полкы а самъ поча думати с дружиною.“ Къ сожалѣнію, нѣтъ удовлетворительнаго комментарія къ этому мѣсту лѣтописи, какъ нѣтъ, въ сущности, и работы по исторіи Ростово-Суздальскаго княжества. Книга Д. А. Корсакова, *Меря и Ростовское княжество*, Казань, 1872, устарѣла и авторъ ея не останавливается на разборѣ извѣстій о походѣ 1184 г. — „Великій городъ“, т. е. Бюларъ, на Маломъ Черемшанѣ, въ 70 в. на востокъ отъ столицы Болгаръ — гор. Болгара (русск. „Бряхимовъ“); Тухчинъ — у устья Камы (ср. Г. Перетятковичъ, *Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ*, М. 1877, с. 76—7, П. Голубовскій, *Болгары и Хазары — восточные сосѣди Руси при св. Владимірѣ*, Кіевск. Стар. 1887, № 7, с. 33). Мал. Черемшанъ впадаетъ въ Больш. Черемшанъ, лѣвый притокъ Волги. Карамзинъ, *Ист. Гос. Росс.*, т. III, гл. 3, пр. 63 ошибочно предполагалъ, что Русскіе пошли по правому берегу Волги, почему и хотѣлъ въ М. Черемшанѣ видѣть нын. Мал. Цывиль, прежде, будто бы, называвшуюся Черемшаномъ. Но Цывиль

Характерно, что Половцы, встрѣтившіеся князю Всеволоду владимірскому были „Емякове", т.-е. принадлежали къ племени Емекъ, извѣстному намъ изъ арабскихъ источниковъ IX—X вв., какъ одно изъ двухъ основныхъ племенъ половецкаго народа, жившаго въ сѣверныхъ предѣлахъ нын. казахскихъ (средне-азіатскихъ) степей и уже тогда перекочевывавшихъ на лѣто за Уралъ, къ низовьямъ Камы.[39] Что Емеки и въ XI в. жили все на тѣхъ же мѣстахъ можно заключить изъ перечня турецкихъ племенъ у Махмуда Кашгарскаго, который помѣщаетъ Емековъ рядомъ съ Башкирами, издавна жившихъ въ Приуральи.[40] Прослѣживая такимъ образомъ непрерывность пребыванія Емековъ въ Приуральи въ IX—XI вв., мы и въ лѣтописныхъ Емякахъ 1184 г. должны признать не придонскихъ или приволжскихъ Половцевъ, на лѣто откочевывавшихъ на сѣверъ, къ Камѣ, но Половцевъ уральско-среднеазіатскихъ, потомковъ Емековъ IX—XI ст., подобно своимъ предкамъ совершавшихъ регулярные перекочевки на лѣтовища изъ средне-азіатскихъ степей въ прикамскія.[41] Итакъ, въ сѣверной и восточной части половецкаго міра между Камой и Туркестаномъ условія кочеванія оставались неизмѣнными на всемъ протяженіи IX—XIII вѣковъ.[42]

Память о кочеваніи Половцевъ въ лѣтнее время гдѣ-то у Урала сохранилась и у арабскаго писателя XIV в. Фадлъ-Аллахъ-алъ-Омари, который сообщаетъ, что „ханы Кипчака (т. е. Татары XIV в.) проводятъ зиму въ Сараѣ; лѣтовища же ихъ, какъ нѣкогда и лѣтовища царей Турана, находятся въ области Уральскихъ горъ".[43] Повидимому, подъ царями Турана здѣсь надо разумѣть половецкихъ хановъ.[44]

Теченіе Волги отъ низовьевъ Камы до древняго города Укека (около нын. Саратова) было въ рукахъ Болгарскаго каганата. Укекъ, находившійся на правомъ берегу Волги и извѣстный своимъ расцвѣтомъ въ XIV в., существовалъ, вѣроятно, еще и до Татаръ и былъ крайнимъ южнымъ городомъ Болгаръ.[45] Ниже его начиналось поло-

---

впадаетъ въ Волгу много выше устья Камы, и, слѣдуя вдоль ея теченія, Русскіе попали бы къ Черемисамъ, а не къ Болгарамъ. Карамзинъ и Великій городъ принималъ за Болгаръ-Бряхимовъ и искалъ поэтому его на мѣстѣ нын. г. Цивильска. См. еще Д. Иловайскій, *Исторія Россіи*, II, с. 226—7 и пр. 31, который также отрицалъ возможность высадки Русскихъ у устья Цѣвки (Цивили).

[39]) О Емекахъ см. II-ю главу, с. 161—2.

[40]) „Der den Rhomäern nächste Stamm sind die Päčänäg, dann Qifčaq, dann Guz, dann Jämäk, Bašγirt, Basmil, Qai, Jabagu, Tatar, Qirqiz..." (C. Brockelmann, *Maḥmud al-Kašghari über die Sprachen und die Stämme der Türken im 11. Jahrh.*, Körösi Csoma-Archivum, I, 1, 1921, c. 36.) Ср. карту Махмуда, гдѣ Башкиры помѣщены между Болгарами и Иртышемъ (A. Herrmann, *Die älteste türkische Weltkarte)*.

[41]) Что Половцы Емяковы 1184 г. не были съ праваго берега Волги считалъ и И. Н. Смирновъ, *Мордва*, Казань, 1895, с. 61—2.

[42]) Въ нач. XIII в. Емеки (вѣроятно лишь часть) были „пересажены" хорезмшахами изъ средне-азіатскихъ степей въ Хорезмъ, см. Marquart, ц. с. с. 157, 170—1.

[43]) Такъ читаетъ Marquart, *Über d. Volkstum d. Komanen*, c. 138 со ссылкой на Quatremère, *Notices et extrais des Manuscrits du Roi*, t. XIII, 1838, p. 291; ср. нѣсколько иное чтеніе В. Тизенгаузена, *Сборн. мат., относ. къ ист. Золотой Орды*, с. 243 и въ Дополненіяхъ и поправкахъ, с. 548.

[44]) J. Marquart, ц. с. с. 138.

[45]) W. Barthold, *Bulghār*, Enz. d. Islam, I, c. 823. О древности Укека см. оставшуюся мнѣ недоступной книгу кн. Л. Л. Голицына и С. С. Краснодубровскаго, *Укекъ*, Сар. 1891 и извѣтсную мнѣ по замѣткѣ въ ЗВОИРАО VI, 1891, с. 341—3; ср. также Смирновъ, *Мордва*, с. 34—5.

вецкое поле: на лѣвомъ берегу Волги, у г. Покровска археологическія раскопки обнаруживаютъ кочевническія стоянки, относимыя къ Половцамъ[46]; на правомъ берегу Волги, по теченію р. Латрыка (притокъ Карамыша, впадающій въ Медвѣдицу), искони жили кочевники: кочевническія погребенія скиѳо-сарматской поры находились здѣсь около с. Большой Дмитровки.[47]

Подобно тому, какъ въ X в. Торки и Печенѣги соприкасались съ южной и юго-восточной границей Болгарскаго каганата, такъ въ XI—XIII вв. смѣнившіе ихъ Половцы стали сосѣдями Болгаръ на средней Волгѣ. Объ этомъ говоритъ и Плано Карпини и русскія лѣтописи; послѣднія сообщаютъ намъ о столкновеніяхъ, которыя происходили между Половцами и Болгарами въ XII в.[48]

III.

Особенно трудно опредѣлить сѣверные предѣлы половецкихъ кочевій на западъ отъ Волги, т. к. Половцы, подобно всѣмъ кочевникамъ, если имъ благопріятствовали географическія условія, глубоко вклинялись въ области съ осѣдлымъ населеніемъ — въ данномъ случаѣ русскимъ и финскимъ; при разрѣженности этого населенія, кочевники безъ труда проникали даже много сѣвернѣе крайнихъ южныхъ пунктовъ Финновъ и Руси.

Нѣтъ сомнѣнія, что на рязанской окраинѣ русскія поселенія въ XII в. простирались далеко внизъ по Дону, до устья Воронежа, имѣя за собою такіе оплоты, какъ города Елецъ и Воронежъ.[49] Существованіе этихъ крѣпостей дало основаніе изслѣдователямъ считать, что Рязанское княжество простиралось на югъ до низовьевъ Воронежа и даже Хопра.[50] Но также безспорно, что Половцы проникали много

[46]) П. Рыков, *Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уезд. Саратовск. губ., в 1922 г.* Труды Общ. ист. арх. и этногр. при Саратовск. Унив. в. 34, ч. 1, Сар. 1923, с. 13. Здѣсь же находятся и татарскія погребенія, тамъ же, с. 13 и 22—26, и скиѳо-сарматскія, M. Rostowzew, *Skythien und der Bosporus*, Bd. I, Berlin, 1931, c. 467 и 478 (дер. Блюменфельдъ), ср. карту на с. 479.

[47]) М. И. Ростовцевъ, *Скиѳія и Боспоръ*, 1925, с. 591; ср. выше цит. нѣмецк. изд., с. 602.

[48]) Плано Карпини, пер. А. Малеина, с. 50, цит. выше (с. 75) мѣсто о сосѣдствѣ Команіи на сѣверѣ съ Билерами или „Великой Булгаріей". О половецко-болгарскихъ столкновеніяхъ — въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

[49]) Недавно была подвергнута сомнѣнію древность рязанскаго Воронежа (І. С. Абрамов, *Літописний Вороніж на Черніговщині*, Юбілейний Збірник Д. Й. Багалія, у Київі, 1927, с. 462—8, однако аргументы Абрамова мало убѣдительны, а наличіе въ этихъ мѣстахъ древнихъ славянскихъ поселеній — остается безспорнымъ. О новѣйшихъ археологическихъ данныхъ о русскихъ поселеніяхъ у устья Воронежа и на Дону см. у П. И. Ефименко, *Раннеславянские поселения на Среднем Дону*, Сообщения ГАИМК, 1931, № 2, с. 5—9.

[50]) Д. Иловайскій (*Исторія Рязанскаго княжества*, М. 1858, с. 49, 109—110; его же, *Исторія Россіи*, II, с. 274) считалъ, что южная граница Рязанскаго княжества въ XII в. доходила до низовьевъ Воронежа. Того же взгляда держался и М. К. Любавскій, *Историческая географія Россіи въ связи съ колонизаціей*, М. 1909, с. 66—8. П. Голубовскій, *Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ*, Кіевск. Унив. Изв. 1883, № 6, с. 331—5 и 337 отодвигалъ эту границу еще южнѣе, до низовьевъ Хопра. А. Е. Прѣсняковъ, *Образованіе великорусскаго государства*, П. 1918, с. 226 пр. 2 относилъ къ половецкимъ временамъ и „караулы" рязанскихъ князей „возлѣ Хопра и Дона", упоминаемые

сѣвернѣе этихъ мѣстъ и располагались на лѣтовища въ тѣхъ степныхъ областяхъ, которыхъ было немало между Дономъ и Волгою, и которыя простирались на сѣверъ до границы сплошныхъ хвойныхъ лѣсовъ. Мы знаемъ здѣсь и рѣку Польный Воронежъ, и „Великое дикое поле" къ югу отъ мордовскихъ лѣсовъ[51], и „Половецкое поле" подъ самымъ Пронскомъ, на правомъ берегу Прони.[52]

Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, проходила рязано-половецкая граница? Есть всѣ основанія считать, что дѣйствительной границей Рязанскаго княжества было теченіе Прони, Оки и низовья Мокши, гдѣ жило сплошное населеніе княжества,[53] и что никогда въ домонгольскій періодъ рязанская земля не простиралась такъ далеко на югъ, какъ предполагалъ Голубовскій. Что отдѣльные рязанскіе форпосты по Дону и Воронежу и не разсматривались современниками какъ территорія Рязанскаго княжства, показываетъ „Повѣсть о приходѣ Батыевой рати на Рязань": „приде", говорится въ этой повѣсти, „безбожный царь Батый на Рускую землю с' многими вои Татарскыми. и ста на рѣцѣ на Воронежѣ близъ Резанскія земли";[54] судя по направленію похода Батыя изъ Болгаръ на Рязань, остановка его „близъ Резанскія земли" должна была быть у самаго верховья Воронежа.[55] Слѣдовательно, все пространство на югъ и на востокъ отъ этой рѣки, т. е. теченіе Цны и все теченіе Вороны и Хопра не считалось за Рязанскимъ княжествомъ. Даже сѣвернѣе, среди Мордвы, по теченію р. Мокши, русскіе поселенцы не были въ своей землѣ, а, наоборотъ, считались подданными мордовскихъ князей. Объ этомъ говоритъ суздальская лѣтопись подъ 1228 годомъ, упоминая „Русь Пургасову", т. е. русскихъ поселенцевъ (по мнѣнію Смирнова — вышедшихъ изъ Муромскаго княжества)[56] на землѣ мордовскаго князя Пургаса.[57]

Цѣлый рядъ фактовъ свидѣтельствуетъ, что Половцы во время своихъ кочеваній, проникали много сѣвернѣе южныхъ поселеній рязанцевъ. Такъ, въ 1199 г. князь Всеволодъ Юрьевичъ суздальскій со своимъ сыномъ Константиномъ предпринялъ

въ грамотѣ митроп. Алексѣя (Акты Историч. т. 1, № 3), которые Иловайскій относилъ уже къ татарской эпохѣ. Трудно себѣ представить необходимость въ подобныхъ караулахъ въ XII и XIII в., которые были бы такъ удалены отъ границъ сплошного населенія Рязанскаго княжества, т. е. теченія Прони, Оки и нижн. Мокши, разъ Половцы, какъ увидимъ ниже, кочевали вблизи самаго центра рязанской земли.

[51]) Кн. А. Курбскій, *Исторія князя великаго Московскаго*, изд. Н. Устрялова, СПБ. 1842, с. 15, (1552 г.).

[52]) П. С. Р. Л. I, ст. 432, 1207 г. Текстъ приведенъ выше, с. 71, пр. 5.

[53]) Ср. различіе, какое дѣлаетъ Прѣсняковъ между „ядромъ рязанской земли" и ея отдѣльными южными и юго-восточными поселками „выдвинутыми въ степную сторону далеко отъ главной массы поселеній" (*Образованіе великорусскаго государства*, с. 226—7).

[54]) И. Срезневскій, *Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ*, XXXIX, Повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ, СПБ, 1867.

[55]) Ѳ. Чекалинъ, опираясь на повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ, считалъ, что путь Татаръ отъ Болгаръ на Рязань пролегалъ по южной окраинѣ присурскихъ лѣсовъ и, между проч., черезъ р. Узу, лѣвый притокъ Суры. Ея теченіе — на той же высотѣ, что и верховья Воронежа (*Мещера и Буртасы по сохранившимся о нихъ памятникамъ*, Труды VIII Археологич. съѣзда, т. III, М. 1897, с. 72.

[56]) И. Н. Смирновъ, *Мордва*, с. 64—5. Ср. Карамзинъ, *Ист. Гос. Росс.*, т. III, с. 165 изд. Эйнерлинга.

[57]) П. С. Р. Л. I, ст. 451 „Тогож лѣта. Побѣди Пургаса Пурещевъ сынъ (другой мордовскій князекъ) с Половци. и изби Мордву всю и Русь Пургасову. а Пургасъ ѥдва вмалѣ оутече".

походъ на Половцевъ. Онъ выступилъ — очевидно изъ своего стольнаго города Владиміра — 30 апрѣля и шелъ, по предположенію Соловьева, отъ верховьевъ Дона внизъ по этой рѣкѣ.[58] Половцы, услышавъ о приближеніи Русскихъ, бѣжали съ вежами „къ морю" (т. е. на югъ, по направленію къ Азовскому морю), а Всеволодъ дошелъ до половецкихъ зимовищъ у Дона, разорилъ ихъ и 5 іюня вернулся во Владиміръ.[59] Если считать переходы въ 20 верстъ, то, оказывается, Всеволодъ не успѣлъ бы проникнуть южнѣе города Воронежа; если же класть по 30 верстъ ежедневныхъ переходовъ, то и въ такомъ случаѣ разстояніе, пройденное русскими войсками, не будетъ болѣе 540 верстъ (считая отъ г. Владиміра), и, слѣдовательно, Всеволодъ не заходилъ южнѣе низовьевъ Черной Калитвы—Битюга—Хопра.[60] Изъ этого можно заключить, что лѣтовища Половцевъ были значительно сѣвернѣе, т. е. въ области южно-рязанскихъ поселеній.

Мы часто слышимъ изъ лѣтописей о столкновеніяхъ рязанцевъ съ Половцами. Къ сожалѣнію, большинство извѣстій подобнаго рода находится лишь въ Никоновскомъ сводѣ, источникѣ, въ отношеніи половецкихъ событій, особенно ненадежномъ, т. к. составитель свода или его источникъ, часто прикрѣплялъ къ какой-нибудь опредѣленной датѣ матеріалъ явно эпическаго характера.[61] Но вотъ сообщеніе Лаврентьевской лѣтописи подъ 1206 г.: „тогож лѣта. ходиша князи Рѧзаньскыи на Половци, и взѧша вежѣ ихъ".[62] Врядъ ли немногочисленная рязанская рать рискнула бы ходить въ далекій походъ въ глубь степей; это было подъ-силу только такимъ могущественнымъ князьямъ, какъ кіевскому или суздальскому, или цѣлой коалиціи князей; очевидно, въ 1206 г. мы имѣемъ дѣло съ недалекимъ, короткимъ походомъ на лѣтовища (на вежи) Половцевъ, близко подошедшимъ къ рязанскимъ предѣламъ. Въ такомъ свѣтѣ сообщеніе той же Лаврентьевской лѣтописи о томъ, что подъ Пронскомъ, на югъ отъ рѣки Прони, было уже „поле половецкое" принимаетъ вполнѣ реальный смыслъ[63] и врядъ ли справедливо объясненіе Голубовскаго, что это лишь „случайное названіе", потому де, что Половцы когда-то стояли здѣсь станомъ во время набѣга.[64] Какъ разъ въ области прежняго половецкаго поля, на р. Рановѣ, притокѣ Прони, до сихъ существуетъ село Кипчаково (б. Ряжскаго уѣзда, Рязанской губ.), подтверждающее не случайность названія „поля половецкаго".[65]

---

[58]) С. М. Соловьевъ, *Ист. Россіи съ древн. временъ*, кн. I, т. II, гл. 6, ст. 641 (изд. „Общественной Пользы").

[59]) П. С. Р. Л. I, ст. 414—415.

[60]) Ср. походъ 1111 г. когда Русскіе прошли разстояніе въ 125 в. между Сулой и Ворсклой въ 5 дней (С. Середонинъ, *Историч. географія*, с. 172—3); то же количество верстъ въ день вытекаетъ и изъ похода Игоря 1185 г. (П. Ваденюкъ, *Гдѣ нужно искать ту рѣку, на берегахъ которой 5-го мая 1185 г. былъ разбитъ Игорь Святославичъ Новгородсѣверскій и которая названа Каялой*, Труды VIII Археол. съѣзда, т. II, с. 56).

[61]) Подобный примѣръ приведенъ мною въ „*Печенѣгахъ, Торкахъ и Берендѣяхъ на Руси и въ Угріи*", Seminarium Kondakovianum, VI (1933), с. 60 и пр. 393.

[62]) П. С. Р. Л. I, ст. 425.

[63]) П. С. Р. Л. I, ст. 432, 1207 г. Текстъ приведенъ выше, въ прим. 5.

[64]) П. Голубовскій, *Печенѣги, Торки и Половцы*, Кіевск. Ун. Изв. 1888, № 6, с. 337.

[65]) *Россія*, подъ ред. В. П. Семенова, т. II, Среднерусская черноземная область, СПБ, 1902, с. 362 и карта.

Если обратиться для сравненія къ другимъ эпохамъ, то увидимъ, что на широтахъ, куда заходили Половцы, всегда, и до и послѣ нихъ, жили кочевники. Такъ, въ XIV в. въ районѣ г. Наровчата („Мохши" золотоордынскихъ монетъ, по среднему теченію р. Мокши) былъ центръ одной изъ татарскихъ ордъ (Тогая).[66] Это какъ разъ есть область „Великаго дикаго поля" и находится она на той же широтѣ, что и „Половецкое поле" у Пронска. А лѣтовища хана Сартака въ XIII в. были въ трехъ дняхъ пути отъ Волги, въ мѣстѣ, гдѣ пространство между Волгой и Дономъ достигаетъ десятидневнаго перехода, — это указываетъ на линію Воронежъ—Укекъ, три же дня пути на западъ отъ Волги приводятъ насъ къ среднему теченію Медвѣдицы и Хопра. Рубрукъ, дающій эти свѣдѣнія, добавляетъ, что „въ этихъ мѣстахъ прежде жили Половцы".[67] Вспомнимъ также, что въ районѣ устья Воронежа и близъ него, на правомъ берегу Дона, нѣкогда кочевали Скиѳы, а по р. Латрыку (притоку Карамыша, близъ Саратова и прежняго Укека) находимъ слѣды Сарматовъ.[68]

Все это показываетъ, что номады здѣсь кочевали искони: отъ скиѳскихъ до татарскихъ временъ.

Итакъ, приведенные факты позволяютъ сдѣлать выводъ, что Половцы на лѣтовища между Волгою и Дономъ заходили много сѣвернѣе, чѣмъ это обычно считалось, подходя къ Прони, низовьямъ Цны и среднему теченію Мокши; здѣсь кочевники находили для себя вполнѣ пригодныя мѣста въ степныхъ пространствахъ у границы сплошныхъ хвойныхъ лѣсовъ.

Признавая проникновеніе Половцевъ такъ далеко на сѣверъ и не отрицая наличія рязанскихъ поселеній много южнѣе тѣхъ мѣстъ, куда заходили Половцы, т. е. на низовья Воронежа и по Дону, можно положить конецъ безвыходнымъ противорѣчіямъ во взглядахъ изслѣдователей о южныхъ границахъ Рязанскаго княжества. Иловайскій считалъ, что „во второй половинѣ XI и въ началѣ XII в. все пространство къ югу отъ Прони было занято кочевьями Половцевъ" и такимъ образомъ западной рязанской границей считалъ теченіе р. Прони[69] (во второй половинѣ XII в. эта граница, по Иловайскому, уже выдвинулась до низовьевъ Воронежа); Голубовскій, наоборотъ, отрицалъ „возможность существованія въ какое бы то ни было время" половецкихъ кочевій къ сѣверу отъ низовьевъ Вороны и Хопра.[70] Споръ велся не вѣрно, т. к. оба ученые рисовали себѣ нѣкую постоянную непереходимую линію, служившую границей между русскимъ и половецкимъ міромъ, тогда какъ въ дѣйствительности можно говорить лишь о южныхъ пунктахъ русской колонизаціи за предѣлами сплошного населенія Русскихъ и о сѣверныхъ предѣлахъ проникновенія Половцевъ во время ихъ лѣтовищъ, оказывавшихся далеко въ тылу у отдѣльныхъ поселеній русскихъ колонистовъ. Оба эти явленія отнюдь не исключали другъ друга.

---

[66]) А. Кротков, *В поисках Мохши*, Труды Общ. Ист., Арх. и Этн. при Саратовск. Унив. в. 34, ч. 1, Сар. 1923, с. 27—31.

[67]) Пер. Малеина, с. 89.

[68]) М. И. Ростовцевъ, *Скиѳія и Боспоръ*, с. 534—8; M. Rostowzew, *Skythien und der Bosporus*, c. 474 и 602.

[69]) Д. Иловайскій, *Исторія Рязанскаго княжества*, с. 109. Ср. с. 24 и 100.

[70]) П. Голубовскій, *Печенѣги, Торки, Половцы*... К. У. И. 1883, № 6, с. 336—7.

Половцы на разсматриваемыхъ широтахъ, между Волгою и Дономъ, встрѣчали во время своихъ перекочевокъ не только Русскихъ. На границѣ лѣсостепи исконно жила финская Мордва, а южнѣе ея — сильное и воинственное племя Буртасъ, въ IX в. съ успѣхомъ сражавшееся даже съ Печенѣгами. Буртасы занимали огромное пространство по теченію Медвѣдицы, Хопра и Вороны до низовьевъ Дона.[71] Однако съ занятіемъ степей Половцами, Буртасы частью были оттѣснены на сѣверъ, къ лѣсамъ, частью же подчинились Половцамъ, остались жить среди нихъ и подверглись половецкому языковому вліянію. О подчиненіи Буртасъ Половцамъ и объ эксплоатаціи послѣдними пушныхъ богатствъ буртасскаго края сообщаетъ Ибнъ-аль-Атиръ: буртасскіе мѣха, продававшіеся въ первой половинѣ XIII в. въ Судакѣ, разсматривались арабскимъ историкомъ какъ продуктъ половецкой земли.[72]

Чекалинъ еще въ 1890-ыхъ г. г. высказалъ предположеніе, поддержанное затѣмъ Вестбергомъ и принятое Л. Нидерле, что Буртасы этнически являются не Финнами-Мордвою, а Турками-Мещерою.[73] Для насъ въ этомъ спорномъ филологическомъ вопросѣ интересно то обстоятельство, что, по наблюденію Радлова, языкъ современныхъ Мещеряковъ ближе всего къ языку Половцевъ.[74] Это показываетъ, что Мещера-Буртасы еще въ XI—XIII вв. жили вмѣстѣ съ Половцами и переняли половецкій языкъ.

IV.

Ту же картину проникновенія Половцевъ значительно сѣвернѣе южныхъ предѣловъ русскихъ поселеній находимъ и къ западу отъ Дона. Здѣсь степныя пространства, также какъ между Волгою и Дономъ, далеко вклинялись въ лѣсныя области: такъ, „поле“ простиралось между верховьями Псла и Сейма,[75] „полемъ“ было и все пространство на сѣверо-западъ отсюда до рязанскихъ предѣловъ, т. е. по бассейну Быстрой Сосны и верховьямъ Дона, съ Куликовымъ полемъ по правому

---

[71]) Ѳ. Чекалинъ, *Мещера и Буртасы по сохранившимся о нихъ памятникамъ*, с. 66—7, 70, 72; Смирновъ, *Мордва*, с. 34 и сл. О войнахъ Буртасовъ съ Печенѣгами см. у Ибнъ-Росте (Хвольсонъ, *Ибнъ-Даста*, с. 19—21).

[72]) Тизенгаузенъ, *Сборн. мат., отн. къ ист. Золотой Орды*, с. 26.

[73]) См. Seminarium Kondakovianum, VIII, с. 167; L. Niederle, *Slovanské starožitnosti, Původ a počátky Slovanů východních*, v Praze, 1924, с. 35. Въ новѣйшей сводкѣ свѣдѣній о Буртасахъ Ф. Минорскій сомнѣвается въ тождествѣ Буртасъ и Мещеры (V. Minorsky, *Ḥudūd al-Ālam*, London, 1937, с. 462—465).

[74]) В. Радловъ, *О языкѣ Кумановъ*, Зап. И. Акад. Наукъ, т. 43, прилож. № 4, 1884 г. с. 39, 41, 43, 45 и особ. 52—3. Ср. Чекалинъ, ц. с. с. 58. О господствѣ половецкаго языка въ этой области см. и у А. Н. Самойловича, *К истории культурных и этнических отношений в волжско-уральском крае*, Новый Восток, 1927, № 18, с. 217. Работа Радлова теперь нѣсколько устарѣла, т. к. языковый матеріалъ Половцевъ — Codex Cumanicus — Радловъ изучалъ не по рукописи, а по изданію гр. Куна; изданіе же послѣдняго изобиловало неточностями. Нынѣ Codex Cumanicus изданъ фототипически (въ I томѣ серіи „Monumenta Linguorum Asiae Maioris, Kopenhagen, 1936). Датскій туркологъ Dr. K. Grønbech, редактировавшій это изданіе, въ настоящее время готовитъ новое изслѣдованіе о половецкомъ языкѣ.

[75]) Въ лѣтописи это поле упоминается подъ 1160 г. и 1183 г. (П. С. Р. Л. т. I, ст. 350, 1159 г. т. II, ст. 506, 508, 1160 г. и ст. 628, 1183 г.)

побережью Дона и съ упоминавшимся Половецкимъ полемъ у пронско-рязанскаго пограничья, по лѣвому.[76] На юго-западѣ между Дономъ и Днѣпромъ степи подходили къ границамъ Переяславскаго княжества по среднему и нижнему теченію Ворсклы, по Пслу и Хоролу.

Въ предѣлахъ этихъ степныхъ пространствъ мы и встрѣчаемъ половецкія кочевья, причемъ критеріемъ наличія здѣсь кочевій должны служить лѣтописныя упоминанія о вежахъ, иначе легко будетъ впасть въ ту ошибку, въ какую часто впадали изслѣдователи, принимавшіе за мѣста половецкихъ кочевій всѣ тѣ пункты, въ которыхъ происходили встрѣчи половецкихъ войскъ съ русскими; фактъ такихъ встрѣчъ еще не можетъ служить указаніемъ на наличіе въ данной области кочевій Половцевъ: степняки обычно предпринимали свои набѣги безъ вежъ, оставляя послѣднія далеко позади себя.[77]

Для опредѣленія мѣстъ кочевій можно пользоваться однимъ вспомогательнымъ фактомъ, на который до сихъ поръ не обращалось вниманія: это — время года, въ какое лѣтопись упоминаетъ о вежахъ въ томъ или иномъ мѣстѣ. Если упоминаніе относится къ зимнимъ мѣсяцамъ, то уже a priori можно считать, что лѣтовища этой группы Половцевъ будутъ находиться сѣвернѣе.

Главныя зимовища Половцевъ, какъ увидимъ ниже, были по побережью Азовскаго моря, низовьямъ Дона, по Днѣпру у его пороговъ; однако, иногда нѣкоторыя орды располагались на зимовья и сѣвернѣе. Такъ, напр., зимою 1191 г. упоминаются половецкія вежи гдѣ-то по Осколу, всего вѣроятнѣе по его среднему теченію.[78] Поэтому естественно, что лѣтовища Половцевъ будемъ находить еще сѣвернѣе.

Несмотря на то, что главныя лѣтовища Половцевъ, жившихъ между Дономъ и Днѣпромъ, оставались все же въ значительномъ отдаленіи отъ русскихъ предѣловъ, находясь между р. р. Самарой и Орелью (Угломъ) и на Дону на высотѣ устья

---

[76]) П. С. Р. Л. II, ст. 332, 1146 г. Ср. В. Ляскоронскій, *Исторія Переяславскаго княжества*, изд. 2-е, Кіевъ, 1903, с. 52.

[77]) Такъ напр. Н. Барсовъ, *Очерки русск. историч. географіи*, изд. 2-е, Варшава 1885, с. 164, считалъ на основаніи встрѣчи русскихъ войскъ съ Половцами у р. Мерли въ 1183 г., что южнѣе этой рѣки уже начинались кочевья Половцевъ. Это же повторилъ и П. Голубовскій, *Печенѣги, Торки, Половцы*, Кіевск. Ун. Изв. 1883, № 6, с. 324, какъ доказательство очищенія Половцами всего района сѣвернѣе Мерла. Но лѣтопись упоминаетъ лишь, что русскіе князья встрѣтили Половцевъ („въ четырѣхъ стѣхъ"), которые шли „воєватъ к Роуси" и, сообщая о побѣдѣ Русскихъ надъ этимъ отрядомъ, ничего не говоритъ о взятіи вежъ. Вѣроятно, и Барсова и Голубовскаго ввели въ заблужденіе слова князя Игоря Святославича, иниціатора похода 1183 года, съ которыми этотъ князь обратился къ дружинѣ, выступая изъ Новгорода Сѣверскаго: „Половци ѡборотилисѧ противоу Роускимъ кнѧземъ. и мы... коушаимсѧ на вежахъ ихъ . оударити...". Но вмѣсто вежъ Игорь встрѣтилъ половецкій отрядъ, въ свою очередь шедшій воевать Русь: „да ꙗко бысть за Мѣрломь . и срѣтесѧ с Половци. поѣхалъ бо бѧше Ѡбовлы Костоуковичь. в четырѣхъ . стѣхъ . воєватъ к Роуси..." (П. С. Р. Л. II, ст. 633, 1183 г.).

[78]) Въ 1191 г. князья черниговскіе и сѣверскіе предприняли „на зимоу" походъ на Половцевъ въ районѣ р. Оскола, гдѣ и встрѣтились съ Половцами, которые были здѣсь съ вежами. Повидимому, Русскихъ было немного, т. к. князья „не могоуци сѧ с ними (Половцами) бити. заложивъшесѧ нощью идоша прочь" (П. С. Р. Л. II, ст. 673, 1191 г.). Поэтому, врядъ ли это могъ быть глубокій походъ въ степь, скорѣе это былъ налетъ небольшого отряда, не ушедшаго далеко отъ русскихъ предѣловъ. Теченіе же верхняго и средняго Оскола ближе къ Черниговскому и Новгородъ-Сѣверскому княжеству, чѣмъ нижнее теченіе Оскола.

Оскола, — нѣкоторыя орды, заходили много сѣвернѣе, къ самой лѣсной границѣ, въ тѣ степныя области близъ русскихъ княжествъ, о которыхъ была рѣчь выше (с. 81—82). Такъ, лѣтопись сохранила намъ свѣдѣніе о кочеваніи Половцевъ между Ворсклою и Псломъ у Голтова, близъ Переяславскаго княжества[79] и даже у Варина на среднемъ Удаѣ.[80] Что Половцы кочевали между Ворсклою и Псломъ подтверждаетъ еврейскій путешественникъ XII в. рабби Петахія, разсказывающій, какъ, спустившись по Днѣпру изъ Кіева, онъ черезъ шесть дней достигъ земли Половцевъ;[81] а за шесть дней плаванія можно было быть какъ разъ между устьями Псла и Ворсклы, ближе къ первому.[82] Есть всѣ основанія считать, что Половцы кочевали и на лѣвомъ берегу Сейма, между Курскомъ и Выремъ, „въ полѣ", которое всегда было такимъ опаснымъ для новгородъ-сѣверскаго рубежа.[83] По всей вѣроятности кочевали Половцы и на среднемъ или даже верхнемъ Осколѣ, судя по тому, какъ быстро могли они придти въ 1147 г. на помощь князю Святославу Ольговичу на верховья Оки, къ Мценску.[84] Память о пребываніи здѣсь Половцевъ

[79]) Владиміръ Мономахъ пишетъ, что „вежи ихъ (Половцевъ) взяхомъ шедше . за Голтавомь" (П. С. Р. Л. I, ст. 249, 1094 г.). О времени года похода ничего не извѣстно, но надо полагать, что такъ далеко на сѣверъ въ этомъ районѣ Половцы проникали лишь лѣтомъ. Голтовъ былъ расположенъ близъ устья р. Голты, лѣв. притока Псла (ср. карты къ *Ист. Переяславск. княж.* Ляскоронскаго и къ II тому *Іст. Укр.-Руси* Грушевскаго).

[80]) Въ Поученіи Мономаха: „и потомь с Ростиславом же оу Варина вежѣ взяхомъ" (П. С. Р. Л. I, ст. 249, 1085 г.). Время похода не указано. О мѣстоположеніи Варина см. Грушевскій, *Іст. Укр.-Руси*, II, с. 600 и карту; ср. Барсовъ, *Очерки*, с. 166.

[81]) *Jewisch travellers*, ed. by Elkon Nathan Adler, London, 1930, с. 64. Петахія половецкія степи называетъ землею Кедаръ. Ср. Ѳ. И. Успенскій, *Образованіе второго Болгарскаго царства*, с. 209.

[82]) Ср. тѣ же разстоянія въ то же количество дней при плаваніи по Дону Пимена въ 1389 г. Интересно сравнить извѣстіе Петахія съ Идриси (Géographie d'Edrisi, tr. A. Jaubert, t. 2, Paris 1840, с. 398), сообщающаго, что отъ Кіева до Най, города Куманіи, шесть дней пути. Если вообще есть какое-либо зерно правды во всѣхъ сообщеніяхъ Идриси о половецкой землѣ, то въ данномъ случаѣ надо считать передвиженіе отъ Кіева до половецкого города Най рѣчнымъ путемъ, т. к. сухопутьемъ за 6 дней можно было дойти изъ Кіева (если класть обычные 20—25 верстъ въ день) не дальше р. Супоя, гдѣ никакого половецкаго города, конечно, быть не могло. Да и самый городъ Най не есть ли мѣсто, гдѣ кочевники только на время разбили свои вежи?

[83]) Грушевскій, *Іст. Укр.-Руси*, II, с. 320, 337, 344—5.

[84]) Ипатьевская лѣтопись подъ 1147 г. (П. С. Р. Л. II, ст. 341) сообщаетъ о томъ, какъ къ Святославу новгородъ-сѣверскому, когда онъ былъ у Неренска, пришли „сли (послы) ис Половець ѿтъ оуевъ его . съ Василемъ Половциномъ ѯ҃ (60) чади прислалися бѧхоуть тако рекоуче прашаемъ здоровиꙗ твоего . а коли ны велишь к собѣ со силою прити". Судя по контексту это было въ апрѣлѣ или въ началѣ мая. Какой далъ отвѣтъ Святославъ Половцамъ, мы не знаемъ; но затѣмъ, когда онъ изъ Неренска пришелъ къ Дѣдославлю, лѣтопись отмѣтила, что къ Святославу пришли сперва „дроузии Половци. Токсобичи..." а затѣмъ, немного спустя „...придоша къ немоу Бродници и Половци придоша къ нему мнози . оуеви его" (ib., ст. 342), т.-е. тѣ Половцы, послы которыхъ приходили подъ Неренскъ. Отъ перваго прихода пословъ до появленія всей орды, судя по описываемымъ событіямъ, прошло всего дней 15—20 (Святославъ за это время успѣлъ лишь пройти, м. б. даже съ остановками, изъ Неренска черезъ Дѣдославль къ Мценску, т. е. разстояніе верстъ въ 300, если считать по 20 верстъ похода въ день). За это время половецкіе послы для того, чтобы изъ Неренска съѣздить въ степь и вернуться со всей ордою, могли пройти туда и обратно не болѣе 600 верстъ и, т. к. Святославъ изъ Неренска въ Мценскъ шелъ на югъ, то послы изъ подъ Неренска до расположенія всей орды должны были идти дольше, чѣмъ шла вся орда изъ степей къ Мценску навстрѣчу со Святославомъ. Если положить 400 в. на дорогу посламъ въ орду и 200 в. на переходъ всей орды къ Мцен-

находимъ въ названіи „половецкихъ лѣсковъ" по р. Зушѣ (притокъ Оки), около Новосиля.[85] Все это свидѣтельствуетъ, что Половцы проникали сѣвернѣе Курска и Ельца, этихъ оплотовъ Руси со строны степей. Вѣроятно именно сюда, на верховья Дона, собирался въ 1185 г. великій князь Святославъ Всеволодовичъ „ити на Половци к Донови на все лѣто", „лѣтовати на Донѣ", т. е. стеречь, чтобы Половцы, во время своихъ лѣтнихъ кочевій, не подходили близко къ сѣверскимъ предѣламъ и не безпокоили приграничныхъ областей.[86] Къ тому же, черезъ Курскъ и Елецкъ проходилъ древній торговый путь на Рязань и Муромъ, въ сѣверо-восточную Русь,[87] также, очевидно, нуждавшійся въ охранѣ отъ Половцевъ.

Итакъ, сѣверными предѣлами кочеванія Половцевъ между Дономъ и Днѣпромъ были степныя пространства верховьевъ Дона, Оки, бассейнъ Быстрой Сосны, далѣе на юго-западъ „поле" между верховьями Сейма и Псла, замыкавшееся рѣкою Лохнею (притокомъ Сейма); еще дальше на юго-западъ Половцы были хозяевами теченія Ворсклы и Псла, а иногда заходили со своими вежами даже за Хоролъ и Сулу (впрочемъ, такъ далеко на западъ удавалось проникать Половцамъ лишь въ годы наибольшаго ихъ натиска на Русь — въ концѣ XI и началѣ XII в.). Все пространство отъ Псла и Ворсклы на востокъ, все теченіе Оскола, до его впаденія въ Донъ, было „половецкимъ полемъ".[88]

ску, то въ такомъ случаѣ главная масса Половцевъ во время переговоровъ ихъ пословъ со Святославомъ была не южнѣе верховьевъ Оскола. Кромѣ того нами не учтено то, что и главная масса Половцевъ за время отсутствія своихъ пословъ, вѣроятно, подвигалась на сѣверъ: это какъ разъ было время перехода на лѣтовища. Все сказанное вполнѣ согласуется съ приведеннымъ выше на с. 82, пр. 78 нашимъ предположеніямъ о зимовищахъ Половцевъ на среднемъ Осколѣ.

[85]) М. К. Любавскій, *Историческая географія Россіи въ связи съ колонизаціей*, с. 52.

[86]) П. С. Р. Л. II, ст. 645, 646. Невозможно допустить, чтобы Святославъ лѣтомъ отправился къ низовьямъ Дона, откуда въ это время года Половцы откочевывали на сѣверъ.

[87]) А. Спицынъ, *Торговые пути Кіевской Руси*. Сборникъ статей, посвященныхъ С. Ф. Платонову, СПБ, 1911, с. 250.

[88]) П. Голубовскій, *Печенѣги, Торки, Половцы до нашествія Татаръ*, Кіевск. Унив. Изв. 1883, № 5, с. 253—261, № 6, с. 323—7, № 9, с. 409, предполагалъ, что съ сер. XII в. Русь создала противъ Половцевъ цѣлую систему военно-сторожевыхъ укрѣпленій — на верховьяхъ Псла, Ворсклы, Сѣвернаго Донца и его притоковъ. Слѣды такихъ укрѣпленій Голубовскій видѣлъ въ рядѣ городищъ (Липецкомъ, Городецкомъ, Азацкомъ, Михайловскомъ — на Пслѣ; въ Хотмыжскомъ, Каменномъ, Кукуевомъ, Немѣровскомъ, Скельскомъ, Бѣльскомъ — на Ворсклѣ; Высокопольскомъ и Коломацкомъ — на Коломакѣ; Хазарскомъ, близъ Можа; Кукулевскомъ, Зміевомъ, — на Можѣ; Хорошевомъ, Кобановомъ, Донецкомъ Мохначскомъ — на Удѣ; Бѣлгородскомъ, Нижегольскомъ, Салтовскомъ, Катковскомъ, Гумниньемъ, Чугуевскомъ — на Донцѣ) и дѣлалъ выводъ, что „южная граница сѣверской земли шла отъ устья р. Оскола, Донцомъ до впаденія въ него р. Можа и берегомъ Можа до р. Ворсклы"; Переяславское княжество также, по мнѣнію Голубовскаго, имѣло свою „боевую область", простиравшуюся отъ Сулы до низовьевъ Ворсклы. „Всѣмъ тремъ природнымъ оборонительнымъ линіямъ, образуемымъ Псломъ, Ворсклою и Коломакамъ-Можемъ соотвѣтствуетъ три ряда укрѣпленій" (перечисленныя выше городища). Этотъ взглядъ Голубовскаго повторилъ В. Ляскоронскій въ *Исторіи Переяславскаго княжества*, К. 1903, с. 52—3 и В. А. Городцовъ, *Опредѣленіе юговосточныхъ границъ домонгольской Руси начала XIII в.*, Труды XIII Археол. съѣзда, т. II, М. 1908, Протоколы, с. 141. О. Андріяшев, *Нарис історії колонизаци Сіверської землі до початку XVI віку*, Зап. Іст.-Філол. Від. Всеукр. Акад. Наук, кн. XX, у Киïві, 1928, считалъ всю область до устья Оскола не боевой, а просто колонизированной (с. 107, 111). Особенно при этомъ указывалось на существованіе города Донца (упомянутаго въ лѣтописи подъ 1185 г.), черезъ который бѣжалъ

Игорь Святославичъ изъ половецкаго плѣна (П. С. Р. Л. II, 65) „иде [Игорь] пѣшь аі . день . до города Донца . и оттолѣ иде во свои Новъгородъ"). Донецъ отождествляли съ нын. Донецкимъ городищемъ (имѣющимъ, м. проч., и другое названіе — Шаруканево) и считали „окраиннымъ городомъ на югѣ Курскаго княжества" (Багалѣй, *Исторія сѣверской земли*, К. с. 131) или вообще „крайнимъ со стороны половецкой степи русскимъ городомъ" (В. Е. Данилевич, *Донецкое городище и город Донец*, Археолог. лѣтопись южной Россіи, 1904, с. 185). Однако, уже Грушевскій, *Іст. Укр.-Руси*, II, с. 346—7 подвергъ сомнѣнію существованіе такой системы укрѣпленій на Сѣверномъ Донцѣ. Дѣйствительно, до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ — къ какому времени относятся донецкія городища (большинство ихъ не было до сихъ поръ раскопано) и были ли они обитаемы въ половецкую эпоху. Тѣ же городища, въ которыхъ производились раскопки, какъ напр. въ Салтовскомъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что къ концу IX в. они уже не были обитаемы (Ю. Готье, *Кто был обитателем Верхнего Салтова?* Изв. Гос. Ак. Ист. Мат. Культ., V, Л. 1927, с. 84); если бы даже оказалось, что они были обитаемы въ XI—XIII вв., то все же врядъ ли позволительно было бы считать ихъ русскими военными форпостами, составлявшими сѣть пограничныхъ укрѣпленій. При примитивности подобнаго рода укрѣпленій даже подъ самымъ Кіевомъ (см. мою статью *Печенѣги, Торки и Берендѣи на Руси и въ Угріи*, с. 57), трудно представить, что бы такая сложная система существовала на окраинѣ Новгородъ-Сѣверскаго княжества. На протяженіи всего половецкаго періода ничто не указываетъ на ея наличіе. Жители на Сѣверномъ Донцѣ врядъ ли могли сохранить независимость и не подпасть подъ власть кочевниковъ, будучи окружены съ запада, юга и востока половецкими кочевьями, а съ сѣвера отдѣлены отъ основного ядра населенія Новгородъ-Сѣверскаго княжества „полемъ" (между верховьями Ворсклы и Псла), въ которомъ хозяевами были тѣ же Половцы. Какъ увидимъ ниже, такого осѣдлаго населенія, зависимаго отъ кочевниковъ, было немало въ причерноморскихъ степяхъ. Городкомъ съ подобнымъ населеніемъ и могъ быть Донецъ, черезъ который бѣжалъ Игорь въ 1185 г.

Лѣтописныя свѣдѣнія убѣждаютъ насъ въ томъ, что и у Днѣпра, въ Переяславской области, границы Руси были нѣсколько сѣвернѣе, по Сулѣ (ср. Л. В. Падалка, *По вопросу о времени основанія города Полтавы*, Чтенія въ Ист. Общ. Нестора-лѣтописца, X, К. 1896, с. 16—18 и М. Грушевскій, *Іст. Укр. Руси* II, с. 347), а не по Ворсклѣ (какъ считали Н. Барсовъ, *Географія начальной лѣтописи*, с. 160—4, П. Голубовскій, *Печенѣги, Торки, Половцы*, Кіевск. Унив. Изв. 1883 г., № 1, с. 14, № 5, с. 260 и В. Ляскоронскій, *Исторія Переяславск. княж.*, с. 53, 164). Это, конечно, не исключило возможности существованія русскихъ поселеній южнѣе Сулы, но такія поселенія не могли бы быть военно-сторожевыми постами Переяславскаго княжества; скорѣе эти русскіе островки находились подъ властью Половцевъ. Совершенно нельзя принять высказанное В. Ляскоронскимъ мнѣніе, что между Ворсклой и Орелью (а по Ляскоронскому — лишь за Орелью начиналось половецкое поле) кочевали Черные Клобуки, которые „то переходили на сторону Русскихъ, то тяготѣли къ степнякамъ" (*Русскіе походы въ степи въ удѣльно-вѣчевое время и походъ кн. Витовта на Татаръ въ 1399 г.*, Ж. М. Н. Пр. 1907, май, с. 16; ср. апрѣль, с. 287). Черные Клобуки здѣсь никогда не кочевали, а всегда жили на русскомъ пограничьи, — по Сулѣ въ Переяславскомъ княжествѣ и въ Поросьи — въ Кіевскомъ (ср. *Печенѣги, Торки и Берендѣи на Руси и въ Угріи*, с. 52—60).

Д. Расовскій.

Прага.

СТАНОЕ СТАНОЕВИЧЪ †

30-го іюля этого года скончался Станое Станоевичъ, выдающійся сербскій историкъ, профессоръ бѣлградскаго университета и дѣйствительный членъ сербской королевской академіи наукъ. Покойный родился 12-го августа 1874 г. въ Новомъ Саду. Высиее образованіе получилъ въ Вѣнѣ, гдѣ, какъ ученикъ Иречека, въ 1896 г. окончилъ университетъ со степенью доктора философіи. 1897-98 г. г. провелъ въ Россіи, слушая лекціи въ петербургскомъ и московскомъ университетахъ; своимъ учителемъ, наряду съ К. Иречекомъ и К. Крумбахеромъ, онъ считалъ всегда В. Г. Васильевскаго. Въ тѣсномъ соприкосновеніи съ русской наукой, въ частности съ сотрудниками Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ, пребывалъ Станоевичъ и въ 1898-99 г. г., когда состоялъ преподавателемъ сербской гимназіи въ Константинополѣ. Въ 1900 г. онъ работалъ по византологіи у Крумбахера въ Мюнхенѣ. Вскорѣ послѣ этого молодой ученый былъ избранъ доцентомъ, а въ 1905 г. и экстраординарнымъ профессоромъ бѣлградскаго университета по каѳедрѣ сербской исторіи. Онъ участвовалъ въ балканской и великой войнѣ, а послѣ оккупаціи Сербіи отправился опять въ Россію и въ теченіе двухъ семестровъ читалъ лекціи въ петербургскомъ университетѣ. Послѣ революціи 1917 г. читалъ лекціи въ Сорбоннѣ и лондонскомъ университетѣ, а на мирной конференціи въ Парижѣ участвовалъ въ качествѣ члена историческо-этнографической секціи сербской делегаціи. Съ 1919 года и до своей кончины Станоевичъ состоялъ ординарнымъ профессоромъ бѣлградскаго университета, читая сербскую исторію, разработкѣ которой и была посвящена его въ высшей степени интенсивная и плодотворная научная дѣятельность, давшая огромное количество спеціальныхъ изслѣдованій и цѣлый рядъ обобщающихъ трудовъ.

Въ своихъ обобщающихъ трудахъ Станоевичъ трактовалъ исторію сербскаго народа на всемъ ея протяженіи, отъ разселенія славянъ до новѣйшаго времени (ср. его извѣстную книгу „Историја Српскога Народа", 3. изд., Бѣлградъ 1926). Но главнымъ образомъ его привлекала средневѣковая сербская исторія и ей посвящены всѣ многочисленныя его изслѣдованія. Занятія средневѣковой исторіей Сербіи естественно сопрягались съ занятіемъ византологіей, мимо которой не можетъ пройти ни одинъ изслѣдователь средневѣковой исторіи южныхъ славянъ. Проблемы византійской исторіи интересовали Станоевича особенно. Еще въ началѣ вѣка онъ посвятилъ византійско-славянскимъ отношеніямъ двухтомное сочиненіе: „Византија и Срби" (Новый Садъ 1903—1906). До конца жизни онъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за византологической наукой и обладалъ знаніями настоящаго византолога-спеціалиста. Въ области исторіи средневѣковой Сербіи онъ разрабатывалъ самыя различныя темы, цѣлый рядъ статей посвятилъ обслѣдованію источ-

никовъ и проблемамъ хронологіи, далъ послѣдовательно монографическія характеристики всѣхъ государей династіи Неманичей, особенное вниманіе посвятилъ изученію біографіи и дѣятельности св. Саввы, о которомъ опубликовалъ въ послѣдніе годы нѣсколько очень цѣнныхъ изслѣдованій, а также и популярную книгу для широкихъ круговъ читателей. Особо надлежитъ отмѣтить работы Станоевича въ области сербской дипломатики: подъ общимъ заглавіемъ „Студије о српској дипломатици" онъ опубликовалъ въ органѣ сербской академіи наукъ 28 статей или главъ (первая глава: Глас 90, 1912; заключительная глава: Глас 169, 1935), въ которыхъ далъ всесторонній анализъ сербскихъ средневѣковыхъ грамотъ. Въ послѣдніе годы Станоевичъ приступилъ къ обширному труду по культурной исторіи Сербіи, разсчитанному на десять томовъ. Печатаніе перваго тома онъ заканчивалъ въ послѣдніе дни своей жизни и одновременно заканчивалъ писаніе второго тома, который, какъ и первый, посвященъ анализу источниковъ и исторіи ихъ изученія. Дальнѣйшій планъ остался невыполненнымъ, прерванный смертью, которая неожиданно положила конецъ большой и плодотворной научной дѣятельности. Цѣлый рядъ значительныхъ начинаній въ области исторической науки въ Югославіи руководился имъ. Онъ былъ и главнымъ редакторомъ новаго югославянскаго историческаго журнала („Југословенски Историски Часопис"), успѣвшаго уже занять почетное мѣсто въ международной наукѣ.

Въ лицѣ Станоевича историческая наука понесла большую и невознаградимую утрату. Онъ былъ настоящій ученый-изслѣдователь, выдѣлявшійся огромными знаніями и широкимъ кругозоромъ. Онъ былъ также добрый, благожелательный и отзывчивый человѣкъ, и кончина его для его друзей и сотрудниковъ является тяжкой личной утратой.

Покойный сербскій историкъ былъ почетнымъ членомъ нашего Института. Въ слѣдующемъ томѣ Анналовъ Института появится посмертно его статья: „Сѣрскій Митрополитъ Іаковъ".

Г. Острогорскій.

Бѣлградъ.

БИБЛIОГРАФIЯ

Kurt Weitzmann, *Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts*, mit 94 Abbildungen im Text und 93 Lichtdrucktafeln. Archäologisches Institut des Deutschen Reiches. Abteilung Istanbul. Verlag Gebr. Mann, Berlin 1935, p. XVI + 93.

Le beau livre de M. Weitzmann est une contribution très importante aux études de l'art byzantin. Il nous apporte le résultat d'une étude approfondie de plus de deux cents manuscrits enluminés et illustrés, qui en bonne partie n'avaient pas été publiés ni même signalés jusqu'ici à l'attention des historiens de l'art. Certes, M. W. ne nous revèle aucun chef-d'œuvre nouveau, mais il élargit considérablement la base même des recherches des archéologues „byzantinistes", et ceci est d'autant plus précieux qu'il s'est attaché à l'un des domaines les plus importants de l'art proprement byzantin: après tant de publications récentes consacrées à des œuvres de „seconde zône" qui ne font que refléter l'art de Byzance, on retrouve avec plaisir son œuvre originale et de la meilleure époque.

M. W. n'a pas eu moins de mérite en établissant, à diverses occasions, des points de ressemblance ou de contact entre la peinture des ms. byzantins et l'art contemporain, en Occident. Les études de l'art byzantin ne manqueront pas de tirer profit de pareilles comparaisons qu'on souhaiterait plus fréquentes, dans les recherches sur l'œuvre artistique de Byzance. Cette heureuse initiative nous rapelle, d'autre part, les „origines" de M. W., formé à une excellente école d'historiens de l'art du moyen-âge occidental.

Mais en faisant profiter les études byzantines de ses connaissances en matière d'art des pays latins, M. W. est peut-être allé trop loin, lorsqu'il a voulu grouper les monuments grecs d'après un certain nombre d'„écoles" locales, comme en Occident. L'absence d'indications écrites sur leur lieu d'origine, dans la plupart des ms. byzantins, diminue singulièrement les chances d'une pareille entreprise, qui se heurte, en outre, au fait essentiel de l'influence de la capitale de l'Empire sur l'activité des ateliers de province. Dans un état aussi centralisé qu'a été Byzance aux IXe et Xe siècles, il n'y a guère d'espoir de retrouver des conditions semblables à celles de l'Europe Occidentale au haut moyen-âge, où les „écoles" d'art se laissent circonscrire assez aisément. Encore faut-il dire que — pour les mêmes raisons sans doute — on recontre de sérieuses difficultés en voulant attribuer à des localités déterminées les divers groupes de monuments carolingiens, c.-à-d. des œuvres en grande partie inspirées par une cour impériale.

Du reste, M. W. a vu lui-même les difficultés qui l'attendaient. Mais il a cru pouvoir les circonvenir en prenant souvent pour base de ses groupements par „écoles" locales, non les miniatures, mais les ornamentations. Car, d'après lui, les modestes motifs de pure décoration garderaient plus fidélement les traditions locales, en nous permettant ainsi de mieux discerner la production d'ateliers particuliers.

J'avoue que pour ma part je ne partage pas l'opinion de M. W. sur les avantages de cette méthode qui voudrait remplacer — ou du moins complèter — le mode de classement proposé naguère par N. P. Kondakov et appliqué depuis, avec succès, par tous les spécialistes, à savoir: groupement des manuscrits illustrés d'après leur sujet (illustrations de la Bible, du Psautier, etc.), puis d'après les „familles" relevant du même „ancêtre" ou phototype. Si abstraite que soit cette méthode — elle n'empèche d'ailleurs pas des récoupements par époques — elle semble plus appropriée aux conditions spéciales de la pratique des arts à Byzance. Quant aux particularités des „genres" locaux, après la Crise Iconoclaste, il est peut-être plus raisonnable pour l'instant de s'en tenir à la seule distinction des œuvres „byzantines" et „gréco-orientales".[1] Et encore ne perdra-t-on pas de vue qu'en admettant cette distinction entre

[1]) Les manuscrits grecs d'Italie se reconnaissent facilement. Ils forment un groupe spécial.

deux „manières" différentes, on songe plutôt à marquer le lieu d'origine de certains *types* d'images que le lieu d'exécution d'un monument donné.

Je me demande, en outre, s'il est permis d'affirmer que les ornamentations, dans les manuscrits, offrent plus de garantie de fidélité aux traditions locales que les miniatures? Ne voit-on pas, au contraire, des motifs aussi faciles à reproduire et à imiter que la plupart des motifs ornamentaux, passer d'atelier à atelier et d'un pays à l'autre sans modifications notables (voy. l'expansion du „style zoomorphe")? Et dans le cadre même des enluminures byzantines étudiées par M. W. que de répétitions, de reprises de motifs semblables, dans des ms. très différents par ailleurs! Il me semble donc que le répertoire ornamental des ms. devait bien se transmettre d'un atelier à l'autre avec la même facilité que le répertoire iconographique et que par conséquent telle ornementation ne se trouve pas plus attachée à l'art d'un point quelconque de l'Empire byzantin qu'une miniature à personnages qu'on pouvait recopier à n'import quelle distance du lieu d'origine le son prototype. Je dirais même que la miniature, si impersonnelle qu'elle soit, est généralement plus riche en enseignements de toute sorte: si ce n'est l'iconographie, c'est le style, ou la gamme, ou la technique, ou tel détail de la présentation, qui nous offrent des chances de perser l'anonymat de l'œuvre donnée et de la replacer dans son milieu. Il est rare qu'une ornementation, même savante, puisse nous conduire aussi loin, et c'est une raison de plus pour nous de ne pas trop nous fier à la méthode du classement qui s'appuie sur les données des ornementations.

Ceci dit, reconnaissons toute l'utilité et tout l'interêt des minutieux et suggestifs rapprochements des ornementations, dans d'innombrables manuscrits que nous offre le livre de M. W. Grâce à cette recherche capitale, nous commençons à voir clair dans le fonds ornemental si riche et si varié de l'art byzantin, tel qu'il se présente au lendemain de la Crise Iconoclaste. Nous devons à M.W. d'avoir fait entrer dans l'Histoire un grand nombre de faits qui jusqu'ici avaient été injustement tenus à l'écart.

Une étude aussi substantielle que celle de M. W. appelle notre attention sur bien des points restés plus ou moins obscures de l'évolution de l'art byzantin. Ses caractéristiques de la plupart des cycles de miniatures les plus célèbres nous ont semblé excéllentes. La date (IXe siècle) proposée pour le Cosmas du Vatican est indiscutable, et pour ma part j'adopterais aussi celles que M. W. atribue au rotulus du Vatican et au Petropol. 21. Par contre, je diminuerais volontiers le rôle créateur que M. W. assigne aux peintres des manuscrits antiquisants du IXe siècle. Toutes les compositions symétriques ne sont par leur œuvre: les livres antiques illustrés les ont connues et patiquées bien avant les peintres des empereurs Macédoniens. Ceux-ci ont bien pu connaîtres ces modéles, et aussi facilement que les illustrations en frises. Autre chose: la peinture antique n'avait pas ignoré non plus cette imagerie „psychologique" où les héros d'une „histoire" sont accompagnés des personnifications de leurs passions ou de leurs vertus, etc. (voy. notamment les fresques hellénistiques récemment exhumées, en Egypte, par MM. Perdrizet et Gabra). Les prototypes des miniatures d'un Par. 139, par exemple, devaient présenter déjà toutes ces particularités, ainsi que plusieurs autres que M. W. attribue au génie créateur de la „Renaissance" du IXe siècle.

Notons, enfin, avant de terminer, qu'il paraît peu vraisemblable que le groupe des miniatures „à figures dorées" (Par. gr. 923, Ambros. 49—50) puisse provenir de l'Italie méridionale. Après d'autres, nous les attribuons à des ateliers „gréco-orientaux", p. ê. palestiniens. Ces œuvres se distinguent, d'ailleurs, des autres peintures gréco-italiennes étudiées par M. W. et qui forment un groupe très homogène.

Le lecteur de l'ouvage de M. W. y trouvera une mine de renseignements utiles que nous regrettons de ne pouvoir relever, dans le cadre d'un compte-rendu. M. W. a mis entre les mains des spécialistes une sorte de guide à travers la miniature byzantine du temps de sa floraison, et il en a fait apparaître toute la richesse.

Strasbourg, 1937. *A. Grabar.*

André Grabar, *L'empereur dans l'art byzantin. Recherches sur l'art officiel de l'Empire d'Orient* (Publications de la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg, fasc. 75). Paris 1936. 8^{0}, 296 p., XL planches.

Современная наука неслучайно обращаетъ все большее вниманіе на проблему средневѣкового портрета, въ частности и особенности на проблему портрета государей средневѣковья. Какъ съ археологической, такъ и съ культурно-исторической точки зрѣнія изображенія средневѣковыхъ государей представляютъ выдающійся

интересъ. Помимо многочисленныхъ спецiальныхъ изслѣдованiй, въ недавнее время появился и цѣлый рядъ синтетическихъ трудовъ, дающихъ систематическiй анализъ портретовъ государей отдѣльныхъ средневѣковыхъ странъ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ назвать монументальный трудъ П. Шрамма, который далъ обширное и весьма цѣнное изслѣдованiе объ изображенiяхъ германскихъ императоровъ и королей въ эпоху отъ 751 до 1152 г. съ альбомомъ портретовъ, сохранившихся въ современныхъ или близкихъ по времени памятникахъ: P. E. Schramm, Die deutschen Kaiser und Könige in Bildern ihrer Zeit I, Leipzig—Berlin 1928. Много вниманiя посвящалось въ отдѣльныхъ изслѣдованiяхъ и изображенiямъ средневѣковыхъ государей южно-славянскихъ странъ, а о портретахъ государей средневѣковой Сербiи недавно появился и общiй, сводный трудъ: С. Радојчић, Портрети српских владара у Средњем Веку, Скопље 1934. Собранiе изображенiй средневѣковыхъ румынскихъ государей опубликовалъ N. Jorga, Domnii Romăni dupa portrete şi fresce contemporane, Sibiin 1930.

Изображенiями византiйскихъ царей много занимался покойный Спиридонъ Ламбросъ. Однако, результатъ его трудовъ, — посмертное изданiе альбома портретовъ византiйскихъ императоровъ (Σπ. Λάμπρος, Λεύκωμα βυζαντινῶν αὐτοκρατόρων, Аѳины 1930), — не можетъ удовлетворить даже самыхъ скромныхъ требованiй. Комментарiй весьма жиденькiй, цѣлый рядъ извѣстныхъ и очень важныхъ изображенiй въ альбомѣ отсутствуетъ, а опубликованы въ огромномъ количествѣ миніатюры позднѣйшаго времени, не имѣющiя ни историческаго ни художественнаго значенiя.

Тѣмъ болѣе слѣдуетъ привѣтствовать появленiе книги А. Н. Грабаря, который, какъ выдающiйся знатокъ памятниковъ византiйскаго искусства, съ присущимъ ему историческимъ чутьемъ и пониманiемъ, даетъ блестящiй анализъ царской иконографiи въ Византiи. Книга изобилуетъ новыми, интересными мыслями, важными какъ для историка, такъ и для историка искусства. Можно сказать, что А. Н. Грабаръ впервые поставилъ правильнымъ образомъ проблему византiйскаго „царскаго" искусства. Уже въ предшествующихъ своихъ работахъ А. Н. Грабаръ подчеркивалъ, что свѣтское, царское искусство въ Византiи играло гораздо большую роль, чѣмъ это принято думать. Особенно интересна въ этомъ отношенiи его статья, появившаяся въ органѣ нашего института два года тому назадъ: Les fresques des escaliers à Sainte-Sophie de Kiev et l'iconographie impériale byzantine, Semin. Kond. 7 (1935) 103 squ. Въ своей новой книгѣ авторъ стремится показать, что византiйская „монархическая религiя", точно такъ же какъ христiанская вѣра, выражала въ искусствѣ свои идеи и ученiя. Книга А. Н. Грабаря построена по иному плану, чѣмъ выше приведенные труды Шрамма, Радойчича и Ламброса. Прежде всего А. Н. Грабаръ старается уловить типическiя черты византiйскихъ царскихъ изображенiй, въ которыхъ отражаются идеи о характерѣ царской власти, а менѣе вниманiя обращаетъ на индивидуальныя особенности портретовъ отдѣльныхъ царей и не пытается дать полную коллекцiю всѣхъ извѣстныхъ изображенiй византiйскихъ царей: „C'est l'Empereur et non pas les empereurs dans l'art byzantin... que j'ai essayé de reconnaître en interrogeaut les oeuvres de l'art des basileis".

Въ первой части своей книги (стр. 1—122) А. Н. Грабаръ разсматриваетъ главныя темы византiйской царской иконографiи. Помимо различныхъ царскихъ портретовъ въ точномъ смыслѣ слова, могутъ быть выдѣлены двѣ основныя группы: изображенiя царя въ его отношенiяхъ къ мiру и людямъ и изображенiя его въ отношенiи къ Христу. Въ послѣдней группѣ авторъ различаетъ три основныхъ мотива: подношенiе даровъ Христу, поклоненiе Ему (проскинеза) и принятiе изъ рукъ Спасителя царскаго вѣнца. Первая, „свѣтская", группа содержитъ значительно большее число различныхъ мотивовъ. Особенно многочисленны типы трiумфальныхъ изображенiй, прославляющихъ царскiе подвиги. Сюда авторъ, совершенно справедливо, относитъ и изображенiя игръ въ ипподромѣ и царской охоты. Его изслѣдованiя этихъ сюжетовъ особенно любопытны и поучительны. Нужно подчеркнуть, что авторъ опирается не только на сохранившiеся памятники, но и на встрѣчающiяся у византiйскихъ писателей описанiя и упоминанiя не дошедшихъ до насъ изображенiй. Эти описанiя и упоминанiя А. Н. Грабаръ собралъ и изучилъ съ большой тщательностью.

Подѣливъ на группы и изучивъ основныя темы византiйской царской иконографiи, авторъ во второй части (стр. 123—187) изслѣдуетъ историческое развитiе этого искусства, а въ третьей части (стр. 189—261) разсматриваетъ соотношенiе свѣтскаго и церковнаго искусства

въ Византіи. Выводы общаго культурно-историческаго значенія, къ которымъ приходитъ А. Н. Грабаръ прежде всего путемъ изученія археологическихъ памятниковъ, въ главномъ совершенно согласны съ тѣми положеніями, которыя въ новѣйшее время защищаютъ византологи-историки на основаніи изученія литературныхъ источниковъ. Какъ сама идея о царствѣ и царской власти въ Византіи покоится на римско-эллинистическихъ основахъ, такъ и вся царская иконографія отправляется отъ римско-эллинистическихъ истоковъ. На этомъ авторъ совершенно справедливо настаиваетъ и очень убѣдительно доказываетъ это положеніе на цѣломъ рядѣ разнообразныхъ примѣровъ. Пресловутый вопросъ Стриговскаго „Римъ или Востокъ", когда-то столь волновавшій науку, сейчасъ уже представляется не только слишкомъ заостреннымъ, но и слишкомъ упрощеннымъ. Ни азіатскій Востокъ ни классическій Римъ не былъ основой византійской культуры и византійскаго искусства. Ихъ основой былъ римско-эллинистическій міръ, воспринявшій восточные элементы еще въ „довизантійское" время. Это доказываютъ новѣйшія историческія работы, не исключая и спеціальныхъ изслѣдованій о жизни и церемоніалѣ византійскаго двора, это же доказываетъ и трудъ А. Н. Грабаря о царской иконографіи.

Средневѣковый періодъ византійскаго царства для А. Н. Грабаря начинается съ VII в., и въ этомъ онъ опять-таки сходится съ новѣйшими воззрѣніями византинистовъ-историковъ. Иконоборческая эпоха, по весьма интересному мнѣнію А. Н. Грабаря, въ сферѣ искусства явилась попыткой возврата къ „римскимъ" взглядамъ, характернымъ для ранне-византійскаго періода, — какъ, въ сферѣ государственной жизни, попыткой возврата къ „римскимъ" началамъ представляются историку цезаропапистскія устремленія царей-иконоборцевъ.

Возрожденіе церковнаго искусства послѣ возстановленія иконопочитанія ни въ какой мѣрѣ не нанесло ущерба свѣтскому искусству. Напротивъ, въ эпоху Македонской династіи наступаетъ новый расцвѣтъ царской иконографіи, которая обогащается новыми мотивами. Лишь въ поздне-византійское время наблюдается извѣстный упадокъ царской иконографіи: „ренессансъ" искусства при Палеологахъ выражается главнымъ образомъ въ религіозной живописи. Здѣсь опять можно отмѣтить, что памятники византійской письменности показываютъ вполнѣ сходную эволюцію царской идеи въ Византіи: обряды царскаго вѣнчанія въ эпоху Палеологовъ (у Кодина, у Псевдо-Кодина) имѣютъ еще болѣе ярко выраженный церковный характеръ, чѣмъ тѣ же обряды въ Книгѣ о церемоніяхъ Константина Порфиророднаго, не говоря уже о свѣтскихъ по преимуществу, римскихъ обрядахъ ранне-византійскаго времени.

Совершенно соглашаясь съ авторомъ въ основномъ и главномъ, позволю себѣ сдѣлать лишь нѣсколько замѣчаній по поводу нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ. Не совсѣмъ понятно, почему мозаику съ изображеніями Константина Великаго и Юстиніана въ храмѣ св. Софіи А. Н. Грабаръ относитъ къ XI в. (стр. 109 и сл.); датировка Уитмора X в. представляется убѣдительнѣе. — На стр. 112 авторъ говоритъ, что обычай поднятія на щитъ царя послѣ провозглашенія „удержался" до XIV в. Между тѣмъ, повидимому, этотъ обычай, хорошо извѣстный въ ранне-византійское время, въ теченіе ряда столѣтій совершенно не примѣнялся (никакихъ слѣдовъ его примѣненія въ средне-византійскую эпоху нѣтъ), и появился вновь — вѣроятно, подъ западнымъ вліяніемъ — лишь въ поздне-византійскій періодъ. — Важнѣе вопросъ, правильно ли мнѣніе А. Н. Грабаря, что иконографическій типъ символическаго коронованія царя Спасителемъ появляется только во время Василія I, „т. е. во время, когда окончательно устанавливается о б р я д ъ коронованія какъ ц е р к о в н а я церемонія, совершаемая патріархомъ" (стр. 113, ср. и 116—117). Правда, авторъ высказывается очень осторожно („autant qu'il nous est permis d'en juger"), а данныхъ о болѣе старыхъ изображеніяхъ этого типа, повидимому, дѣйствительно не сохранилось. Но, если позволительно сдѣлать извѣстныя заключенія на основаніи исторіи коронаціоннаго о б р я д а, то нужно указать, что обрядъ царскаго вѣнчанія получилъ характеръ церковной церемоніи задолго до Василія I. Обрядъ, описанный у Константина Порфиророднаго въ De Cerim. I, cap. 38a, относится не ко времени Константина VII, а къ первой четверти IX в. (ср. Ostrogorsky—Stein, Byzantion 7, 1932, 190 и сл.). Изъ VIII и VII в. до насъ не дошло ни одного сколько-нибудь подробнаго описанія царскаго вѣнчанія, но въ De Cerim. I, cap. 43a дано описаніе кесарскаго вѣнчанія, которое относится къ 769 г. (ср. Diehl, Études byzantines 1905, 293 sqn., а для уточненія даты мое изслѣдованіе въ Byz.-Neugr. Jahrb. 7, 1930, 20),

и этотъ обрядъ имѣетъ уже чисто церковный характеръ. Не подлежитъ, поэтому, ни малѣйшему сомнѣнію, что такой же характеръ имѣли и царскія вѣнчанія VIII в., а по всей вѣроятности уже и VII в. Напротивъ, еще въ VI в. царскія вѣнчанія носили преимущественно свѣтскій характеръ, хотя самый обрядъ коронаціи уже съ середины V в. неизмѣнно совершалъ патріархъ. — О миніатюрѣ Cod. Vatic. Urbin. 2, которую А. Н. Грабаръ (с. 119) по нашему мнѣнію датируетъ неправильно, мы публикуемъ спеціальное изслѣдованіе въ слѣдующемъ томѣ Анналовъ института Н. П. Кондакова.

Прекрасная работа А. Н. Грабаря, результаты которой мы изложили лишь въ самыхъ главныхъ чертахъ и потому весьма суммарно, совершенно по новому ставитъ передъ наукой проблему „царскаго" искусства. Послѣ этой работы особенно желательно было бы изданіе всѣхъ извѣстныхъ и имѣющихъ историческую цѣнность изображеній византійскихъ царей — въ хронологическомъ порядкѣ, съ научнымъ комментаріемъ, въ которомъ бы давалось историческое и археологическое обслѣдованіе привлекаемыхъ памятниковъ. Эту задачу, столь же важную и привлекательную, сколь и трудную, конечно, никто не могъ бы выполнить лучше, чѣмъ А. Н. Грабаръ, соединяющій исчерпывающее знаніе памятниковъ византійскаго искусства съ большой исторической интуиціей.

Бѣлградъ. *Г. Острогорскій.*

Harold R. Willoughby. *The four gospels of Karahissar.* Vol. II. The cycle of Text illustrations. The University of Chicago Press. Chicago, Illinois 1936. In 8°, 494 стр. + CXXXV таблицъ.

Книга представляетъ весьма добросовѣстное изслѣдованіе лицевого четвероевангелія Публичной Библіотеки (Гр. № 105), пріобрѣтеннаго въ серединѣ XIX-го вѣка русскимъ посломъ въ Константинополѣ Титовымъ въ Карагиссарѣ въ Малой Азіи. По времени рукопись должна быть близкой къ Чикагскому кодексу, датированному промежуткомъ между 1265—1269.

Книга раздѣлена на 2 части, изъ которыхъ меньшая посвящена изслѣдованію текста и описанію манускрипта (глава о палеографіи принадлежитъ E. Colwell), большая часть посвящена описанію миніатюръ. Въ концѣ книги приложена библіографія, занимающая 42 страницы. Очень хороши воспроизведенія миніатюръ, иногда не совсѣмъ удачны аналогіи къ иконографіи сюжета. Сами миніатюры не очень высокаго качества, но очень интересны для иконографіи евангельскихъ цикловъ константинопольской школы времени Палеологовъ. *Н. Т.*

Gabriel Millet and D. Talbot Rice. *Byzantine painting at Trebizond.* London 1936 in 4° 182 + LVII таблицъ.

Главные памятники Трапезунта были обслѣдованы въ 1916—1917 году Ѳ. И. Успенскимъ, давшимъ кромѣ историческаго очерка описаніе фресокъ, къ сожалѣнію безъ воспроизведеній самихъ памятниковъ (Ф. И. Успенскій. *Очерки из истории Трапезунтской Империи.* Ленинград 1929). Книга Millet и Talbot Rice даетъ болѣе полное описаніе уцѣлѣвшихъ фресокъ Трапезунта и окрестностей, относящихся къ времени XIV—XVI стол., она включаетъ фрески церкви св. Анны, монастыря Богородицы „Богопокровенной" (Θεοσκέπατος), церкви св. Саввы, св. Софіи, монастыря Каимакли, Сумелійскаго монастыря и др. Матеріалы были собраны экспедиціей G. Millet въ 1893 году и Messel въ 1929 году, послѣдніе были обработаны Talbot Rice. Какъ указываютъ авторы въ предисловіи, и этотъ трудъ не можетъ считаться исчерпывающимъ всѣ трапезунтскія памятники, такъ какъ часть изъ нихъ оказалась недоступной. Книга хорошо издана, но отчасти плохая сохранность фресокъ и не безукоризненныя фотографіи уменьшаютъ, къ сожалѣнію, значеніе иллюстраціоннаго матеріала. *Н. Т.*

Alfred Alexej Hackel, *Das altrussische Heiligenbild. Die Ikone.* Mit 26 Abbildungen im Anhang. Geleitwort „Die Bedeutung der altrussischen Ikone für unsere Zeit" von Th. Baader. Disquisitiones Carolinae. Fontes et acta philologica et historica. Tomus X. Noviomagi, 1936, 142 стр.

Книга А. Г. Гаккеля объединяетъ въ себѣ рядъ искусно написанныхъ очерковъ о древне-русской иконописи, разносторонне и наглядно знакомящихъ иностраннаго читателя съ этой областью русской культуры. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью не столько дать исторію иконы, сколько помочь „современному человѣку" воспринять „наслѣдство религіознаго міровоззрѣнія древней Россіи", запечатлѣнное въ памятникахъ иконописи.

Задача оказалась выполненной чрезвычайно удачно.

Въ первой главѣ трактуется объ иконѣ, какъ о художественной формѣ. Указавъ на судьбу иконы въ Россіи — укорененность иконы въ народной толщѣ и невниманіе къ иконному искусству въ послѣпетровское время образованныхъ слоевъ общества, авторъ знакомитъ съ духомъ и техникой иконописанія, очень отчетливо даетъ понятіе о научной проблематикѣ, связанной съ изученіемъ иконы, и, наконецъ, весьма сжато, но съ достаточной, въ общемъ, конкретностью останавливается на собственно историческихъ данныхъ объ иконописи въ древней Руси. Здѣсь дается характеристика памятниковъ иконописи домонгольскаго періода, Владимірско-Суздальскаго края, Новгорода и Московской школы (очеркъ о Москвѣ — наиболѣе схематизированный и нѣсколько усѣченный). Заключается первая глава обобщеніемъ о „духовномъ и формальномъ единствѣ" русскаго иконописнаго искусства.

Исключительно важна вторая глава: икона, какъ культовое изображеніе. Если въ распоряженіи иностраннаго читателя, въ частности владѣющаго нѣмецкимъ языкомъ, имѣется нѣсколько появившихся въ послѣдніе годы книгъ, трактующихъ о художественной сторонѣ иконописи, то для раскрытія культоваго смысла иконы общедоступной литературы нѣтъ (высоко спеціальныя старыя работы и отдѣльныя замѣчанія въ новыхъ публикаціяхъ въ разсчетъ итти не могутъ). Очеркъ А. Г. Гаккеля, написанный, несмотря на краткость, съ полной отчетливостью, является существеннымъ дополненіемъ въ иностранную литературу. Авторъ останавливается на характеристикѣ особенностей византійско-русскаго пониманія христіанства, на почитаніи святыхъ и ангеловъ, отдѣльно объясняетъ Деисусную композицію и иконостасъ.

Наконецъ, въ третьей главѣ авторъ спеціально разбираетъ Троицу Андрея Рублева, стремясь вскрыть символическое значеніе иконы вообще.

Въ книгѣ тщательно использована спеціальная литература. Изложеніе автора строго учитываетъ тѣ выводы, къ которымъ пришли изслѣдователи по отдѣльнымъ вопросамъ. При этомъ авторъ съ большимъ умѣніемъ переводитъ на языкъ читателя-неспеціалиста достаточно специфическій матеріалъ научныхъ работъ. Въ результатѣ книга оказывается доступной для иностранца и въ то же время построенной серьезно и основательно.

Очень полезны обширныя примѣчанія къ тексту, перенесенныя въ конецъ книги и дающія возможность заинтересованному читателю глубже войти въ отдѣльные вопросы. Важную вспомогательную роль играетъ словарь спеціальныхъ терминовъ, составленный Th. Baader, которому принадлежитъ и интересное предисловіе.

Къ книгѣ приложены предметный и авторскій указатели и рядъ репродукцій иконъ. Въ высокой степени полезна помѣщенная въ книгѣ схема иконостаса. *Ник. Андреевъ.*

Спорные вопросы по исторіи Готскаго княжества въ Крыму. По поводу книги A. A. Vasiliev. *The Goths in Crimea.* Cambridge-Massachusets 1936. Monographs of the Mediaeval Academy of America № 11, p. X+292.

Прекрасно изданная новая книга маститаго ученаго представляетъ большой научный интересъ. Исторія готовъ въ Крыму была уже давно предметомъ научныхъ занятій А. А. Васильева. Полный текстъ ея былъ написанъ еще до 1920 года, однако условія совѣтской жизни надолго задержали ея появленіе. Первая глава, касавшаяся ранней поры христіанства и эпохи переселенія народовъ, была напечатана въ 1921 году,[1] но вторая и третья главы, обнимающія время византійскаго, хазарскаго и русскаго вліянія (съ VI до нач. XI вѣка) и время зависимости отъ половцевъ и отпаденія отъ Византіи (съ середины XI в. до 1204 г.) увидѣли свѣтъ только въ 1927 году.[2] Что касается послѣднихъ трехъ главъ труда, охватывающихъ время Латинской имперіи, XIV и XV вѣка и турецкую эпоху, то ихъ рукопись оставалась въ Петроградѣ въ архивѣ ГАИМК. Какъ говоритъ авторъ, несмотря на всѣ его усилія, академія отказалась ему прислать рукопись въ Америку,[3] такъ что автору пришлось наново написать эти главы въ болѣе широкомъ объемѣ.[4] Такимъ

---

1) А. А. Васильевъ. *Готы в Крыму.* Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры. Том I, nº 26, Петроград 1921, стр. 1—80.

2) Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры. Том V. Ленинград 1927, стр. 179—282.

3) A. Vasiliev, *The Goths in Crimea,* Preface p. VII (дальше будемъ ссылаться сокращенно: Vas.).

4) Н. В. Малицкій пользовался для статьи „*Заметки по эпиграфике Манкупа*", Известия

образомъ этотъ исчерпывающій трудъ наконецъ вполнѣ законченъ.

Мы не будемъ останавливаться на первыхъ трехъ главахъ, уже извѣстныхъ въ печати и по достоинству отмѣченныхъ критикою. Укажемъ только, что А. А. Васильевъ использовалъ громадную литературу на всѣхъ языкахъ, использовавъ для этого и западно-европейскія библіотеки, принялъ во вниманіе и послѣднія археологическія изслѣдованія въ Крыму и статьи по этимъ вопросамъ. Какъ византологъ, авторъ ставитъ исторію готовъ въ Крыму въ широкія историческія рамки, мастерски очерчиваетъ положеніе Крыма среди византійскаго, хазарскаго и русскаго вліянія. Особенно цѣнны во II главѣ подробный разборъ „записки готскаго топарха" и пересмотръ данныхъ о появленіи Руси на Черномъ морѣ въ IX и X вѣкѣ.

Главы объ исторіи Крыма послѣ 1204 года впервые появляются въ печати. Авторъ предполагаетъ, что Крымъ находился въ зависимости отъ Трапезунда еще до образованія Латинской имперіи, насколько можно судить по скуднымъ свѣдѣніямъ.[5] Начиная съ 1261 г. въ Крыму утвердились генуэзцы и тогда свѣдѣній о Крымѣ становится все больше. Авторъ отлично использовалъ всѣ генуэзскія данныя и анализируетъ договоръ 1380 г., по которому генуэзцы получили отъ татаръ всю область „maritimae Gothiae" отъ Судака до Балаклавы. Въ это же время появляются данныя о княжествѣ въ городѣ Тодоро (Мангупѣ); разборъ ихъ составляетъ интереснѣйшія страницы книги, благодаря использованію новыхъ открытій. Такъ недавно Н. В. Малицкому удалось точно прочесть греческую надпись 1362 г. изъ Мангупа, говорящую о перестройкѣ города сотникомъ (ἑκατοντάρχης) Хуйтани, помощью Божіею и св. Димитрія. Въ литовскихъ лѣтописяхъ говорится о томъ, что Ольгердъ разбилъ на Синихъ Водахъ трехъ татарскихъ князей: Кутлубуга, Хачебея и Димитрія. Такъ какъ Шлецеръ (на основаніи неизв. источника) писалъ, что Ольгердъ разбилъ трехъ хановъ: крымскаго, киркальскаго и манлопскаго, то весьма вѣроятно соображеніе Малицкаго, что Димитрій былъ мангопскимъ ханомъ (или сотникомъ) и что сотникъ Хуйтани носилъ христіанское имя Димитрія.[6] Это интересный фактъ постепенной христіанизаціи татарской верхушки среди греческо-готскаго населенія.

Цѣннымъ новымъ источникомъ для исторіи готской столицы Магупа является греческая поэма въ стихахъ, недавно опубликованная по рукописи проф. С. Меркати.[7] Это „описаніе города Θеодоро смиреннымъ монахомъ Матθеемъ" страдаетъ византійскимъ риторизмомъ, но все же даетъ нѣсколько живыхъ подробностей въ описаніи города и катастрофы, постигшей его около 1395 года, — вѣроятно взятіе города войсками Тамерлана.

Наконецъ новымъ фактомъ для исторіи Мангупа является и эпиграфія младенца Алексѣя, недавно лишь объясненная Д. Спиридоновымъ.[8] Привлеченіе этихъ новыхъ данныхъ дало возможность А. А. Васильеву пролить новый свѣтъ на исторію „готскаго княжества" въ Крыму, но въ ней осталось еще нѣсколько неясныхъ мѣстъ, которыя мы попытаемся обсудить.

II.

Исторія возвышенія мангупскихъ князей въ XIV—XV вѣкѣ еще не вполнѣ выяснена. Какъ было уже сказано, въ 1362 г. въ этой столицѣ Готθіи правитъ татарскій сотникъ Хуйтани, вѣроятно носившій и христіанское имя Димитрія. Изъ временъ Тохтамыша (†1391) въ развалинахъ Мангупа сохранилась греческая надпись[9] съ именемъ сотника TZITC..., которое Латышевъ возстанавливаетъ какъ Чичикій (ср. Τζιτζίκιος у Кедрина подъ 1016 г.).

ГАИМК, вып. 71 (1933) данными „из рукописного окончания работы А. А. Васильева: Готы в Крыму", какъ самъ указываетъ на стр. 44, прим. 3, своей статьи.

[5]) Дѣйствительно, въ Partitio Romaniae 1204 года Крымъ не упомянутъ среди византійскихъ владѣній. Авторъ правильно возражаетъ противъ натянутаго отожествленія Ф. Бруномъ названія Sagudai въ этомъ документѣ съ Сугдаею-Сурожемъ, и считаетъ, что Sagudai надо искать во Θракіи. Напомнимъ, что въ 609 и 904 г. около Солуни упоминается славянское племя Sagudati.

[6]) Н. В. Малицкій, ук. ст. стр. 14.

[7]) S. G. Mercati, *Versi di Matteo ieromonaco* Διήγησις τῆς πόλεως Θεοδώρου. Studi Bizantini II, Roma 1927, p. 19—30. Vas. 188—192.

[8]) Издана Em. Legrand, Δελτιών I, Аθины 1883, стр. 456—458; объяснена Д. Спиридоновымъ въ Изв. Таврическаго Общества Истории II (1928), с. 1—7. Vas. 195—198.

[9]) Найдена въ 1890 году; изображеніе у Малицкаго, стр. 5.

Начиная съ *1411* года въ генуэзскихъ источникахъ появляется воинственный Алексѣй, dominus de Teodoro. Извѣстны и нѣсколько надписей его времени. Въ октябрѣ 1425 г. „κυρ-'Αλέξιος αὐθέντης Θεοδώρους καὶ Παραθαλασσίας" построилъ башню въ Мангупѣ.[10] Въ октябрѣ 1427 г. онъ сообщаетъ (съ тѣмъ же титуломъ) о постройкѣ храма Константина и Елены.[11] Эти надписи украшены въ срединѣ монограммою Алексѣя, а справа изображеніемъ двуглаваго орла. Въ томъ же 1427 году церковь св. Апостоловъ была возстановлена „митрополитомъ гор. Θеодоро и всей Готѳіи киръ-Даміаномъ". Изъ генуэзскихъ источниковъ извѣстно, что Алексѣй имѣлъ широкіе планы утвердиться на морскомъ берегу, занялъ Балаклаву (Чембало) и Инкерманъ (Каламиту). Борьба его съ генуэзцами изъ-за этихъ портовъ очень интересно изложена у А. А. Васильева.[12] Годъ смерти Алексѣя неизвѣстенъ; авторъ полагаетъ, что онъ умеръ около 1446 г.

Упомянутое риторическое надгробное слово посвящено его внуку, младенцу Алексѣю (II) и написано извѣстнымъ трапезундскимъ писателемъ Іоанномъ Евгеникомъ. Въ этомъ словѣ особенно прославляется дѣдъ младенца „великій *Алексѣй, солнце, обливающее своими* лучами всю землю Готѳійскую" и родители младенца: отецъ его Іоаннъ Алексѣевичъ „государь Хазаріи" и его супруга Марія, происходившая по отцу изъ благороднаго рода Асѣней, а по матери отъ Цамблаковъ и порфироцвѣтныхъ Палеологовъ. Эти новыя данныя помогутъ намъ разобраться въ спорномъ вопросѣ о происхожденіи Алексѣя, этого загадочнаго метеора на крымскомъ горизонтѣ: его считали потомкомъ Палеологовъ, Комненовъ, Гаврасовъ, наконецъ мѣстныхъ готскихъ или татарскихъ князей.

Опираясь на готско-греческое христіанское населеніе, Алексѣй становится независимымъ отъ татарскаго хана, выдаетъ дочь Марію „Готскую" замужъ за послѣдняго трапезундскаго царя Давида и титулуется „αὐθέντης Θεοδώρου καὶ Παραθαλασσίας", въ подражаніе титулу трапезундскихъ царей. Αὐθέντης (dominus, государь) это названіе, которое дается въ это время всякому самостоятельному владѣтелю, неимѣющему особаго титула. Если его сынъ Іоаннъ названъ „государемъ Хазаріи", то мы соглашаемся съ А. А. Васильевымъ, что онъ уже замѣнилъ своего отца на престолѣ,[13] потому что при жизни его онъ не былъ бы названъ αὐθέντης.

Но объ Іоаннѣ мы ничего больше не знаемъ: съ 1447 года въ генуэзскихъ актахъ является въ качествѣ „государя" (dominus Theodori) нѣкій Олобей, тоже сынъ Алексѣя.[14] А. А. Васильевъ ставитъ вопросъ, что сталось съ Іоанномъ, о которомъ совершенно не упоминаютъ генуэзцы[15] и полагаетъ, что онъ правилъ очень мало, *лишь* въ *1446—1447* годахъ. Между тѣмъ объ Олобеѣ, который упоминается до самаго 1458 г. извѣстно, что онъ имѣлъ сыновей Исаака (Исайку, Saicho), властвовавшаго въ Мангупѣ въ 1465—1475 гг., Александра и дочь Марію, бывшую замужемъ за молдавскимъ воеводой Стефаномъ Великимъ. Странное имя христіанскаго князя Олобей давно возбуждало недоумѣніе историковъ: его считали то татарскимъ титуломъ (Ulubei = великій князь), то искаженіемъ имени Алексѣй (напр. Н. Малицкій). А. А. Васильевъ считаетъ, что Олобей былъ наслѣдникомъ своего старшаго брата, быстро исчезнувшаго Іоанна.

Но мы можемъ выдвинуть новую гипотезу на основаніи эпиграфическихъ данныхъ. Давно извѣстенъ великолѣпный надгробный платъ Олобеевой дочери Маріи (†1476), хранящійся въ буковинскомъ монастырѣ Путнѣ. Румынскіе историки отмѣчали что Марія изображена на немъ въ коронѣ, и что платъ украшенъ двуглавыми *орлами* и монограммами ΜΑΡΙΑϹ и ΠΑΛΑΙΟΛΟΓΟϹ. Изъ этого дѣлали заключеніе, что она была несомнѣнно потомкомъ Палеологовъ и что, женившись на дочери мангупско-готскаго князя, воевода Стефанъ заявилъ притязанія на византійское наслѣдство и готовилъ крестовый походъ противъ турокъ для завоеванія Царьграда (см. Іорга, Тафрали). Однако странная монограмма ΜΑΡΙΑϹ (почему въ род. падежѣ?) давно возбуждала наши сомнѣнія. Разсмотрѣвъ наконецъ прекрасные сним-

[10]) Надпись найдена въ 1912 году; изобр. у Малицкаго, стр. 34.

[11]) Надпись извѣстна съ *1890* г.; изображ. у Малицкаго, стр. 26.

[12]) Vas. 202 seq.

[13]) Хазарія явилась какъ поэтическій эпитетъ вмѣсто Готѳіи, чтобы украсить и расширить титулъ Іоанна.

[14]) Olobei et ceteri filii quondam Alexii.

[15]) What happened to John and why has his name disappeared from our sources? We know nothing of this enigma. Vas. 222.

ки въ изданіи Тафрали,[16] мы пришли къ интересному выводу. Первая монограмма дѣйствительно заключаетъ буквы ПАЛАІЛГ, но вторая несомнѣнно обозначаетъ АСАN, а вовсе не Марію.[17] Это наблюденіе пріобрѣтаетъ значеніе въ связи съ эпиграфіей младенца Алексѣя. Въ ней было отмѣчено, что „мать младенца была Марія, происходившая изъ знаменитой семьи Асѣней и отъ порфироцвѣтнаго древа Палеологовъ". Марія Молдавская въ 1476 г. подчеркиваетъ свое происхожденіе отъ тѣхъ же семействъ. Если считать Олобея братомъ Іоанна, то является страннымъ, что Іоаннъ былъ женатъ на Маріи, отпрыскѣ Асѣней и Палеологовъ, а его племянница Марія опять-таки украшается монограммами Асѣней и Палеологовъ; неужели только потому, что это предки жены ея дяди? Сдѣлать это можно было лишь, если ея отецъ или мать происходили изъ этихъ семей. Трапезундская эпитафія ясно говоритъ о томъ, что ни Алексѣй, ни его сыновья сами къ этимъ семействамъ не принадлежали. Весьма мало вѣроятно, чтобы Олобей (если онъ былъ братомъ Іоанна) опять-таки женился на дѣвицѣ изъ рода Асѣней-Палеологовъ.[18]

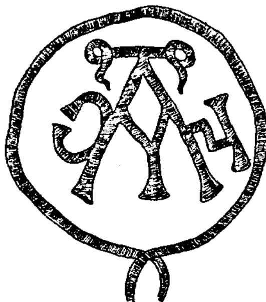

Рис. 1. АС(А)Н

Недоумѣніе легко разрѣшится, если мы признаемъ, что Іоаннъ носилъ татарское прозвище Оло-бей (великій князь). Въ Трапезундѣ онъ былъ извѣстенъ подъ христіанскимъ именемъ, въ Крыму подъ татарскимъ прозвищемъ. Онъ былъ женатъ на Маріи Асѣнь-Палеологъ, что подчеркивалось въ 1447 году въ Трапезундѣ. И, когда его дочь Марія пріѣхала въ Молдавію, она гордилась тѣмъ, что по матери происходитъ отъ этихъ знатныхъ византійскихъ семействъ.

III.

Неяснымъ остается вопросъ о происхожденіи мангупскихъ князей по мужской линіи. Въ 1890 году Ф. А. Браунъ высказалъ новое предположеніе о томъ, что они могли происходить изъ трапезундскаго рода Гаврасовъ. Его привело къ этой мысли существованіе деревни Гавра недалеко отъ Манкупа, фамилія грековъ Гаврадовъ среди переселенцевъ маріупольскаго уѣзда и особенно — сходство прозвищъ Гавра и „Ховра" (а какъ извѣстно, Ховрины и Головины считаютъ себя потомками мангупскихъ князей).[19]

А. А. Васильевъ вполнѣ раздѣляетъ эту „шаткую гипотезу" Ф. А. Брауна, и поэтому подробно говоритъ намъ о судьбѣ рода Гаврасовъ.[20] Мы узнаемъ, что Ѳеодоръ Гавра сталъ около 1091 г. почти независимымъ правителемъ Трапезунда, а затѣмъ, будучи замученъ турками, причисленъ къ лику святыхъ; въ честь его были построены монастырь и церковь въ Трапезундѣ.[21] Сынъ его Григорій и племянникъ Константинъ играли роль въ Трапезундѣ XII вѣка,; Константинъ даже правилъ въ немъ самостоятельно, но былъ, кажется, отправленъ въ ссылку въ 1130 году.[22] Отсюда у автора цѣлая цѣпь гипотезъ: Константинъ кажется былъ сосланъ, онъ могъ быть сосланъ въ Тавриду, его потомки могли тамъ выдвинуться, Алексѣй XV вѣка могъ быть его потомкомъ.

Главнымъ основаніемъ для этой гипотезы является наличность прозвища „Ховра" въ родословіи Ховриныхъ; Ф. Брауну показалось, что „Ховра" можетъ быть искаженіемъ фамиліи

---

[16]) O. Tafrali. *Le trésor byzantin et roumain du monastère de Poutna.* Paris 1925. Texte, p. 51—55; Album, pl. XLII—XLV.

[17]) O. Tafrali, o. c. Album, pl. XLIV; ступенчатое Н типично для греческихъ и славянскихъ надписей XIII—XV вѣка (см. нашъ рис. 1).

[18]) Такое совпаденіе мало вѣроятно; при близкомъ свойствѣ явились бы каноническія препятствія.

[19]) F. Braun, Die *Schicksale der Krimgoten.* SPBurg 1890, s. 44.

[20]) А. Васильев, *Готы в Крыму* II, 275—281; A. Vasiliev, *The Goths,* 153—157.

[21]) Слѣдуя за А. А. Васильевымъ, Н. В. Малицкій опубликовалъ даже миніатюры св. Ѳеодора и его жены въ своей ук. статьѣ о Мангупѣ, стр. 24.

[22]) Это не совсѣмъ ясно можно заключить изъ извѣстія Михаила Сирійца подъ 1130 г., см. ИГАИМК. V, 279 и Vas. 156.

„Гаврасъ“. Однако у насъ является цѣлый рядъ возраженій:

1) Филологически непонятно, почему „Гавра“ могло бы перейти въ Москвѣ въ „Ховра“. Вѣдь греческой гаммѣ соотвѣтствуетъ русское *г*. Греческій Гавріилъ такъ и остался у всѣхъ славянъ Гаврилою. А фамилія Гаврадовыхъ изъ Крыма (если она въ связи съ Гаврасами) опять таки показываетъ, что слогъ Га — не измѣнялся подъ татарскимъ вліяніемъ.

2) Если бы родоначальникъ Ховриныхъ, князь Степанъ Васильевичъ пріѣхалъ въ Москву со знатной фамиліей Гавраса, онъ бы ее сохранилъ неискаженною и память объ этомъ происхожденіи хранилась бы въ его родѣ. Между тѣмъ, сами Головины выдвинули впервые въ 1847 году теорію о томъ, что они происходятъ отъ Комненовъ (черезъ формы Ховра, Хомра, Комра!)[23]; о Гаврахъ они вовсе и не думали. Но и это происхожденіе отъ Комненовъ кажется намъ пустою генеалогической и филологической натяжкою XIX вѣка, въ погонѣ за знатными предками.

3) Что же говоритъ намъ Бархатная Книга? Князь Степанъ Васильевичъ пріѣхалъ изъ Судака безъ прозвища; Ховра есть личное прозвище его сына Григорія, такъ же какъ Хазюкъ и Голова суть прозвища его правнуковъ. Извѣстно, въ какомъ ходу были среди московскаго дворянства XV и XVI вѣка личныя прозвища (часто татарскаго происхожденія); отъ нихъ стали постепенно образовываться фамиліи. Что же такое Ховра и Хазюкъ? Посмотримъ въ словарь Даля и увидимъ, что ему извѣстны и сущ. хóвра = ротозѣй, неопрятный человѣкъ, и глаголъ ховриться (становиться ховрею), и сущ. ховрыга, ховрюга и ховрякъ съ тѣмъ же значеніемъ.[24] Мы утверждаемъ, что хóвра есть просто насмѣшливое московское прозвище Григорія Степановича, такъ же какъ внукъ его былъ названъ хазюкомъ (ср. сущ. хазъ = щеголь, грубіянъ, нахалъ и гл. хазить = поступать гордо, нахально, чваниться. Даль IV, 1161). Такихъ грубоватыхъ прозвищъ, давшихъ начало фамиліямъ, можно найти десятки въ московскомъ дворянствѣ XV вѣка. Уже много позднѣе родословная гордость стала придумывать имъ иностранное объясненіе и въѣздъ изъ-за границы своимъ предкамъ.[25]

Что касается предковъ Ховриныхъ, то мы можемъ повѣрить въ ихъ выѣздъ изъ Крыма; значительнѣе всего въ этомъ отношеніи указаніе кн. А. М. Курбскаго, что Петръ Ховринъ былъ „мужъ греческаго рода“. Но мы полагаемъ, что московское прозвище „Ховра“ не имѣетъ ничего общаго ни съ Комненами, ни съ Гаврасами.

4) Знаменательно, что еще въ 1450 г. казначей Владиміръ Григ. Ховринъ названъ (въ лѣтописи) не бояриномъ, а гостемъ. По этому поводу Забѣлинъ справедливо сказалъ: „Повидимому первый родоначальникъ Стефанъ, хотя и названъ (въ Бархатной книгѣ) княземъ, но явился въ Москву не бояриномъ или княземъ-воиномъ съ дружиною, какъ приходили другіе иноземцы, а человѣкомъ гражданскимъ, торговымъ, почему и внукъ его Владиміръ Григорьевичъ названъ былъ гостемъ и у вел. князя Ивана III занялъ должность казначея, а не воеводы, и поэтому въ мѣстническомъ распорядкѣ никого не потѣснилъ, но самъ собою и съ сыномъ Иваномъ занялъ очень видное положеніе среди тогдашняго боярскаго общества“ (И. Забѣлинъ, *Исторія города Москвы* I, М. 1902, стр. 267). Надо полагать, что Стефанъ Васильевичъ, пріѣхавшій изъ Сурожа, вовсе не былъ княземъ, а лишь ловкимъ грекомъ-торговцемъ (сурожскіе гости извѣстны въ Москвѣ уже съ 1356 г.). Владѣя языками и, вѣроятно, секретомъ бухгалтеріи, его потомки стали наслѣдственными казначеями московскихъ государей. Еще въ третьемъ поколѣніи лѣтопись называетъ ихъ гостями; но

---

[23]) Н. Казанскій. *Село Новоспасское и родословная Головиныхъ*. М. 1847, стр. 113; Н. Головинъ, *Нѣсколько словъ о родѣ греческихъ князей Комниныхъ*. М. 1854, стр. 11—12.

[24]) Въ связи съ этимъ вѣроятно стоитъ и хóвра = неповоротливая женщина и ховря = ховронья, свинья. В. Даль, *Толковый словарь*[4], т. IV, стр. 1204—1205.

[25]) Такъ напр. Бестужевы (отъ прил. безстужій = безстыжій) придумали себѣ предка — „англичанина Беста“. Часто повторяли (особенно, чтобы польстить совѣтскому наркому), что Чичерины происходятъ отъ Аѳанасія (!) Чичерини (или Чичери), пріѣхавшаго будто бы съ Софіею Палеологъ въ Москву. Между тѣмъ достаточно заглянуть въ словарь Даля, чтобы видѣть, что слово чичеръ (и чичера ж. р.) обозначаетъ въ южно-великор. говорахъ дождь со снѣгомъ, дурную погоду. Отъ прозвища Чичéра пошла фамилія дьяка Ив. Ив. Чичерина, сдѣлавшаго карьеру въ Смутное время. Такъ же отъ сроднаго слова чи́чега = иней на деревьяхъ, идетъ фамилія Чичаговыхъ (а м. б. и Чичиковыхъ?). Даль IV, 1353.

сильно разбогатѣвъ и давая деньги подъ закладъ князьямъ-Рюриковичамъ (Забѣлинъ, 269), Ховрины-Головины стали нужными людьми и породнились съ аристократіей.[26] Поэтому, подавши въ 1682 г. свою сказку въ Бархатную книгу, они разукрасили скромное извѣстіе о томъ, что „гость Стефанъ Васильевичъ пришелъ изъ Сурожа" такимъ образомъ: „пришелъ князь Стефанъ Васильевичъ изъ своей вотчины съ Сурожа да изъ Манкупа да изъ Кафы". Извѣстіе весьма неправдоподобное, ибо Сурожъ, Манкупъ и Кафа (генуэзская) не могли быть въ концѣ XIV в. одновременно вотчиною никакого князя. Но вѣдь Бархатная книга знаетъ и не такія сказки, цѣль которыхъ поднять знатность скромныхъ предковъ.

Наконецъ уже въ XIX вѣкѣ, послѣ чтенія „*Крымскаго Сборника*" Кеппена (1837 г.) въ родословіи Головиныхъ появился еще „Алексѣй, убитый подъ Балаклавою", хотя въ XV вѣкѣ городъ не носилъ такого имени.[27] Цѣлью этой невинной интерполяціи было подтвердить родство Ховриныхъ-Головиныхъ съ манкупскимъ героемъ Алексѣемъ, а тѣмъ самымъ съ царскимъ домомъ Комненовъ. Но научное изслѣдованіе должно отбросить всѣ эти родословныя сказки и вычеркнуть Ховриныхъ изъ исторіи Готѳіи.

5) Новыя генеалогическія данныя заставляютъ отвергнуть связь мангупскихъ князей съ Гаврасами. Знаменательнѣе всего упомянутая эпиграфія младенца Алексѣя. Іоаннъ Евгеникъ писалъ ее въ Трапезундѣ, старательно отмѣтилъ фамиліи предковъ младенца по женской линіи.[28] Но фамилію отца младенца онъ не упоминаетъ, хотя и превозноситъ его. Какъ же ему было не подчеркнуть, что по мужской линіи и Іоаннъ и „великій Алексѣй" происходятъ изъ знаменитаго рода Гаврасовъ, давшаго Трапезунду святого покровителя и великихъ дѣятелей. Полное умолчаніе о настоящей фамиліи младенца Алексѣя, его отца и дѣда (хотя названа даже фамилія бабушки Цамблакъ, очень мало говорящая для Трапезунда) доказываетъ, что они были вовсе не Гаврасы, а весьма незнатнаго происхожденія.[29]

Мы полагаемъ, что всѣ свѣдѣнія о Гаврасахъ надо вычеркнуть изъ исторіи Готовъ въ Крыму. Если въ Крыму есть деревня Гавры и въ Маріуполѣ фамилія Гаврадовыхъ, то это или обѣднѣвшія боковыя линіи рода Гаврасовъ, или, вѣрнѣе, случайное сходство.[30] Но мангупскіе князья Гаврасами не были.

IV.

Мы полагаемъ, что Алексѣй былъ незнатнаго происхожденія; вѣдь и на торжественныхъ надписяхъ, украшенныхъ звонкими титулами и гербами, онъ своей фамиліи не называетъ. Скорѣе всего онъ былъ татарскаго происхожденія, какъ это предполагаетъ Н. Малицкій.[31]

Мы видѣли, что первымъ князькомъ Мангупа былъ „сотникъ Хуйтани" въ 1362 году. Онъ владѣлъ городомъ, въ которомъ была греческая митрополія съ многочисленнымъ духовенствомъ и греческое торговое населеніе, а также страною, гдѣ земледѣльцами и воинами были православные готы. Онъ сталъ опираться на это населеніе, писать надписи по-гречески, призывать св. Димитрія, и вѣроятно крестился подъ этимъ именемъ. Его преемникомъ былъ Чичика (?), вассалъ Тохтамыша, тоже только „сотникъ", вѣроятно, тоже крещеный.

---

[26]) Но все же еще весь XVI вѣкъ Головины были среди „третьестепенныхъ фамилій, члены которыхъ не подымались выше званія окольничьяго". Въ казначеи назначались люди новые, не родовитые, и лишь казначей Вас. Ив. Головинъ получилъ боярство въ Смутное время, въ 1609 году. В. И. Сергѣевичъ, *Русскія юридическія древности* I, стр. 389 и 421.

[27]) Въ хожденіи Афанасія Никитина (ок. 1470 г.) городъ называется Балыкасъ, а въ „Дѣлахъ Крымскихъ" подъ 1585 г. — „Балыклей". П. Семеновъ, *Россія, Географ. описаніе нашего отечества*, т. XIV (1910), стр. 766 и 731.

[28]) Его дѣдушки Асѣня, бабушки Цамблакъ и прабабушки Палеологъ.

[29]) Подходящую параллель можно найти въ статьѣ Г. А. Острогорскаго: *Возвышеніе рода Ангеловъ* (*Юбил. сборникъ Р. Арх. О. въ Югославіи*. Б. 1937, стр. 117). Алексѣй, сынъ Константина Ангела, въ нерезской надписи 1164 г. называетъ себя Комнѣномъ по фамиліи матери, но не упоминаетъ фамиліи отца, п. ч. тотъ былъ незнатнаго рода.

[30]) Въ Сербіи всякій Гаврила зовется Гаврою, какъ Пантелей — Пантою.

[31]) Н. Малицкій (ук. ст. 14) приводитъ рядъ христіанскихъ именъ среди татарской знати; у Котлобуга хана солгатскаго въ 1380 г. сынъ Elias (Илья); сынъ Кутлубея Синанъ былъ въ 1394 г. вкладчикомъ въ церковь св. Николая въ Солгатѣ, т. е. вѣроятно христіаниномъ.

Передъ нами любопытная картина постепенной христіанизаціи татарскаго рода, вошедшаго въ сферу культурнаго вліянія умирающей и все же еще столь притягательной Византіи. Вѣроятно женясь на христіанкахъ, татарскіе сотники принимаютъ „царскія“ имена (Алексѣй, Іоаннъ, Исаакъ), вступаютъ въ родство со все болѣе знатными семьями и украшаютъ себя гербами и эмблемами. Остановимся на этихъ эмблемахъ. Уже въ 1425 г. на надписи Алексѣя есть двуглавый орелъ и крестъ на гербовыхъ щитахъ. Принято было считать, что двуглавый орелъ, какъ „гербъ Палеологовъ“, указываетъ именно на родство Алексѣя съ византійскими царями — Палеологами и Комненами.

Однако мы недавно выяснили (опираясь на работы Ламброса, Свороноса и др.), что двуглавый орелъ вовсе не былъ „гербомъ Палеологовъ“, а сперва придворнымъ украшеніемъ византійскаго двора, которое постепенно становится эмблемою царства.[32] Эту эмблему охотно принимаютъ христіанскіе владѣтели, вошедшіе въ сферу вліянія Византіи (князья Хума въ концѣ XII вѣка, сербскіе короли съ начала XIII вѣка, князь Даніилъ Галицкій въ серед. XIII вѣка). Гербомъ же Палеологовъ въ XIV и XV вѣкѣ былъ золотой крестъ съ четырьмя B (или πυρέκβολα) на красномъ полѣ. Двуглавымъ орломъ и въ XIV и въ XV вѣкѣ пользуются многіе православные государи различнаго ранга (царь Душанъ, деспотъ Оливеръ, деспотъ Константинъ сербскій, деспотъ Мусаки албанскій въ XIV вѣкѣ, деспотъ Бранковичъ, албанскій Скендербегъ, Черноевичи въ Зетѣ въ XV в. и т. д.). Двуглавый орелъ является въ XV вѣкѣ чаще эмблемою различныхъ деспотовъ, чѣмъ византійскихъ царей. Кромѣ того онъ сталъ гербомъ трапезундскихъ Комненовъ.[33] Поэтому трудно сказать, что обозначаетъ двуглавый орелъ на надписяхъ Алексѣя: то ли, что онъ вошелъ въ семью православныхъ государей, какъ названные сербскіе и албанскіе деспоты, или то, что онъ сталъ именно свойственникомъ трапезундскихъ царей.

Но очень любопытна его личная монограмма[34]: она состоитъ изъ буквъ ΑΛΞ, надѣтыхъ на геометрическій знакъ, состоящій какъ бы изъ груши, проткнутой буквой Т. Мы думаемъ, что это родовой знакъ, **тамга** самого Алексѣя. Въ отличіе отъ Византіи, не знавшей гербовъ (кромѣ „герба Палеологовъ“) до XV в., турецкіе и татарскіе князья имѣли свои родовые знаки.[35] Чаще всего это **тамги** геометрическаго типа, которыми клеймили имущество (коней и скотъ), и изображали ихъ на знаменахъ. На итальянскихъ картахъ XIV вѣка надъ черноморскими городами всегда изображается бѣлое знамя съ геометрической тамгой хана Узбека.[36] Вѣроятно, подобная тамга была и въ роду сотника Хуйтани-Димитрія. Крестившись, отдѣльные представители его рода стали украшать ее греческими буквами своего имени. Совершенно такая же грушевидная тамга входитъ и въ составъ трехъ монограммъ изъ развалинъ Херсона, извѣстныхъ еще по рисунку Палласа и пока не расшифрованныхъ.[37] Мы полагаемъ, что въ первой мы имѣемъ „мангупскую тамгу“, осложненную буквами ΙϾΔ(Δ)κ; это вѣроятно эмблема Алексѣева внука Исайки (или Алексѣева сына?). Во второй мы найдемъ по тому же принципу буквы ΜΔΗ, то есть „царское“ имя Мануилъ. Только третью монограмму намъ не удалось расшифровать (можетъ быть Палласъ неточно ее зарисовалъ); не то МАЛ(?)КС, не то МАΔКС. Во всякомъ случаѣ это знаки членовъ мангупской княжеской семьи, можетъ быть безъимянныхъ братьевъ Олобея, или Исайки и его братьевъ.

V.

До сихъ поръ мы больше всего говорили о мангупскихъ князьяхъ, о владѣтеляхъ „Готѳіи“, но меньше всего о самихъ готахъ. Въ этомъ виноваты источники, — и генуэзскіе и греческіе источники говорятъ больше всего о государяхъ, объ ихъ войнахъ и бракахъ, объ ихъ городѣ, и почти не замѣчаютъ, были-ли въ этой „Готѳіи“ еще готы; быть можетъ названіе „Готѳія“ въ

[32]) A. **Soloviev**. *Les emblèmes héraldiques de Byzance et les Slaves*. Sem. Kondak. VII (1935), 119—164.

[33]) Въ XIV вѣкѣ см. A. **Solovjev**, o. c. 136.

[34]) Она встрѣчается на надписи 1427 г. (извѣстной съ 1890 г.), на надписи 1425 г. и на фрагментѣ, найденномъ въ 1926 г. въ Инкерманѣ. **Малицкій**, о. с. рис. 8—11.

[35]) **Karabaček**, *Zur orientalischen Altertumskunde*. Sitzungsberichte der phil.-hist. Klasse der K. Akad. B. 157 (Wien 1908), p. 12 seq.

[36]) A. **Nordenskjöld**, *Periplus. An essay on the early history of charts and sailing directions*. Stockholm 1897.

[37]) **Pallas**, *Bemerkungen auf einer Reise* II (1801), 54; **Малицкій**, о. с. 36 (рис. 12).

XIV—XVI вѣкахъ стало лишь такимъ же географическимъ пережиткомъ, какъ Ломбардія или Андалузія?

Надо сказать, что подъ вліяніемъ этихъ односторонних источниковъ А. А. Васильевъ склоненъ отрицать существованіе готскаго языка въ Крыму въ эту эпоху. Такъ онъ не придаетъ значенія извѣстному свидѣтельству Бузбека и даже не приводитъ его записи готскихъ словъ, сдѣланной въ 1554 году.[38] Съ другой стороны, авторъ придаетъ большое значеніе молчанію Броневскаго, посѣтившаго Манкупъ въ 1578 г., и говоритъ: „необходимъ новый объективный пересмотръ вопроса о переживаніи германскаго языка въ Крыму", какъ будто вся литература до сихъ поръ не была объективною.

Затѣмъ А. А. Васильевъ приводитъ мнѣніе ботаника Палласа (высказанное въ 1793 г.), что „исторія, разсказанная Бузбекомъ объ остаткахъ древнихъ готовъ среди крымскихъ татаръ, могла произойти только отъ германцевъ, шведовъ или ливонцевъ, плѣненныхъ татарами. Во всемъ Крыму нѣтъ ни слѣда готскаго языка."[39] Съ такимъ же уваженіемъ авторъ приводитъ и сообщеніе Г. Бекмена, повторившаго въ 1795 г. мнѣніе нѣкоего львовскаго профессора Hacquet „что многихъ евреевъ на Черномъ морѣ принимали за германцевъ или готовъ. Если Бузбекъ сообщаетъ, что онъ разговаривалъ по- германски съ готами въ Константинополѣ, то это были только польскіе или венгерскіе евреи".[40]

И въ предисловіи А. А. Васильевъ высказываетъ свой взглядъ: „Данныя, приводимыя нѣкоторыми писателями поздняго средневѣковья о томъ, что на готскомъ языкѣ говорили въ ихъ время въ Крыму, не должны мѣнять общей картины. Одни изъ этихъ писателей не очень достовѣрны, потому что они черпали свѣдѣнія по наслышкѣ, не посѣтивъ никогда Готѳіи; другіе болѣе достовѣрны, но ихъ показанія могутъ быть приняты только какъ доказательство, что въ ихъ времена нѣкоторыя личности въ Готѳіи, вѣроятно новые пришельцы изъ Европы, могли говорить на германскомъ нарѣчіи".[41]

[38]) Онъ говоритъ лишь; „Бузбекъ даетъ списокъ германскихъ (sic) словъ". Vas. 271. При этомъ въ примѣчаніи Васильевъ указываетъ, что „недавно были высказаны сомнѣнія въ точности свѣдѣній Бузбека", ссылаясь на филолога М. Еллинека.

[39]) Pallas, *Bemerkungen* II, 363; Vas. 273.

[40]) F. Braun, *Die Schicksale* 68; Vas. 275.

[41]) Vas. Preface p. V.

Изъ этихъ словъ видно, что А. А. Васильевъ склоняется къ скептицизму названныхъ ученыхъ XVIII вѣка. Онъ полагаетъ, что во времена Бузбека никто уже не говорилъ по-готски въ Крыму, а лишь новые пришельцы (newcomers), т. е. польскіе евреи или плѣнные ливонцы, могли говорить на какомъ-то германскомъ нарѣчіи. И Бузбекъ и его предшественники очевидно были обмануты этими пришельцами, выдававшими себя за готовъ.

Этутъ скептицизмъ почтеннаго автора насъ нѣсколько удивляетъ, такъ какъ онъ даже понижаетъ интересъ къ его книгѣ, которая и називается — „Готы въ Крыму". Между тѣмъ, о самихъ готахъ въ ней говорится меньше, чѣмъ можно было ожидать.

Вѣдь вопросъ о готахъ въ Крыму прежде всего цѣненъ, какъ историческая и соціологическая проблема. Интересно прослѣдить, вопервыхъ, какъ небольшой осколокъ германскаго народа, оторвавшись въ IV вѣкѣ отъ своего цѣлаго, сумѣлъ продержаться какъ отдѣльная политическая и этническая особь въ теченіе 12 вѣковъ, среди совершенно чуждыхъ народовъ, среди новыхъ условій существованія и, вовторыхъ, какъ и почему онъ наконецъ потерялъ свою особность и безслѣдно растворился среди окружающихъ.

Этотъ симбіозъ съ другими народами происходитъ легче всего на почвѣ вѣры. Православіе поставило готовъ въ духовную зависимость отъ грековъ. Своя письменность у нихъ не развилась, греческій языкъ сталъ языкомъ литературнымъ и богослужебнымъ. Затѣмъ волны хазаръ, аланъ, половцевъ и татаръ, проникавшихъ въ Крымъ, все болѣе подмывали небольшой готскій островъ. И все же этническій консерватизмъ силенъ: обычно въ такихъ „двуязычныхъ" группахъ мужчины, особенно въ городахъ, охотно говорятъ на чужихъ языкахъ, но женщины упорно держатся родного языка и передаютъ его дѣтямъ, какъ исключительно домашній языкъ, пока наступитъ моментъ, когда онъ забывается, какъ ненужный. Этотъ моментъ наступилъ для готовъ именно въ XVI вѣкѣ, когда наука была уже готова заняться этою проблемою.

Нѣчто подобное случилось со славянами въ Пелопонесѣ, сильными еще въ XIII вѣкѣ, и съ люнебургскими вендами, исчезнувшими уже на глазахъ исторіи въ XVII вѣкѣ. Особенно поучительной аналогіей являются записанные проф. Бартоли послѣдніе остатки далтинскаго роман-

скаго нарѣчія на о. Кркѣ въ концѣ XIX вѣка, долгое время совершенно скрытые отъ изслѣдователей.[42] Этотъ примѣръ показываетъ, какъ иногда трудно замѣтить такіе остатки языка, переходящіе въ своего рода тайное нарѣчіе.

Относительно такихъ вымирающихъ языковъ argumenta a silentio не имѣютъ значенія, потому что вовсе не всякій случайный путешественникъ сумѣетъ замѣтить такой языкъ. Наоборотъ, всякій положительный доводъ цѣненъ и уничтожаетъ всѣ умолчанія.

Для готовъ въ Крыму такихъ положительныхъ аргументовъ достаточно, причемъ надо помнить, что многіе иностранцы не замѣчали готскаго языка, такъ какъ въ городахъ всякій готъ говорилъ прежде всего по-гречески. Таковъ „Греченинъ-Готѳинъ" въ житіи Антонія Римлянина (XII вѣка), говорившій и по-латыни и погречески (Куникъ 142, Vas. 138).

Даетъ себя чувствовать и половецкое вліяніе: плѣнныя готскія дѣвы въ 1185 г. вѣроятно воспѣвали „месть Шаруканю и время Бусово" на половецкомъ языкѣ, но это не значитъ, что онѣ забыли и свой языкъ.

Вѣдь съ XIII по XVI вѣкъ внимательные писатели замѣчаютъ, что готское племя и готскій языкъ существуютъ.

Извѣстія Плано-Карпини, не бывшаго лично въ Крыму, не особенно ясны: онъ передаетъ лишь слова монаха Бенедикта Поляка о „землѣ Саксовъ, которыхъ мы считаемъ Готами", рядомъ съ аланами и хазарами.[43]

Но знаменитый Рубруквисъ, родомъ фламандецъ, проявилъ вниманіе къ германскому нарѣчію. Въ 1253 г. онъ высадился въ Судакѣ и сразу замѣтилъ, что между Херсономъ и Судакомъ есть много языковъ, и среди нихъ много готовъ, чье нарѣчіе тевтонское.[44] Это свидѣтельство безупречно: въ серединѣ XIII вѣка готскій языкъ дѣйствительно былъ слышенъ въ Крыму.

Тогда понятно, что и въ слѣдующіе годы сохраняется имя Готѳіи и Готовъ (у Марко Поло въ 1271 г. „Zik, Gothia et Gazaria", въ 1277 г. рабыня „per nome Gota de partibus Zichiae", въ 1333 г. „terra Gothiae diffosa et populosa"). Въ 1305 г. архіепископъ Іоаннъ ди Монтекорвино, описывая свое путешествіе въ Китай, говоритъ что самая безопасная дорога для миссіонеровъ (съ Чернаго моря) ведетъ черезъ страну Готовъ, подданыхъ татарскаго царя, т. е. черезъ Крымъ.[45] Обосновавшіеся въ Крыму генуэзцы называютъ этотъ берегъ Крыма Gotia, устанавливаютъ въ ней capitaneus Gotiae (1387) и знаютъ, что въ ней особый христіанскій народъ (1380).[46]

Вотъ въ 1400 году баварецъ Гансъ Шильтбергеръ, плѣнникъ изъ-подъ Никополя, описываетъ страну, которую невѣрные называютъ Thatt; ея жители христіане греческой вѣры. Въ странѣ этой семь языковъ, изъ нихъ седьмой „die Kuthia-sprach, und die haieden haissent's That". Нѣтъ сомнѣній, что эта Kuthia-sprach и есть языкъ готовъ (Guthi).

Въ 1437 г. венеціанецъ Іосафатъ Барбаро посѣтилъ Крымъ и говоритъ „Gotthi parlano in Tedesco; e so questo, perchè havendo un famеglio Tedesco con me, parlavano insieme, et intendevansi assai ragionevolmente, cosi come s'intenderiano un Furlano ed un Fiorentino". Итакъ, нѣмецкій слуга венеціанца разговаривалъ съ готами и понималъ ихъ достаточно, какъ фурланецъ понималъ бы флорентинца. Это извѣстіе очень важно: Барбаро, говоря о готахъ, отлично понимаетъ, что между ихъ языкомъ и нѣмецкимъ столь же большая разница, какъ между фріульскимъ и тосканскимъ нарѣчіями, но онъ понимаетъ, что это языки одной группы. Почему А. А. Васильевъ полагаетъ, что „болѣе вѣроятно, что человѣкъ, о которомъ Барбаро говоритъ, былъ новый пришелецъ изъ Западной Европы" (The Goths 220)? Вѣдь Барбаро говоритъ не объ одномъ человѣкѣ, а о цѣломъ племени готовъ. И какіе же нѣмецкіе пришельцы могли въ 1437 г. оказаться въ Крыму и мистифицировать Барбаро, выдавая себя зачѣмъ-то за готовъ? Ни ливонскихъ, ни шведскихъ плѣн-

---

[42]) M. Bartoli, *Das dalmatische.* I—II, Wien 1906; еще въ нач. XIX вѣка д-ръ Кубикъ записалъ много романскихъ текстовъ на Кркѣ, но затѣмъ въ теченіе почти цѣлаго вѣка никто не замѣчалъ этого „скрытаго" языка.

[43]) Fratres euntes per Comaniam a dextris habuerunt terram Saxonum, quos nos credimus esse Gotos, et hii sunt christiani. Vas. 164.

[44]) Sunt 40 castella inter Kersonam et Soldaiam, quorum quodlibet fere habebat proprium idioma; inter quos erant multi Goti, quorum idioma est Teutonicum. Tomaschek 43.

[45]) Yule, *Cathay* I, p. 231; цит. G. Brătianu, *Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle.* Paris 1929, p. 239.

[46]) La Gotia cum li soy casay e cum lo so povo, li quay sun cristiani; da lo Cembaro fin in Sodaya (1380). Tomaschek 47.

ныхъ въ этомъ году въ Крыму не могло быть, а нѣмецкіе купцы туда не ѣздили.[47]

И послѣ того генуэзцы опять говорятъ не только о странѣ Готѳіи, но и объ особомъ народѣ готовъ (1465 „sclavus et sclava Goticorum," въ 1474 s. „furta fiunt per illos Gottos equorum et bestiarum Tartarorum"). Страна Готѳія отличается, и по ихъ наблюденію, множествомъ языковъ, какъ во времена Рубруквиса (Idem in Cothia alter archiepiacopus est, quod genus se diversis linguis distinguitur).

Конечно, паденіе Мангупа и Готѳіи въ 1475 году нанесло тяжелый ударъ греческому, а еще больше готскому языку въ Крыму. Но языкъ готскій исчезаетъ еще не сразу. Матвѣй Мѣховскій (Miechovius), писавшій въ Краковѣ въ 1517 г., считалъ послѣднихъ мангупскихъ князей „generis et linguae Gothorum". Конечно, онъ ошибался, думая, что съ ними исчезъ и готскій языкъ.[48] Но его свидѣтельство интересно, какъ проявленіе общаго мнѣнія, что до 1475 г. въ Крыму былъ слышенъ готскій языкъ. Любопытна поправка Гесснера, который, пересказавъ Мѣховскаго въ своемъ трудѣ „Mithridates" (Zurich 1555), прибавилъ: „Gothi vero qui adhuc in montibus supersunt, vineas colunt et inde vitam sustentent". Откуда-то онъ почерпнулъ извѣстіе, что въ Крыму есть еще готы-виноградари.

Не слѣдуетъ отвергать и свидѣтельства знатнаго молдаванина Николая Спаѳарія, напечатаннаго извѣстнымъ историкомъ Кохлеемъ въ 1544 г.[49] Онъ говоритъ, что въ Крыму до 300 селъ съ готскимъ населеніемъ, что они имѣютъ свой готскій языкъ, что они христіане и имѣютъ своего готскаго епископа. Если число селъ и преувеличено, то сущность этого извѣстія очень цѣнна. Какъ султанскій переводчикъ, Спаѳарій долженъ былъ быть внимателенъ къ языкамъ подданныхъ султана; какъ молдаванинъ, онъ могъ особенно интересоваться родиною супруги своего воеводы Стефана.

Несмотря на это, А. А. Васильевъ все же отрицаетъ, что въ 16-мъ вѣкѣ въ Крыму говорили по-готски и ссылается при этомъ на сомнѣнія профессора М. Еллинека.

Но Еллинекъ только сомнѣвается въ точности передачи отдѣльныхъ словъ въ текстѣ Бузбека, въ виду того, что Бузбекъ (самъ фламандецъ) слышалъ готскія слова отъ грека, а текстъ напечатанъ послѣ смерти Бузбека во Франціи.[50] Но однако Еллинекъ (какъ впрочемъ и всѣ филологи 19 и 20 вѣка) вовсе не сомнѣвается въ самомъ фактѣ записи дѣйствительно готскихъ словъ Бузбекомъ.[51] Вѣдь вся „исторія готскаго языка" построена Еллинекомъ именно на томъ, что онъ даетъ въ каждомъ отдѣлѣ (ученіе о гласныхъ, о согласныхъ, числительныя, спряженія) сперва данныя изъ эпохи Ульфилы, а затѣмъ данныя „des Krimgotischen" (по Бузбеку), какъ послѣднюю стадію въ тысячелѣтнемъ развитіи готскаго языка.

Въ записи Бузбека до 80 словъ; среди нихъ столько древне-готскихъ, которыя никакъ не могли бы появиться въ устахъ плѣннаго ливонца и не могли быть сочинены Бузбекомъ.[52] Достаточно напомнить, что Codex argenteus Ульфилы былъ изданъ лишь въ 1665 году. Между тѣмъ у Бузбека мы находимъ такія готскія слова, какъ fers (мужъ), menus (мясо), schwalth (смерть) и др., совершенно неизвѣстныя въ XVI вѣкѣ. Знаменательнымъ является слово mycha (мечъ). Это рѣдкое готское слово (mêkeis) не

[47]) Нѣкоторыя указанія на то что въ черноморскихъ степяхъ могли быть среди францисканцевъ и нѣмецкіе миссіонеры, проповѣдывавшіе христіанство половцамъ, даетъ нѣмецкая часть извѣстнаго Codex Cumanicus, но они говорили на mittel deutsch. Д. А. Расовскій, *Къ вопросу о происхожденіи Codex Cumanicus*. Sem. Kond. III (1929), стр. 196.

[48]) Unicos Gothici generis et linguagii superstites ad spem gregis Gothorum proli ficandorum.

[49]) Cochlaeus. Vita Theodorici regis quondam Ostrogothorum et Italiae. Ingolstadt 1544.

[50]) Bedenkt man, wie der Text des Glossars zustande gekommen ist: die Auskunftsperson ein Grieche, der Aufzeichner ein Niederländer, der Setzer ein Franzose, so ist eine gewisse Skepsis bezüglich der Korrektheit am Platze. M. H. Jellinek. *Geschichte der Gothischen Sprache* 1926, s. 18.

[51]) Драгоцѣнная запись Бузбека была анализирована много разъ (Diffenbach 1843, Ф. Брунъ 1874, Tomaschek 1881, F. Braun, 1890, R. Loewe 1896 и 1903, Streitberg, Kluge 1911, W. Braune и др.). Никто изъ многочисленныхъ филологовъ-германцевъ не сомнѣвается въ томъ, что запись Бузбека дѣйствительно передаетъ послѣднюю стадію развитія готскаго языка. Одинъ лишь Р. Леве выдвинулъ теорію, что это языкъ потомковъ герудовъ, осѣвшихъ въ Крыму вмѣстѣ съ готами въ IV вѣкѣ.

[52]) Всѣ они разобраны у Tomascheka, 59—67.

попадается даже въ евангеліи Ульфилы и стало извѣстнымъ лишь въ миланскомъ палимпсестѣ, найденномъ въ 1817 году.[53] Уже наличность этого слова въ записи Бузбека есть драгоцѣнное указаніе на то, что его собесѣдникъ несомнѣнно говорилъ на настоящемъ готскомъ нарѣчіи, додержавшемся въ Крыму до конца XVI вѣка. Въ записи Бузбека есть цѣлый рядъ интересныхъ фонетическихъ явленій, которыхъ онъ не могъ придумать. Таково послѣдовательное исчезновеніе др.-готскаго h (напр. iel = др.-г. heil). Затѣмъ закономѣрное измѣненіе др.-германскаго â (черезъ др.-гот. ê) въ î: въ словахъ mîka (mycha) = mâki, mêkeis; schchlipen (др.-герм. slâpan, др.-гот. slêpan), mîne (др.-герм. môna, др.-г. mêna). Есть интересныя восточныя заимствованія: напр. для тысячи hazer (перс. hazār, венг. ezer); свѣтъ — schediit (перс. šed, бактр. khšaeta).[54] Эти заимствованія свидѣтельствуютъ о долгомъ сожительствѣ съ восточными народами, вѣроятно съ ближайшими сосѣдями, аланами-асами; они никакъ не могли явиться въ устахъ „новаго пришельца изъ Зап. Европы“.

По нашему мнѣнію, запись Бузбека есть драгоцѣннѣйшій документъ для всей тысячелѣтней исторіи готовъ въ Крыму и ее надо было напечатать цѣликомъ, приведя и комментарій крупнѣйшихъ филологовъ XIX и XX вв., а не только устарѣвшее мнѣніе двухъ скептиковъ XVIII в. Въ ней могутъ быть опечатки, но сущность ея не оспаривается никѣмъ изъ серьезныхъ филологовъ и всегда приводится въ наукѣ, какъ цѣнный памятникъ архаическаго германскаго нарѣчія. Подвергать ее новому „объективному пересмотру“ едва ли надобно. Умолчаніе Броневскаго о готскомъ языкѣ не имѣетъ никакого значенія. Этотъ польскій шляхтичъ изъ люблинской земли[55] писалъ по-латыни, но нѣмецкаго языка вѣроятно не зналъ и германистикой не интересовался. Посѣтивъ развалины Мангупа въ 1579 г. онъ разговаривалъ съ греческимъ священникомъ (черезъ переводчика?), въ опустѣломъ городѣ нашелъ нѣсколько татаръ и караимовъ. Но готскаго языка онъ не замѣтилъ; для этого надо было ѣхать по деревнямъ или спеціально разыскивать готовъ, какъ это сдѣлалъ Бузбекъ. Да, готскій языкъ дѣйствительно вымиралъ уже: вѣдь свѣтловолосый высокій собесѣдникъ Бузбека, настоящій германецъ по типу, уже не зналъ родного языка; на немъ говорилъ только бойкій грекъ, очевидно научившійся ему, чтобы разговаривать съ деревенскими жителями.

Съ научной точки зрѣнія грустнымъ фактомъ является выселеніе христіанъ изъ Крыма въ 1779 году, за четыре года до подчиненія Крыма Россіи. Этимъ былъ нанесенъ тяжелый ударъ христіанству въ Крыму, а всѣ мѣстныя готскія и греческія традиціи были нарушены. Исчезла даже славная готская епархія, державшаяся полторы тысячи лѣтъ.

На этомъ грустномъ финалѣ слѣдуетъ остановиться. Переселеніе объясняется экономическими причинами: Екатерина II дала переселенцамъ по указу 21 мая 1779 г. громадныя земли и большія льготы. Бѣдные переселенцы, которыхъ было не больше 30 тысячъ, получили 1.234.000 десятинъ прекраснаго чернозема съ 10-лѣтней льготой. Они основали городъ Маріуполь и 24 колоніи въ уѣздѣ и пользовались самоуправленіемъ (свои греческіе судьи) до середины XIX в. Среди этихъ христіанъ „Татовъ“ и надо искать потомковъ готовъ. Недаромъ Палласъ, посѣтившій Крымъ въ 1774 году, отмѣтилъ высокихъ и свѣтлыхъ „татовъ“ въ Кикинеизѣ, Симеизѣ, Алуштѣ и Лименѣ (т. е. именно въ области старой Готѳіи,[56] а пріѣхавъ въ 1793 году, не нашелъ нигдѣ слѣдовъ готовъ. Оба нарѣчія маріупольскихъ грековъ (и греч. „апла“ и татарское) давно слѣдовало подвергнуть анализу, равно какъ антропологическій типъ и семейныя традиціи этихъ грековъ. Но наука XIX вѣка этого не сдѣлала и упустила драгоцѣнный матеріалъ, постепенно исчезнувшій.

---

[53]) Изъ древне-готскаго mekeis заимствовано слав. мьчъ и фин. miekka; съ нимъ сродни др.-сакс. mâki и др.-англо-сакс. mêce; въ шведскомъ яз. этого слова нѣтъ. Tomaschek 63.

[54]) Tomaschek, 59—67. Потеря своего слова для тысячи наблюдается и у балканскихъ славянъ; такъ сербы взяли у грековъ слово хиліада, а въ Босніи въ XV вѣкѣ писали: лѣта езеро четириста (отъ венг. ezer).

[55]) Marcin Broniewski или Broniowski (ср. Broniovius); о немъ см. Paprocki, *Herbarz*, s. v.; А. А. Васильевъ напрасно пишетъ: Bronevski.

[56]) Pallas, Bemerkungen auf einer Reise II, 148 и 158; Tomaschek, 4—5. Турецкое названіе „тать“ обозначаетъ „gens de bas étage qui n'habitent pas les villes“ (Pont de Courteille, Dictionnaire 194); это названіе примѣняется къ *покореннымъ народамъ*. Такъ венгерцы называютъ словаковъ Tót. Tomaschek ib.

Новый трудъ А. А. Васильева является цѣннымъ вкладомъ въ науку, по богатству собраннаго матеріала и по мастерской его обработкѣ. Мы горячо надѣемся, что этотъ трудъ вскорѣ выйдетъ въ свѣтъ и на другомъ языкѣ, кромѣ англійскаго. Такъ какъ въ исторіи Готѳіи есть еще неясные пункты, то мы сочли нашимъ долгомъ уваженія къ маститому ученому остановиться именно на этихъ пунктахъ и высказать наши гипотезы, которыя можетъ быть пригодятся для новаго, законченнаго изданія этой прекрасной работы.

Намъ кажется, что можно сократить извѣстія о Гаврахъ и нѣкоторыя извѣстія, касающіяся только генуэзцевъ въ Крыму, но слѣдовало бы привести полную запись Бузбека и филологическій анализъ ея учеными XX вѣка. Хорошо было бы дать изображенія надписей изъ Мангупа, о которыхъ много говорится въ текстѣ: онѣ оживили бы изданіе.[57]

Еще одно замѣчаніе: къ изданію приложена географическая карта, но она не достигаетъ своей цѣли. На ней изображенъ весь бассейнъ Чернаго моря, даже съ Каспійскимъ. Такой широкій охватъ излишенъ,[58] — лучше было бы дать подробную карту Крыма, потому что сейчасъ многія изъ крымскихъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ текстѣ, не умѣстились на картѣ.

Досаднѣе всего, что на этой картѣ допущена крупная ошибка: городъ Мангупъ показанъ въ степи около Сиваша, къ сѣверу отъ Ѳеодосіи. Неосвѣдомленному читателю станетъ непонятнымъ, почему мангупскіе князья воевали у Балаклавы, если у нихъ былъ выходъ къ морю на востокъ. Между тѣмъ настоящій Мангупъ находится на другомъ концѣ Крыма (верстъ 150 къ западу), на полу-пути отъ Балаклавы къ Бахчисараю, на высокой скалѣ въ 1900 футовъ.[59] Къ сѣверо-востоку отъ него находятся древніе пещерные города Чифутъ-Кале и Эски-Керменъ (въ послѣднемъ недавно признали остатки древняго готскаго города Дори). Собственно говоря, Готы заняли въ Крыму только его юго-западный уголъ, гористую и приморскую область отъ Севастополя и Балаклавы до Чатырдага и Алушты. Эта часть и была Готскими Климатами, Gothia maritima.

Прекрасный фрагментъ карты Крыма съ Мангупомъ данъ недавно въ статьѣ Банеску.[60] Такую подробную карту Крыма слѣдовало бы приложить къ книгѣ А. А. Васильева, такъ же какъ и планъ укрѣпленій Мангупа изъ книги Муравьева-Апостола.

Бѣлградъ. *А. В. Соловьевъ.*

[57]) Почти всѣ онѣ помѣщены (въ довольно плохомъ исполненіи) въ статьѣ Н. В. Малицкаго.

[58]) Всякій читатель легко представитъ себѣ, гдѣ находятся Константинополь и Трапезундъ.

[59]) Муравьевъ-Апостолъ. *Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 году.* СПБ. 1823, стр. 182—190; П. Семеновъ. *Россія,* т. XIV, стр. 710—711.

[60]) *Byz. Zeitschrift* 35 (1935), 21—37.

O. Wulff. *Lebenswege und Forschungsziele.* Eine Rückschau nach Vollendung des 70. Lebensjahres, ergänzt durch kunsttheoret. Abhandlungen und ein Schriftenverzeichnis des Verfassers. Verlag R. M. Rohrer. Wien—Prag—Leipzig—Brünn 1936, стр. 229.

Настоящая книга принадлежитъ къ категоріи научныхъ автобіографій, являясь цѣннымъ дополненіемъ къ сборнику Kunstgeschichte in Selbstdarstellungen, вышедшему лѣтъ десять тому назадъ въ Германіи. Опираясь на свой огромный изслѣдовательскій и музейный опытъ, авторъ подводитъ въ ней итогъ своей болѣе чѣмъ сорокалѣтней научной работы и музейной дѣятельности. Какъ ученый, обогатившій литературу объ искусствѣ христіанскаго Востока рядомъ цѣнныхъ, подчасъ основополагающихъ изслѣдованій, какъ организаторъ Отдѣла Христіанскаго Востока Kaiser-Friedrich Museum въ Берлинѣ, какъ авторъ двухтомнаго руководства по древне-христіанскому и византійскому искусству (Altchristliche und byzantinische Kunst, Handbuch der Kunstwissenschaft, 2-ое испр.изд. 1936 г.), О. Вульфъ по праву можетъ считаться однимъ изъ крупнѣйшихъ знатоковъ искусства христіанскаго Востока не только въ Германіи, но и въ Европѣ.

Наряду съ изученіемъ памятниковъ раннехристіанскаго и византійскаго искусства, Вульфъ положилъ также много труда на изслѣдованіе искусства Средневѣковья и Возрожденія. Широкій кругозоръ и разносторонняя одаренность автора нашли отраженіе въ данной книгѣ.

Книга Вульфа распадается на три части: „Воспоминанія" (стр. 11—97), „Изслѣдовательскія задачи и развитіе работы" (стр. 97—158) и, наконецъ, „Основныя положенія для теоріи и эстетики изобразительнаго искусства" (стр. 159—222).

Въ первой части Вульфъ съ присущей ему основательностью даетъ лѣтопись своей жизни. Уроженецъ С. Петербурга, Вульфъ послѣ окончанія Юрьевскаго Университета и ряда семестровъ въ Берлинскомъ и Лейпцигскомъ Университетахъ, получаетъ назначеніе въ Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ. Работа Вульфа въ Институтѣ подъ руководствомъ незабвеннаго Ѳ. И. Успенскаго, въ сотрудничествѣ съ Погодинымъ и Фармаковскимъ (1895—1898) послужила основой для дальнѣйшей его изслѣдовательской работы. Описаніе посѣщенія имъ Никомедіи (Измидъ), Афона, Хіоса и греческихъ городовъ принадлежитъ къ наиболѣе яркимъ страницамъ его автобіографіи и пріобрѣтаетъ особый интересъ для русскаго читателя. Приходится лишь пожалѣть, что авторъ ограничился общей характеристикой своихъ сотрудниковъ по Институту, сыгравшихъ въ исторіи русской археологіи столь крупную роль, какъ Успенскій, Формаковскій, Смирновъ и Погодинъ.

Вторая часть книги Вульфа переноситъ читателя изъ Константинополя въ Берлинъ, гдѣ автору суждено было найти въ качествѣ музеевѣда и профессора Берлинскаго Университета по каѳедрѣ исторіи искусствъ широкое поле дѣятельности. Устройство и расширеніе отдѣла Христіанскаго Востока въ Kaiser-Friedrich Museum является неоспоримой заслугой Вульфа, положившаго немало труда на коренную реорганизацію этого единственнаго въ своемъ родѣ собранія памятниковъ ранне-христіанскаго и византійскаго искусства. Наряду съ разработкой цѣлаго ряда спеціальныхъ вопросовъ по исторіи христіанской археологіи и византійскаго искусства, авторъ углубляется все болѣе въ область эстетики изобразительныхъ искусствъ. Исходя изъ теоріи изобразительныхъ искусствъ A. Schmarsow'а, Вульфъ углубляетъ и расширяетъ ее въ своихъ лекціяхъ и статьяхъ, втягивая въ кругъ своихъ изслѣдованій психологію творчества, теорію композиціи, творчество ребенка, поэтику изобразительныхъ искусствъ и т. д., и тѣмъ самъ намѣчаетъ новые пути въ области эстетики и методологіи искусствознанія.

Послѣдняя глава данной книги содержитъ результаты болѣе чѣмъ двадцатилѣтней работы автора въ этой области. Остается лишь пожелать, чтобы содержащіяся въ этой главѣ мысли объ „основныхъ положеніяхъ“ претворены были авторомъ въ стройное „зданіе“ эстетики изобразительныхъ искусствъ.

Приложенный къ книгѣ библіографическій указатель научныхъ трудовъ автора, охватывающій чуть-ли не всѣ области искусствознанія и насчитывающій болѣе шестидесяти названій, — дѣлаетъ книгу О. Вульфа еще болѣе цѣнной.

А. Гаккель.

O. J. Tuulio (Tallgren), *Du nouveau sur Idrīsī* отд. отт. изъ Studia Orientalia, Helsinki, 1936, стр. X + 242 съ 2 картами и 13 таблицами.

Всѣмъ, знакомымъ съ Географіей Идризи, извѣстно, насколько, съ одной стороны, заманчивъ этотъ арабскій источникъ, дающій такъ много оригинальныхъ географическихъ свѣдѣній сер. XII в., и насколько, съ другой стороны, онъ труденъ для пользованія изъ-за непреодолимыхъ препятствій, возникающихъ при чтеніи многочисленныхъ собственныхъ именъ, благодаря ихъ арабскому написанію.

Финскій оріенталистъ O. J. Tuulio уже рядъ лѣтъ занимается Идризи, систематически изучая его Географію область за областью. Для своей работы проф. Туліо привлекъ не только новые списки Идризи, но впервые использовалъ и сокращенный текстъ Географіи Идризи („*le Petit Idrīsī*“), а также обратилъ особое вниманіе на карты къ тексту. Разбираемыя мѣста разныхъ списковъ текста и картъ приведены въ фотографіяхъ въ концѣ книги. Каждая фраза Идризи тщательнѣйше изучается сперва палеографически, затѣмъ филологически съ точки зрѣнія всѣхъ возможныхъ конъюнктуръ, затѣмъ дается сводный текстъ, переводъ и, наконецъ, историко-географическій комментарій.

Авторъ удѣляетъ также много вниманія вопросу о томъ, какимъ способомъ Идризи собиралъ свой матеріалъ и считаетъ, что для сѣверо-восточной и восточной Европы это былъ почти исключительно устный матеріалъ, получаемый имъ отъ спеціальныхъ освѣдомителей. Авторъ намѣчаетъ тѣ области или города, откуда доставлялись свѣдѣнія, старается угадать національность этихъ освѣдомителей и обращаетъ вниманіе на то, какъ при системѣ устныхъ передачъ (людьми, чуждыми по языку тѣмъ странамъ, свѣдѣнія о которыхъ они передавали) легко могли возникнуть многочисленныя ошибки въ собственныхъ географическихъ именахъ Идризи.

Еще въ 1930 г. О. Туліо издалъ свою первую работу, касающуюся 4-го отдѣла VII-го климата

Географiи Идризи, т.-е. Финляндiи, Прибалтики и сѣверной и западной Руси, а братъ нашего автора, археологъ А. М. Талльгренъ, далъ очень цѣнный историко-археологическiй очеркъ изслѣдуемыхъ областей *(Idrīsī. La Finlande et les autres pays baltiques orientaux par* O. J. Tallgren-Tuulio et A. M. Tallgren, *Studia Orientalia, Helsingforsiae*, 1930, стр. 154 съ двумя картами и 10 таблицами). Въ 1934 г. въ Annales Academiae Scientiarum Fennicae, B. XXX, с. 259—272 появилось изслѣдованiе О. Тулiо о 3-ьемъ отдѣлѣ того же VII климата Географiи Идризи, посвященное сѣверной Германiи *(Le géographe arabe Idīrīs et la toponymie baltique de l'Allemagne)*. Третья работа „*Du nouveau sur l'Idrīsī*" разсматриваетъ 5-ый отдѣлъ VII-го климата, заключающiй въ себѣ описанiе сѣверной Россiи, Поднѣпровья, Поднѣстровья и восточной части Балканскаго полуострова. Кромѣ того, въ этой же книгѣ авторъ наново пересматриваетъ 3-iй и 4-ый отдѣлы VII климата и даетъ какъ бы сводку всѣмъ своимъ предыдущимъ работамъ надъ Идризи.

Мы остановимся здѣсь лишь на извѣстiяхъ, касающихся древней Руси.

Какъ мы уже отмѣтили, авторъ считаетъ, что Идризи для описанiя сѣв.-восточн. и вост. Европы пользовался почти исключительно устными свѣдѣнiями, причемъ эти свѣдѣнiя доставлялись ему не туземцами, а жившими въ этихъ странахъ скандинавами (финскiй городъ Турку названъ своимъ шведскимъ именемъ Обо, Åbo; имя нынѣшней столицы Эстонiи передано въ русскомъ названiи — Колывань и т. под.). Лишь два указанiя, по мнѣнiю автора, были почерпнуты изъ письменныхъ источниковъ: объ озерѣ *ṭrmy* (въ Куманiи), с. 163, 193, и объ амазонкахъ с. 147. Мы не можемъ согласиться съ этимъ утвержденiемъ и считаемъ, что такихъ письменныхъ и не современныхъ источниковъ, служившихъ матерiаломъ для VII климата, было у Идризи гораздо больше. Прежде всего самъ Идризи наводитъ насъ на мысль объ этомъ, когда говоритъ, при описанiи Россiи, что „personne n'est venu nous apporter la certitude sur les noms de ces [endroits]" (переводъ Тулiо, с. 29, мѣсто изъ 5-го отдѣла VII климата). Врядъ ли также могъ Идризи собрать свѣдѣнiя о Руси, пользуясь только разсказами лицъ, никогда въ ней не бывавшими: онъ не могъ бы въ такомъ случаѣ привести столько детальныхъ (но точныхъ ли — это еще вопросъ) свѣдѣнiй о разстоянiяхъ между различными городами Руси. Кромѣ того, трудно себѣ представить, чтобы современникъ, т. е. человѣкъ, жившiй въ сер. XII в., одинъ изъ освѣдомителей Идризи (по мнѣнiю автора — шведъ изъ одного чудского [эстонскаго] городка, с. 208 и въ *Idrīsī, La Finlande*, с. 12), могъ бы сказать про Новгородъ, что „c'est une ville grande, florissante, au haut d'une montagne dont l'ascension est impossible. Ses habitants se fortifient dans cette [ville] contre les [agresseurs] nocturnes [venant] de Russie" (с. 23 пер. Тулiо). Характерно, что Новгородъ при этомъ названъ старымъ скандинавскимъ именемъ Hólmgarðr, извѣстнымъ лишь изъ сагъ; въ XII в. даже уже въ Скандинавiи употребляли имя „Новгородъ" (ср. Е. А. Рыдзевская, Холм в Новгороде и древне-северный Hólmgarðr, Изв. Росс. Акад. Ист. Мат. Культ. II, 1922, с. 111). Авторъ дѣлаетъ крупную ошибку, когда ссылается на Нестора (называющаго Новгородъ варяжскимъ городомъ), какъ на источникъ XII в., тогда какъ Несторъ или Начальная лѣтопись восходитъ къ XI-му (с. 139—141 и с. 81 въ „*Idrīsī. La Finlande*").

Невозможно также объяснить, какъ современникъ могъ въ XII в. называть Русь — страною Маджушъ, т. е. варяговъ, и считать въ это время варяговъ язычниками! (с. 21, 23, 27, 41, 43, 125—6, 139—141; *Idrīsī. La Finlande*, с. 79—84). Врядъ ли убѣдительно объясненiе автора, что русскiе норманны хотя въ XII в. и были руссифицированы, но все же помнили свое шведское происхожденiе, почему шведъ, освѣдомитель Идризи, и всю Русь назвалъ страной норманновъ-язычниковъ.

Всѣ эти извѣстiя было бы легче объяснить, если признать, что Идризи использовалъ здѣсь не сообщенiя современниковъ, а матерiалъ предшествующихъ двухъ вѣковъ. Мы знаемъ, что Идризи широко пользовался географической литературой IX—X в. в., почему, напр., при описанiи степей сѣвернаго Причерноморя у него одновременно съ Куманами-Половцами фигурируютъ и Печенѣги, Хазары и др. народы, уже исчезнувшiе къ сер. XII ст. Интересныя новыя свѣдѣнiя о подобныхъ заимствованiяхъ Идризи изъ предшествующей арабской литературы сообщилъ H. v. Mžik, *Osteuropa nach der arabischen Bearbeitung der* Γεωγραφικὴ ὑφήγησις *des Klaudios Ptolemaios von Muhammad ibn Mūsā al-Ḫuwārizmī* въ Wiener Zeitschr. f. d. Kunde des Morgenlandes, Bd. XLIII, 1936.

Однимъ изъ главныхъ освѣдомителей Идризи о Руси авторъ считаетъ нѣкоего славянина или

скандинава, жившаго въ Сновскѣ, маленькомъ городѣ Черниговскаго княжества. Къ этому выводу авторъ приходитъ потому, что Сновскъ много разъ упоминается въ разныхъ отдѣлахъ VII-го климата Географіи, и служитъ исходной точкой для измѣренія разстояній до многихъ другихъ городовъ. Авторъ считаетъ, что изъ Сновска, расположеннаго недалеко отъ устья р. Снови, притока Десны, шелъ водный путь сперва внизъ по Сновѣ, до ея впаденія въ Десну, затѣмъ Десною на сѣверъ до ея верховьевъ, волокомъ на Днѣпръ и далѣе извѣстнымъ путемъ „изъ Варягъ въ Греки" къ Балтійскому и Бѣлому морямъ (с. 117—119, 211, 193, 208). Гипотеза эта крайне шатка. Названіе города въ текстѣ Идризи читается какъ *srmly*, что авторъ считаетъ „une simple déformation du nom de *Snwbly*-Snowsk" (с. 118). Въ разныхъ мѣстахъ у Идризи объ этомъ городѣ сказано, что онъ расположенъ то по Днѣпру (с. 29—31 и 165), то по Днѣстру (с. 144), то даже по Дунаю (ib.). Авторъ считаетъ, что всѣ эти названія рѣкъ ошибочны и что надо читать „Десна" (недалеко отъ теченія которой былъ расположенъ Сновскъ), (с. 144—6). До сихъ поръ это была область арабской филологіи, гдѣ не-филологъ не имѣетъ права голоса. Но когда авторъ далѣе утверждаетъ, что изъ Сновска по Деснѣ шелъ водный путь на сѣверъ, съ волокомъ у верховьевъ Десны на Днѣпръ—то мы позволяемъ себѣ въ этомъ усомниться: верховія Десны въ XII в. были не транзитомъ, а тупикомъ, и нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ волока съ Десны на Днѣпръ. Понятна и причина этого: рядомъ, Днѣпромъ, шелъ великій водный путь изъ Варягъ въ Греки и не было никакой надобности обходить его Десною и волокомъ, по безлюднымъ дебрямъ Сѣверской земли. Путь изъ Сновска могъ идти только на югъ, черезъ Черниговъ и Кіевъ. Наконецъ, Идризи сообщаетъ, что городъ *Srmly* у грековъ назывался *twya* (с. 23 и 146). Все это мало подходитъ къ черниговскому городку, въ которомъ даже не было княжескаго стола и трудно понять какъ житель Сновска могъ стать освѣдомителемъ составителей Географіи въ Сициліи. Очевидно въ *Srmly* надо искать какой-нибудь другой городъ, а не Сновскъ, тѣмъ болѣе, что Сновскъ у Идризи опредѣленъ въ 4 дняхъ пути на югъ отъ города, который Туліо читаетъ какъ Смоленскъ. А отъ Сновска до Смоленска по Деснѣ — разстояніе въ 600 километровъ! Въ 4 дня такое разстояніе было невозможно преодолѣть ни воднымъ, ни сухимъ путемъ.

Ограничусь еще двумя замѣчаніями. Можетъ быть въ неназванномъ по имени у Идризи городѣ на Нѣманѣ, въ которомъ О. Туліо видитъ литовское Ковно (Каунасъ) (с. 9, 105—6 и 266), было бы вѣрнѣе видѣть русскій Городенъ, Гродно — городъ и старше и значительнѣе Ковно (о немъ см. новую работу А. В. Соловьева *Новыя раскопки въ Гроднѣ и ихъ значеніе для русской исторіи*, Зап. Русск. Научн. Инст. въ Бѣлградѣ, вып. 13, 1935, с. 69—96). Русскій же городъ Ясска (с. 37, 41, 156—7), слѣдъ котораго авторъ ищетъ въ совр. деревнѣ того же имени у устья Днѣстра, не есть ли „Аскый Торгъ", упоминаемый уже въ Воскресенской лѣтописи въ спискѣ „всѣхъ городовъ русскихъ, дальнихъ и ближнихъ"?

Въ концѣ книги у О. Туліо приведена обширная библіографія. Къ ней можно прибавить имена двухъ ученыхъ, также занимавшихся Идризи и интересовавшихся преимущественно его свѣдѣніями о Половцахъ и о Причерноморьи: O. Blau, *Über Volksthum und Sprache der Komanen*, Zeitschrift der Deutsch. Mörgenl. Geselsch., XXIX, 1875 и Ф. Брунъ, *Слѣды древняго рѣчного пути изъ Днѣпра въ Азовское море*, Зап. Имп. Новоросс. Унив. т. 28, Одесса, 1879.

Д. Расовскій.

Списокъ лицъ и учрежденій, приславшихъ книги и оттиски въ Институтъ съ 1 августа 1936 г. по 1 октября 1937 г.

Liste des personnes et institutions qui ont envoyé des ouvrages à l'Institut depuis le 1 Août 1936 jusqu'au 1 Octobre 1937.

Андреевъ Н. Е. (Прага)
Бѣляева Л. П. (Прага)
Бѣляевъ Н. Т. (Парижъ)
Васильевъ А. А. (Мадисонъ)
Вернадскій Г. В. (Нью-Хэвенъ)
Гаккель А. Г. (Берлинъ)
Гандевъ Х. Н. (Софія)
Грабаръ А. Н. (Страсбургъ)
Дуйчевъ И. (Софія)
Зарѣцкій Н. В. (Прага)
Кацаровъ Г. И. (Софія)
Лосскій Б. Н. (Прага)
Лукъяновъ Г. И. (Каиръ)
Ляцкій Е. А. (Прага)
Мельниковъ Е. И. (Прага)
Месеснел Ф. (Скопле)
Милюковъ П. Н. (Парижъ)
Минорскій В. Ф. (Лондонъ)
Мошинъ В. А. (Панчево)
Одинецъ Д. М. (Парижъ)
Окуневъ Н. Л. (Прага)
Острогорскій Г. А. (Бѣлградъ)
Предаевичъ В. Я. (Бѣлградъ)
Пузына И. В. (Парижъ)
Радојчић Н. (Любляны)
Разумовскій А. К. гр. (Дольне Животице, ЧСР)
Расовскій Д. А. (Прага)
Рязановскій В. А. (Тянзинь)
Савицкій П. Н. (Прага)
Сергѣевскій Д. Н. (Сараево)
Сидамонъ-Эристова В. П. кн. (Ницца)
Соловьевъ А. В. (Бѣлградъ)
Таубе М. А. бар. (Мюнстеръ)
Толль Н. П. (Прага)
Трифоновъ Ю. (Софія)
Францевъ В. А. (Прага)
Шписъ М. Р. (Рига)
Эккъ А. А. (Брюссель)
Якобсонъ Р. О. (Брно)
Яшвиль Н. Г. кн. (Прага)
Σωτηριου Г. А. (Аѳины)
Belitzky J. (Будапештъ)
Bratianu G. I. (Бухарестъ)
Bréhier L. (Шамальеръ)
Darkó J. (Дебреценъ)
Dirks I. (Монастырь Амэй, Бельгія)
Epstein F. (Лондонъ)
Fabricius E. (Фрейбургъ)
Girsa J. (Прага)
Hančar F. (Вѣна)
Jakimowicz R. (Варшава)
Jerphanion G. de (Римъ)
Jodkowski J. (Гродно)
Karaman L. (Загребъ)
Kostrzewski J. (Познань)
Leitzmann H. (Берлинъ)
Mesnil du Buisson du, Comte (Парижъ)
Moravcsik Gy. (Будапештъ)
Myslivec J. (Прага)
Pfister R. (Парижъ)
Przeworski S. (Варшава)

Reşit Saffet Atabinen (Константинополь)
Robinson G. (Римъ)
Rypka J. (Прага)
Schaub-Koch E. (Женева)
Schwarzenberg K. (Орликъ, ЧСР)
Tafrali O. (Яссы)
Talbot Rice D. (Эдинбургъ)
Tuulio O. J. (Гельсингфорсъ)
Vasmer M. (Берлинъ)
Weidhaas H. (Берлинъ)
Werner J. (Франкфуртъ н. М.)
Wheeler W. E. (Санъ-Матео, США)
Zeiss H. (Берлинъ)

Балкански Институт (Бѣлградъ)
Българска Академия на Науките (София)
Български Археологически Институтъ (София)
Варненското Археологическо Дружество (Варна)
Народенъ Археологически Музей (София)
Народна Библиотека и Музей (Пловдиво)
Національный Музей (Львовъ)
Русское Археологическое Общество въ Югославіи (Бѣлградъ)
Русское Научно-Изслѣдовательское Объединеніе (Прага)
Скопско Научно Друштво (Скопле)
Университетска Библиотека (София)
American Academy in Rome (Римъ)
Archäologisches Institut des Deutschen Reiches. Abteilung Istanbul (Константинополь)
Byzantine Institute (Парижъ)
Filosofická fakulta university Karlovy (Прага)
Instytut Zachodnio-Słoviański (Познань)
Lwowskie Towarzystwo Prehistoryczne (Львовъ)
Ministerstvo školství a národní osvěty (Прага)
Muzeum Śląskie (Катовицы)
Polska Akademja Umiejętności (Краковъ)
Schleswig-Holsteinisches Museum Vorgeschichtlicher Altertümer (Киль)
Universitetets Oldsaksamling (Осло)
Yale University (Нью-Хэвенъ)

Acta Archeologica (Копенгагенъ)
Analecta Bollandiana (Брюссель)
Annales de l'Institut d'études orientales (Алжиръ)
Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves (Брюссель)
Annual bibliography of Indian Archaeology (Лейденъ)
Antiquité Classique (Лувенъ)
Årbok (Осло)
Archaeologia Hungarica (Будапештъ)
Archaeologiai Értesitő (Будапештъ)
Arta şi Archeologia (Яссы)
Bericht d. Römisch-Germanischen Kommision (Франкфуртъ н. М.)
Berytus (Бейрутъ)
Biuletyn historji sztuki i kultury (Варшава)
Богословље (Бѣлградъ)
Bratislava (Братислава)
Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archaeology (Нью-Іоркъ)
Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquites (Стокгольмъ)
Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher (Аѳины)
Byzantinische Zeitschrift (Лейпцигъ-Берлинъ)
Byzantinoslavica (Прага)
Byzantion (Брюссель)
Dolgozatok a M. Kir. Ferencz Joszef-Tudományegetem Archaeologiai Intézetéből (Сегедъ)
Echos d'Orient (Константинополь-Парижъ)
Ἐλπίς (Варшава)
Ἐπετερίς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν (Аѳины)
Eurasia Septentrionalis Antiqua (Гельсингфорсъ)

Finskt Museum (Гельсингфорсъ)
Georgica (Лондонъ)
Glasnik Muzejskega Društva za Slovenijo (Люблянь)
Гласник Скопског Научног Друштва (Скопле)
Glasnik Zemaljskog Muzeja u Bosni i Hercegovini (Сараево)
Годишникъ на Народната Библиотека въ Пловдивъ (Пловдивъ)
Годишникъ на Софийския Университетъ (Софія)
Harvard Journal of Asiatic Studies (Кэмбриджъ, США)
Indo-Tibetica (Римъ)
Известия на Народния Етнографски Музей (Софія)
Jugoslovenski Istoriski Časopis (Бѣлградъ)
Mainzer Zeitschrift (Майнцъ)
Memoirs of the American Academy in Rome (Римъ)
Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Institut. Athenische Abteilung (Аѳины)
Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Institut. Römische Abteilung (Римъ-Мюнхенъ)
Narodna Starina (Загребъ)
Obzor Praehistorický (Прага)
Orientalia Christiana Analecta (Римъ)
Orientalia Christiana Periodica (Римъ)
Památky Archeologické (Прага)
Przegląd Archeologiczny (Познань)
Revue d'histoire ecclésiastique (Лувенъ)
Revue des études slaves (Парижъ)
Revue internationale des études balkaniques (Бѣлградъ)
Rivista di Archeologia Christiana (Градъ Ватиканъ)
Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde u. f. Kirchengeschichte (Римъ-Фрейбургъ)
Slavia Occidentalis (Познань)
Slavische Rundschau (Прага)
Славянски Глас (Софія)
Современныя Записки (Парижъ)
Speculum (Кэмбриджъ, США)
Studia Orientalia (Гельсингфорсъ)
Suomen Museo (Гельсингфорсъ)
Történetírás (Будапештъ)
T'Oung-Pao (Парижъ-Лейденъ)
Вѣстникъ Братства Православныхъ богослововъ (Варшава)
Věstník Královské České Společnosti Nauk (Прага)
Z otchłani wieków (Познань)

ОГЛАВЛЕНІЕ — TABLE DES MATIÈRES

PUBLICATIONS
DE

L'INSTITUT KONDAKOV

SLUNNÁ 10, PRAGUE XVIII.

TCHÉCOSLOVAQUIE

N. P. KONDAKOV

L'ICONE RUSSE

ÉDITION COMPLÈTE. (Deux albums de planches et deux volumes de texte). Prix $ 100·—

I. PREMIER ALBUM (65 pl. en couleurs), grand in-folio (32 × 42), Prague, 1928. Prix $ 50·— *Épuisé.*

Description des planches en français, anglais, allemand, tchèque et russe. Ne se vend qu'en complet.

II. SECOND ALBUM (136 planches en phototypie), petit in-folio (24 × 32), Prague, 1929 . . . . Prix $ 30·—

Description des planches en français, anglais, allemand, tchèque et russe.

III. TEXTE, TOME Ier (192 p. p., 8 pl. en phototypie et 1 en couleurs), petit in-folio (24 × 32), Prague, 1931 . . . . Prix $ 10·—

En russe, avec résumé français.

IV. TEXTE, TOME IIe (200 pp., 4 pl. en phototypie et 2 en couleurs), petit in-folio (24 × 32), Praha, 1933 . . . . Prix $ 10·—

En russe, avec résumé français.

RECUEIL-KONDAKOV. Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov. Prague 1926. (4°, 31 × 23 *cm*, XLIV + 300 pages, 115 figures dans le texte, 30 planches hors texte, dont une en couleurs.) . . . . Prix $ 12·—

P^sse M. C. TENICHEVA. Émaux et incrustations (œuvre posthume, en russe; кн. М. К. ТЕНИШЕВА, Эмаль и инкрустація). Prague 1930. (in 8° 20 × 27 *cm*, 116 pages, 40 planches.) . . . . Prix $ 8·—

THE BYZANTINE ENAMELS ON THE ZÁVIŠ CROSS AT VYŠŠÍ BROD. English edition. 50 numbered copies. Prague 1930. (in 8°, 20 × 25 *cm*, 40 pp., 10 plates in colours & 2 in phototype.) . . . . Prix $ 15·—

SEMINARIUM KONDAKOVIANUM

RECUEIL D'ÉTUDES. ARCHÉOLOGIE. HISTOIRE DE L'ART. ÉTUDES BYSANTINES.

Vol. I, 1927 (341 pages, 26 planches). Prix $ 6.—

Gébélev S. A. Orante. A propos de l'origine du type. Orechnikov A. V. Argenterie de Moldavie au Musée d'armes à Moscou. Uspensky Th. I. Les origines de l'empire de Trébizonde. Ostrogorsky G. A. La doctrine des saintes icones et le dogme christologique. Malitzky N. V. Traits d'iconographie palestinienne dans le psautier byzantin à illustrations marginales du type Chloudoff. Benechevitch V. N. Notes aux textes Notitiae Episcopatuum. Vernadsky G. V. Le Khanat de Kiptchak, d'Égypte et Byzance pendant le règne de Michel Paléologue. Toll N. P. Notes sur la soie chinoise dans la Russie Méridionale. Rassovsky D. A. Le rôle historique des „bonnets noirs" (černye klobuki) en Russie. Kubé A. N. Bois d'élan sculpté du IXe siècle. Maximova M. I. Le conte du Naufragé et un scarabé grec du VIe siècle (résumé français). Izmaïlova N. V. Chapiteau byzantin au Musée de Chersonèse. Matzulévich L. A. Grande boucle du trésor de Perechtépina et les pseudo-boucles. Rostovtzeff M. I. Le dieu equestre dans là Russie Méridionale, en Indo-Scythie et en Chine. Smirnov A. P. Base de croix en bois sculpté. Andréeva M. A. De la cérémonie „prokypsis". Florovsky A. V. Les donnés d'un écrivain arabe de Xe—XIe s. s. sur la Russie. Aïnalov D. V. Le groupe en marbre de l'immolation d'Isaac. Kalitinsky A. P. Quelques types de la fibule dans la Russie Méridionale (résumé français). Bêlaev N. M. L'Annonciation. Monument nouveau de peinture grecque sur bois (résumé français). Okunev N. L. Piliers de Saint Georges. Les ruines d'une église du XIIe s. près de Novy Pazar (résumé français). Belaiew N. T. The history and development of Russian weights and measures (résumé anglais). Kondakov N. P. Sur le manichéisme et les „bogoumils" (fragments). Personalia. Chronique. Bibliographie. Compte rendu du Seminaire. Tout les articles sont en russe.

Vol. II, 1928 (382 pages, 43 planches). Prix $ 8.—

Gébélev S. A. J. J. Smirnov (en russe). Aïnalov D. V. Nouveau type iconographique du Christ (en russe, avec résumé français). Kubé A. N. Croix-reliquaire de l'Ermitage (en russe, avec résumé français). Malitzky A. N. Remarques sur l'histoire de la composition de la Trinité (en russe, avec résumé français). Ostrogorsky G. A. Die erkenntnistheoretischen Grundlagen des byzantinischen Bilderstreites (en russe, avec résumé allemand). Strzygowski J. Die mit Flechtbändern verzierte Platte vom Wawel. Kosteckaja E. O. L'iconographie de la Résurrection d'après les miniatures du psautier Chloudov (en russe, avec résumé français). Trojnicky S. N. Coffret de Hédvige Jagellone à l'Ermitage (en russe, avec résumé français). Spicyn A. A. L'âge de bronze en Russie (en russe, avec résumé français). Bartold V. V. Ambassade de Rome à Bagdad au début du Xe siècle (en russe, avec résumé français). Syčev N. P. Le plus ancien fragment de la peinture byzantine en Russie (en russe, avec résumé français). Fettich N. Eine gotische Silberschnalle im ungarischen Nationalmuseum. Kračkovsky J. J. La coupe sassanide dans les vers du poète abbaside Abū-Nuwās (en russe, avec résumé français). Tschubinaschwili G. Die Kirche von Samtzevrissi in Georgien. Rostovtzeff M. I. Le roman „scythe" (en russe, avec résumé français). Maculevič L. A. Un relief représentant des jeux de cirque (en russe, avec résumé français). Romanov K. K. Sur la question de la technique des reliefes de la cathédrale St. George à Juriev Polskoy (en russe, avec résumé français). Andréeva M. A. Sur la question de la composition du Klêtorologion de Philothé (en russe, avec résumé français). Orěšnikov A. V. La bague de St. Alexis Métropolite de Moscou (en russe, avec resumé français). Belaiew N. T. On the Sumerian mina its origin and numerical value (en russe, avec résumé anglais). Grabar A. N. Le schéma iconographique de la Pentecôte (en russe, avec résumé français). Perdrizet P. L'archange Ouriel. Kalitinsky A. P. Quelques types de la fibule à deux pelles en Russie (en russe, avec résumé français). Personalia. Chronique. Bibliographie. Compte rendu du Seminaire.

Vol. III, 1929 (330 pages, 30 planches). Prix $ 8.—

Anastasijević D. Leon Diacre sur la date de la reconquête de la Bulgarie par Tzimiscès (en russe). Okunev N. L. L'iconostase du XIIe s. à Nérèz (en russe, avec résumé français). Wulff O. Der Ursprung des kontinuirenden Stils in der russischen Ikonenmalerei. Niederle L. Parure provenant de la nécropole de Staré Město en Moravie (en russe, avec résumé français). Martinovitch N. N. The tomb of Mihri in Amasia (en russe, avec résumé anglais). Bêlaev N. M. Études d'archéologie byzantine. I. Die Fibel in Byzanz (en russe, avec résumé allemand); II. Le reliquaire de Chersonèse (en russe, avec résumé français). Lossky V. N. La théologie apophatique dans la doctrine de Dénys l'Aréopagite (en russe). Vernadsky G. V. Were the Mongol envoys of 1223 christians? (en russe, avec résumé anglais). Rutkovsky N. P. Les scholies latines dans les recueils canoniques orthodoxes (en russe). Toll N. P. Les tissus sassanides avec la représentation de la chasse de Bahrâm-gour (en russe). Rassovsky D. A. Sur la question de l'origine du Codex Cumanicus (en russe). Belaiew N. T. Rorik de Jutland et Rurik des annales russes (en russe). Personalia. Chronique. Bibliographie. Compte rendu du Seminaire.

Vol. IV, 1931 (313 pages, 21 planches). Prix $ 8.—

Masaryk Alice. Souvenirs sur les conférences de N. P. Kondakov (en tschèque). Kondakov N. P. Conférences sur la civilisation antique (édition posthume, en russe). Diehl Ch. La légende de l'empereur Théophile. Tallgren A. M. Zur westsibirischen Gruppe der „Schamanistischen Figuren". Zlatarsky V. N. Organisation de la Bulgarie et situation du peuple bulgare, après la conquête du pays par l'empereur Basil II. (en russe, avec résumé français). Moravcsik Gy. Die Herkunft des Wortes TZITZAKION (en russe, avec résumé allemand). Mutafčiev P. Relations russe-bulgares au temps de Sviatoslav (en russe, avec résumé français). de Baumgarten H. Sophie de Russie, reine de Danemark, puis comtesse de Thuringe (en russe, avec résumé français). Zieliński Th. La Sibylle Étrusque (en russe, avec résumé français). Blochet E. L'origine byzantine des cartons des écoles de peinture persane, à Hérat, au XVe et au XVIe siècles. Ostrogorsky G. A. Das Verhältnis von Staat und Kirche in Byzanz (en russe, avec résumé français). Hopfner Th. Apollonis von Tyana und Philostratos. Ostrogorsky G. und Schweinfurth Ph. Das Reliquiar der Despoten von Epirus. Bellinger A. R. The temples at Dura-Europas, and certain early churches. Belaiew N. T. The Daric and the Zolotnik (en russe, avec résumé anglais) W. L. Westermann. Four doubel receipts from the estate of Apollonius. Bêlaev N. M. (†) Croix en argent de la collection N. G. Soldatenkov (en russe, avec résumé français). Grabar A. Miniatures gréco-orientales. I. Le tétraévangile Vaticanus Graecus 354. Toll N. P. Notes sur l'iconographie des tissus sassanides (en russe, avec résumé français). Przeworski St. Kaukasische Bronzenfiguren in polnischen Sammlungen und ihre syrischen Paralellen. Personalia. Chronique. Bibliographie.

Vol. V, 1932 (348 pages, 26 planches). Prix $ 8.—

Perdrizet P. De la Véronique et de Sainte Véronique. Ostrogorsky G. A. Die slavische Übersetzung des Symeon Logothetes (en russe, avec résumé allemand). Miatev Kr. Relief en bronze de la Vierge du Musée de Plovdiv (en russe, avec résumé français). Mošin V. A. Nicolas, évêque de Tmutorokań (en russe, avec résumé français). Born W. Das Tiergeflecht in der nordrussischen Buchmalerei. 1. Teil. Myslivec J. L'acatiste de la Sainte Vierge. Étude iconographique (en tchéque, avec résumé français). Vámos F. Attilas Hauptlager und Holzpaläste. Vasiliev A. Harun-ibn-Yahya and his description of Constantinople. Belaiew N. T. On a sumerian capper-bar in the British Museum (en russe, avec résumé anglais). Toll N. P. L'icone de la S. Vierge „Tikhvinskaïa" (en russe, avec résumé français). Myslivec J. Die Abgaros-Legende auf einer Ikone des XVII Jhdts (en russe, avec résumé allemand). Andreev N. E. Die Akten des Djak Viskovatyj (en russe, avec résumé allemand). Pokrovsky S. I. Une mosaïque nouvellement découverte dans la basilique Sainte Sophie à Sofia (en russe, avec résumé français). Ostrogorsky G. Zum Reisebericht des Harun-ibn-Yahya. Grabar A. Miniatures gréco-orientales. II. Toll N. P. Notes sur l'iconographie des tissus sassanides II-III. Personalia. Bibliographie.

Vol. VI, 1933 (252 pages, 17 planches). Prix $ 6.—

Rassovsky D. A. Pétchénègues, Torks et Béréndés en Russie et en Hongrie (en russe, avec résumé français). Perdrizet P. D'une gravure relative à la légende de S. Jude Phaddée. Ostrogorsky G.

Rom und Byzanz im Kampfe um die Bilderverehrung. Born W. Das Tiergeflecht in der nordrussischen Buchmalerei (II. Teil). Asakawa K. The founding of the Shogunate by Minamoto-No-Yoritomo. Salmony A. Der wagerechte Stangenabschluß an der nordchinesischen Grenze und in China. Belaiew N. T. On bismar in India (en russe, avec résumé anglais). Bošković G. La restauration récente de l'iconostase à l'église de Nerezi. Rostovtzeff M. Some new aspects of Iranian Art. Mošin V. A. La Russie et les Khazares au temps du Sviatoslav (en russe). Toll N. P. The icon of our Saviour in the Soldatenkov collection (en russe, avec résumé anglais). Rásonyi Nagy L. Der Volksname Berenděj. Myslivec J. Ikone des „Ioannes in der Wüste" aus der Sammlung Zolotnickij (en russe, avec résumé allemand). Personalia. Bibliographie.

Vol. VII, 1935 (280 pages, 10 planches). Prix $ 8.—

R. Pfister. Teinture et alchimie dans l'Orient Hellénistique. W. Born. Das Tiergeflecht in der nordrussischen Buchmalerei (III. Teil). J. Brutzkus. Die „Warjager" und „Kolbjager" (en russe, avec résumé allemand). A. N. Grabar. Les fresques des escaliers à Sainte-Sophie de Kiev et l'iconographie impériale byzantine. A. V. Solovjev. Les emblèmes héraldiques de Byzance et les Slaves. G. I. Bratianu. Anciennes modes orientales à la fin du Moyen Âge. N. T. Belaiew. On the „Wodan-Monster" or the „Dragon" series of the Anglo-Saxon sceattas (avec résumé russe). G. A. Ostrogorsky. Zum Stratordienst des Herrschers in der byzantinisch-slavischen Welt. I. N. Okuneva. L'icone de St. Nicétas frappant le diable (en russe, avec résumé français). J. Myslivec. Deux icones italo-greques de la collection Soldatenkov. N. E. Andreev. Der Mitropolite Makarij als Förderer der russischen religiösen Kunst (en russe, avec résumé allemand). D. A. Rassovsky. Les Comans. I. L'origine des Comans (en russe, avec résumé français). Personalia. Bibliographie.

Vol. VIII, 1936 (316 pages, 12 planches). Prix $ 8.—

A. A. Vasiliev, Expositio totius mundi. G. A. Ostrogorsky. Die byzantinische Staatenhierarchie. E. Darkó. Die ursprüngliche Bedeutung des unteren Teiles der ungarischen heiligen Krone. G. V. Vernadsky. A Japanese drawing of the Russian settlement in Aniva Bay, Karafuto (1854). K. Weitzmann. Das Evangelion im Skevaphylakion zu Lawra. Moine Basile Krivochéine. La doctrine ascétique et théologique de Saint Grégoire Palamas (en russe, avec résumé français). G. I. Loukianoff. La châsse d'argent de la grande martyre Ste Catherine — offrande des tzars russes au couvent de Sinaï en 1688 (en russe, avec résumé français). D. A. Rassovsky. Les Comans. II. L'expansion des Comans (en russe, avec résumé français). J. Werner. Zwei byzantinische Pektoralkreuze aus Ägypten. I. N. Okuneva. L'icone en stéatite du XVI s. (en russe, avec résumé français). N. T. Belaiew. On the geographical distribution of the sceattas (en russe, avec résumé anglais). N. L. Okunev. Un monument de l'art serbe du XIIIe s. (en russe, avec résumé français). N. E. Andreev. Mönch Zinovius vom Kloster Oten über die Verehrung und das Malen von Ikonen (en russe, avec résumé allemand). Personalia. Bibliographie. Supplément I: Notes sur la „Chanson d'Igor". Rásonyi L. Les noms de tribus dans le Slovo o polku Igorově. Toll N. P. O žemčugě v sně Sviatoslava. Rassovsky D. A. Chinova. Rassovsky D. A. Tlъkoviny.

MÉMOIRES de N. P. KONDAKOV (en russe; Н. П. КОНДАКОВЪ. Воспоминанія и Думы). Prague 1927. (in 8°, 20 × 28 *cm*, 79 pages, 1 planche hors texte.) Prix $ 1·—

N. P. TOLL. Tissus coptes. Collection du Musée des Arts et Métiers de Prague. (En russe; Н. П. ТОЛЛЬ. Коптскія ткани Художественно-Промышленнаго Музея въ Прагѣ.) Prague 1928. (in 4°, 22 × 29 *cm*, 44 pages, 11 planches, dont une en couleurs.) Prix $ 3·—

ZΩΓΡΑΦΙΚΑ

Série d'études de la peinture religieuse sur bois en particulier sur les icones orthodoxes de l'Orient. Le texte est publié en deux langues. (Fascicules grand in 4°, $27 \times 34^{1}/_{2}$ *cm.*)

Выпускъ I. А. И. АНИСИМОВЪ. Владимірская Икона Божіей Матери (русское изданіе). Прага, 1928. 48 стр., 6 таблицъ черныхъ и 2 въ краскахъ . . . . . Цѣна $ 5·—

Fascicule Ier. A. J. ANISIMOV. Our Lady of Vladimir. English edition. Prague, 1928. 40 pp., 6 plates and 2 plates in colour. 300 numbered copies . . . . Prix $ 8·—

Выпускъ II. Н. М. БѢЛЯЕВЪ. Икона Божіей Матери Умиленія изъ собранія Солдатенковыхъ. Прага, 1932. 20 стр., 2 табл. черн. и 2 въ краскахъ.

Fascicule IIe. N. M. BÊLAEV. The Icon of our Lady's "Umilenie" from the Soldatenkov collection. Russian and english. Prague, 1932. 20 pp., 2 plates and 2 plates in colour Prix $ 4·—

Выпускъ III. А. Н. ГРАБАРЪ. Нерукотворенный Образъ Ланскаго собора. Русское изданіе. Прага, 1930. 40 стр., 6 таблицъ черныхъ, 2 въ краскахъ и 4 рисунка въ текстѣ . . . . Цѣна $ 6·—

Fascicule IIIe. A. N. GRABAR. La Sainte Face de Laon. Le Mandylion dans l'art orthodoxe (Edition française.) Prague, 1931. 40 pp., 6 planches phototypiques et 2 en couleurs. Prix $ 8·—

Выпускъ IV. Н. Л. ОКУНЕВЪ. Христосъ во гробѣ. Русское изданіе. (Готовится къ печати.)

Fascicule IV. N. L. OKUNEV. Le Christ de pitié. Études iconographiques. Edition française (en préparation).

ΣΚΥΘΙΚΑ

Série consacrée à la civilisation (archéologie, histoire, ethnographie) du monde, que les écrivains classiques et byzantins nommaient «Skythia», comprenant dans ce terme tous les peuples nomades, habitant l'espace de la plaine Pannonienne jusqu'à l'Océan Pacifique.

Выпускъ I. М. И. РОСТОВЦЕВЪ. Срединная Азія, Россія, Китай и звѣриный стиль. (Текстъ русскій и французскій.) Прага, 1929. (48 стр., 11 таблицъ, 4°, 22 × 29 *cm.*)

Fascicule Ier. M. I. ROSTOVTZEFF. Le centre de l'Asie, la Russie, la Chine et le style animal (texte français et russe). Prague, 1929. (48 pages, 11 planches; 4°, 22 × 29 *cm.*). Prix $ 3·—

Fascicule IIe. N. FETTICH. Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler; mit einem Anhang von L. BARTUCZ, Über die antropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn. Prag, 1929. (S. 96, mit 17 Tafeln, 16 Textabbildungen.) . . . . Prix $ 6·—

Выпускъ III. Ю. Н. РЕРИХЪ. Звѣриный стиль у кочевниковъ сѣвернаго Тибета. (Текстъ русскій и англійскій.) Прага, 1930. (48 стр., 5 таблицъ и 10 рис. въ текстѣ.)

Fascicule IIIe. J. N. ROERICH. The animal style among the nomad tribes at Northern Tibet. (Text english and russian.) Prague, 1930. (48 pp., 5 plates and 10 designs in the text.). Prix $ 3·—

Fascicule IVe. GY. RHE und N. FETTICH. Jutas und Öskü, Zwei Gräberfelder aus der Völkerwanderungszeit in Ungarn mit einem antropologischen Anhang von L. BARTUCZ. Prag, 1931. (S. 92, mit 20 Tafeln und 30 Textabbildungen.) . . . . Prix $ 6·—